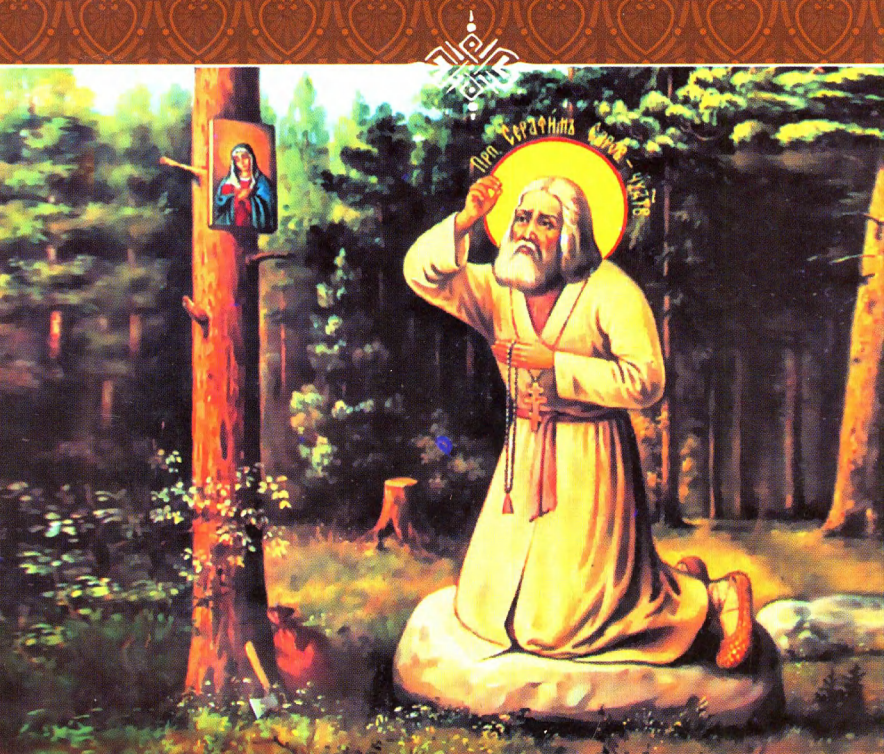

ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА И ПРЕДСКАЗАНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА И ПРЕДСКАЗАНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ

Преподобный
Серафим Саровский
Чудотворец

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 281.9
ББК 86.372
Д44

*Книга выпущена в рамках совместного проекта
Издательского дома «Вече» и Издательского дома «Провинция»*

Д44 Дивеевская тайна и предсказания о Воскресении России. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец / Сборник. — М.: Вече, 2011. — 320 с. — (Великие тайны истории).

ISBN 978-5-9533-5305-2

Родной и близкий каждому русскому православному человеку святой, самый сердечный и добрый помощник из всего благодатного сонма святых, в Земле Российской просиявших, — вот кто такой Преподобный Серафим Саровский. В эту книгу о нем вошло пространное жизнеописание Преподобного, составленное замечательным церковным публицистом Евгением Николаевичем Пожежовым (1870—1931), который публиковался под псевдонимом Евгений Поселянин и чьи статьи и книги во многом открыли широкому читателю мир русского старчества. В книгу вошли также и фрагменты из «Дивеевской летописи». Это удивительно искренние свидетельства о Преподобном Серафиме и о том непостижимо прекрасном явлении православной русской культуры, которую называют «Дивеевской святостью».

УДК 281.9
ББК 86.372

ISBN 978-5-9533-5305-2

© Оформление. ООО «Издательский дом «Вече»,
2011

ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА И ПРЕДСКАЗАНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ

Во славу Пресвятой, Пречистой, Преславной, Пренепорочной, Преблагословенной Богородицы Девы Марии издается сей труд

12 раз посетила Царица Небесная Преподобного Серафима Саровского при его жизни. Рекла Преблагословенная:

«Сей от рода нашего», а другой раз: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец отвечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица Небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня. Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет перед Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами»...

Много чудного о будущей судьбе Дивеева говорил святой Преподобный Серафим.

В этой книге собран весь материал: 1) В начале мы поместили текст книги Е. Поселянина, начиная с 17-й страницы. 2) После помещен материал, взятый из книги «Дивеевская летопись», а также из книги о прославлении Преподобного Серафима Саровского. Книги были изданы в 1903 г.

Сама Владычица неба и земли, Матерь Божия, определила и освятила Дивеевскую обитель как Свой Четвертый Удел на земле.

Глаголы Жизни Вечной — святого Евангелия учат нас не ужасаться, когда мы услышим о войнах и военных слухах, ибо всему тому надлежит быть. В скором времени мир будет этим потрясен и, как предсказывал еще в Царское время старец Аристоклий, — Россия освободится от ига богоборческой власти. Ее правление придет к первоначальному, т.е. к монархии. Пре-

жде же этого будет страшная война, преследование верующих и многое другое.

Тогда за стойкое хранение Православия Господь пошлет великую радость, и на Родине нашей снова восстановится Царство Православное. Тогда исполнятся пророчества Преподобного Серафима, что Дивеево будет Единая Лавра в России, что когда будет Собор, то московский колокол Иван Великий придет в обитель и что будет четверо мощей. Наверно, к этому времени относится и прославление подвижницы Елены Васильевны Мантуровой, которую Преподобный Серафим называл великой госпожой и мощи коей должны быть нетленны. Предсказано и об Антихристе, и о том, что только избранные, т.е. хранящие Божий завет, будут спасены в Дивеево, ибо врата ада не одолеют этой последней святой обители.

Весь этот материал читатель найдет в I и II частях этой книги.

Дай Бог, чтобы страницы этой книги согрели сердца читающих беспредельной любовью ко Господу и Царице Небесной — согрели бы той самой безграничной тихой и теплой любовью, какой сиял великий и дивный старец Преподобный Серафим. Издана эта книга и для того, чтобы заветы Царицы Небесной, невидимо пекущейся о Дивеевских подвижниках, не были забыты и были строго соблюдаемы при восстановлении этой чудной обители.

Преподобный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, и Вы, великия подвижницы Александра, Елена, Мария и другие, в Дивеево просиявшие, и Вы, отче Василие, и Михаиле, и Николае, вместе с бесчисленным ликом новомучеников Российских, совершите святую молитву у Престола Господа Славы о помиловании отечества нашего, и за весь русский народ, и за тех, кто трудился над этой книгой, чтобы быть нам верными Истине до последнего нашего вздоха и, по милости Божией, ради представительства Царицы Небесной, исправить жизнь нашу и получить удел в Царствии Небесном.

Редактор

Протодиакон Никита Чакиров

31 января/13 февраля 1980 г.

*Свят. Никиты Печерского, еп. Новгородского
и св. безср. чуд. Кира и Иоанна*

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

В другом месте записок Мотовилова обретена была мною и следующая ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА:

«Неоднократно, — так пишет Мотовилов, — слышал я из уст великого Угодника Божия, Старца о. Серафима, что он плотью своей в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

— Вот вы, Батюшка, все говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас Саровские отдадут?

На сие Батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

— Мне, ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут: то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременной жизни и посем воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего».

«Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую и страшную тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем, он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли, Дивеев станет Лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией. И проповедуя в Дивеево покаяние, Батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей, и, по открытию их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему».

Такова великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях Симбирского Совестного Судьи, Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого прозорливца, чина пророческого, Преподобного и Богоносного Отца нашего Серафима, Саровского и всея России Чудотворца.

В дополнение же к тайне этой вот что я слышал из уст 84-летней Дивеевской игумении Марии. Был я у нее в начале августа 1903 года, вслед за прославлением Преподобного Серафима и отъездом из Дивеева Царской Семьи. Поздравляю ее с оправданием великой ее веры (матушка, построив Дивеевский собор, с 1880 года не освящала его левого предела, веруя, согласно Дивеевским преданиям, что доживет до прославления Серафима и освятит предел в святое его имя); поздравляю ее, а она мне говорит:

— Да, мой батюшка, Сергей Александрович, велие это чудо. Но вот будет чудо так чудо, — это — когда крестный то ход, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеево, «а народу-то, как говаривал наш Угодничек-то Божий Преподобный Серафим, что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо чудное, диво дивное».

— Кто доживет, тот увидит, — ответила мне игумения Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

Это было мое последнее на земле свидание с великой носительницей Дивеевских преданий, той 12-й начальницы, «Ушаковой родом», на которой, по предсказанию Преподобного Серафима, и устроился, с лишним 30 лет после его кончины, Дивеевский монастырь, будущая Женская Лавра.

Через год после этого свидания игумения Мария скончалась о Господе.

С.А. Нилус

Тропарь Преподобному Серафиму, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвижался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Молитва Преподобному Серафиму

О великий угодниче Божий, преподобне и Богоносне отче наш Серафиме! призри от горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоея помощи и утешения просящих. Приими к нам благосердие твое и помози нам заповеди Господни непорочно сохранить, веру православную крепко содержать, покаяние во гресех наших усердно Богу приносить, во благочестии христианством благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвеннаго к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, молящихся тебе с верою и любовию, и не презри нас, требующих твоего заступления: ныне и в час кончины нашей помози нам, и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов дьявольских, да не обладает нами тех сила, но да сподобимся помощию твоею наследовати блаженство обители райския. На тя во упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам востинну ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему Свету жизни вечныя Божоприятным предстательством твоим у Престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопоклоняемое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Е. Поселянин

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Весть о прославлении старца Серафима Саровского

I.

Итак, это долгожданное событие близко...

В скором времени в великой, незаходимой славе промчится по России, по всему православному миру, по всему — может быть — христианству имя отца Серафима.

И труднопередаваемые впечатления восторга, умиления, счастья, радостного ожидания переживают те, кто привык уже давно любить и чтить его, считать его дивным чудотворцем.

Да, отец Серафим, о котором еще так мало знает наше образованное общество, был одним из самых замечательных людей не только XVIII и XIX веков, которые он озарил сиянием своей праведной души, но и всех веков христианства.

Возьмите время расцвета подвигов наиболее высоких в аскетизме великих египетских отцов, прибавьте к этому ту глубокую задушевность, какую отмечены в большинстве случаев личности наших преподобных; представьте себе человека, уже на земле живущего как бы вне плоти, небесною жизнью; человека, для которого уже как бы упразднились условия, связывающие других людей, — которому возвращены все те дары, что при конце мироздания обильно были уделены Богом первому, богоподобному, человеку; представьте себе человека, словом одним исцеляющего застарелые, тяжкие недуги, человека, пред взором которого одинаково обнажено неведомое будущее и сокровенное прошлое, которого видят то ходящим над землею, то поднимающимся на воздух во время молитвы, как некогда Ма-

рия Египетская в пустыне. Представьте душу, сжигаемую огнем любви Божественной и в то же время расширяемую самым безграничным, греющим, трогательным сочувствием к людям; душу, возвышавшуюся еще на земле до созерцания самых великих тайн Божества, какие лучшим и праведнейшим людям откроются лишь за заветною гранью, в иной жизни; представьте человека, для которого мир надземный был родным, своим; к которому, окруженная несказанною славой, Владычица мира сходила для беседы, как с близким человеком; одним словом, представьте себе спустившееся на землю торжествующее небо, воплотившуюся самую смелую, дерзновенную мечту о том, как далеко в земных условиях может пойти победа духа; представьте себе слетевшего к людям, на утешение им, «пламенного» серафима, представьте себе высшее, совершеннейшее, прекраснейшее выражение того сложного понятия, какое определяется словом «святой», — и вы получите приблизительный намек на то, чем был здесь, на земле, отец Серафим.

О, как отраднo и легко его любить! И как сам он деятельно и легко любил!

Одно из величайших утешений для живущих в Церкви заключается в том, что они находятся в живом общении со светлым сонмом святых. Им молятся, им открывают душу. И святые внемлют их молитвам, откликаются на них. Сознательно и тепло верующий христианин поймет, что к каждому из святых, для него близких, у него особое, личное отношение. У всякого святого свои дары, свои способы проявлять свое попечение о тех, кто зовет их. Как эти выдающиеся люди при земной жизни своей имели каждый яркоочерченную, цельную и отличную от других личность, как и в новом виде своего бытия все особенности их личностей столь же ярки. И именно сила этих личностей, воздействие их на верующих, размер, так сказать, проявляемой ими заботы о верующих и вызывает ту или другую форму почитания их, то или другое напряжение усердия к ним.

Ведь самое прославление святых начинается с того, что они видимым, осязательным образом проявляют «жизнь свою по смерти», являясь к людям с помощью, утешением и исцелением, причем одни из этих людей чтили и призывали их, другие же ничего и не слышали о них.

И вот, в этих явлениях их, в тех словах любви и милосердия, которые они произносят, — познается характер святых, причем впечатление от этих действий их, перешедших в мир бесплотный, усиливается и как бы сливается с впечатлением, произведенным их жизнью.

II.

Земными подвигами своими отец Серафим оставил по себе неуывдаемую память безграничной духовной крепости. Трудно назвать хоть кого-нибудь, кто бы мог сравниться с отцом Серафимом в его трудах: трудно назвать кого-нибудь не только из современников его, но и вообще из всех известных святых. Он один понес на себе труды пустынножительства, затворничества, старчества. Его кротость умиляла до слез приходивших к нему. Смирению его не было границ. Всякого посетителя, богатого барина и нищего, праведника и грешника, изболевшего грехами, он целовал, кланялся до земли и, благословляя, целовал ему руки. Речи его дышали проникающею, тихою, живительною властью. Они согревали заглодевшие в жизни сердца, снимали завесу с глаз, озаряли ум, приводили к раскаянию и, чудною силой охватывая разум и волю, осенили душу человека тишиной. Целым откровением, живым и мощным доказательством бытия духовного мира был ясный, покоряющий вид его, как яркий луч солнца, засиявший в темноте жизни.

Толпы народа неотступно притекали к старцу в последние годы его жизни, когда в некоторые дни число посетителей его доходило до 2000 в сутки. Заживо народ признал его святым и чудотворцем. А этот истинный последователь Христов до последних дней до того угнетал себя вольными страданиями, что без ужаса нельзя было смотреть на его жизнь, без ужаса нельзя и теперь вспомнить о муке его.

Он был гениальный человек, с ясным, метким, широким, основательным умом, счастливою памятью, творческим, живым воображением. Это был великий дух в тонком, необыкновенно прекрасном теле.

Современники радовались на него и утешались им.

Известный жизнью своею игумен Глинской пустыни Филарет в день кончины отца Серафима, выходя с братиею от утрени, указал братии на необыкновенный свет, видимый в небе, и произнес: «Вот, так отходят души праведных. Ныне в Сарове душа отца Серафима возносится на небо».

Вскоре после кончины отца Серафима известный высокою жизнью своею, один из наиболее выдающихся подвижников XIX века, архиепископ Воронежский Антоний говорил:

«Мы как копеечные свечи. А он как пудовая свеча всегда горит пред Господом как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею».

Кончилось для него земное странствование. Настала небесная слава. И что же, в каком образе предстает он теперь людям?.. Та же кротость, та же любовь. Тем же ласковым словом зовет он людей, как звал их на земле: «Радость моя!»

«Я пришел навестить своих нищих. Давно здесь не был», — говорил он в 1858 году, явившись для исцеления Дивеевской инокини Евдокии.

«Радость моя, — говорит он, явившись Саровскому монаху, впавшему в уныние, — я всегда с тобою. Мужайся, не унывай!»

Вот он является во сне Шатской (город Шацк) купчихе Петаковской, знавшей его при жизни, и говорит: «В ночь воры подломили лавку твоего сына. Но я взял метелку и стал мести около лавки, и они ушли».

«Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит!» — говорит он, явившись во сне в 1864 году в Петербурге г-же Сабанеевой, у которой сын заболел пред экзаменом в Горный институт.

«Что ты все плачешь, — говорит он монахине Понетаевского монастыря Афанасии, придя к ней в белом балахончике и камиллавке и севши на постели больной. — Что все плачешь, радость моя... Все те спасутся, которые призывают имя мое!»

«Простая и добросердечная!» — говорит он одной знатной, тяжело больной барыне, войдя к ней неожиданно ночью, с открытою головою, в белом балахончике, с медным крестом на груди.

«Мир дому сему и благословение!» — говорит он в 1865 году пред Рождеством, входя в виде безызвестного, седого, согбенного странника в дом г-жи Бар., где, по обычаю, раздавали пособия нуждающимся.

— Ты за подаванием? — спрашивает его раздатчица.

— Нет, не за тем. Мне ничего не надо. А только видеть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нет дома. Что передать, скажи нам?

— Нет, мне надо самому.

Одна из прислуги шепнула другой:

— Что ему тут? Пусть идет — может, бродяга какой.

А старичок сказал:

— Когда будет хозяйка, я зайду, я скоро зайду, — и вышел.

Стало тогда раздатчице жаль старика, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез. От хозяйки это все скрыли. Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне: «Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий».

На следующее утро г-жа Бар. получила с почты изображение чтимого ею отца Серафима. В этом изображении те, кто говорил накануне со старичком, узнали этого старичка.

Во все отношения свои к людям что-то бесконечно нежное, заботливое, материнское вкладывает отец Серафим, и эти сокровища сочувствия, эту безграничную отзывчивость уловит, отгадает в нем всякое верующее сердце, и привяжется к нему, насколько можно только привязаться.

Теперь отец Серафим станет широко известным, и все то, что таилось в нем сравнительно для немногих: для тысяч, десятков тысяч, — распространится и обнаружится на миллионы русских людей. И едва ли ошибочно будет сказать, что в привязанностях, в усердии народа отец Серафим займет одно из первых мест.

Конечно, он не имеет для России того великого политического значения, которым отмечена прижизненная и загробная деятельность величайшего из наших святых, игумена нашей земли, преподобного Сергия Радонежского.

Но как скорый помощник и покровитель, как надежда отчаивающихся, как неиссякаемый источник благодетельных дел, быть может, станет впоследствии известен повсюду — на Руси и в чужих краях — не менее, чем чтимый, согласно и трогательно не только всеми христианами всех исповеданий, даже отметающими, как лютеране, святых, но и магометанами, язычниками — Николай Чудотворец.

III.

Много величавых подвижников выставил из среды своей русский народ; и все то, что они на своем веку сделали, представляет собой изумительно-разнообразную сокровищницу нравственного богатства русского племени. И среди этих дивных людей все же довольно одиноким, довольно исключительным по мере трудов своих, по вдохновению своему, по достигнутой им — и очень еще мало кем — степени духовных вершин стоит старец Серафим. И человеку, много думавшему над жизнями святых, искавшему и в дальних, и в недавних веках следов сильных духовных настроений в русском быте, остается лишь трепетно изумляться отцу Серафиму. Ум немеет, сердце смущенно и радостно замирает, когда вдумываешься в его жизнь и, вдумываясь, видишь, куда благодать может вознести человеческое естество.

Уже высказав мысль о том, что старцу Серафиму не принадлежало и едва ли будет принадлежать та политическая роль, какую играли, например, в древности Преподобный Сергий и Святители Петр, Алексий, Филипп, Гермоген, в новейшее время митрополит Московский Филарет, остается добавить, что, как святой, действующий не разом на весь народ, повертывая жизнь историческую в то или иное русло, а на отдельные личности, — он будет иметь громадное значение.

Все, что человек ищет в человеке (а ведь и к святым мы обращаемся, лишь как к самым лучшим, добрым, чутким и сильным людям), все, чего недостает нам в живых людях, — все то совершенство любви, и заботы, и ласки найдет в нем всякий, кто уверует в отца Серафима, или кого он заставит уверовать в себя. Он на все откликнется, он все поймет и предусмотрит.

Как много говорит это слово «все». Ведь это «все» есть главное отличие явлений больших от огромных, исключительных, чрезвычайных талантов от гениев.

Лира Пушкина, на все отозвавшегося, все вместившего и понявшего, и Лермонтов, о котором нельзя произнести это «все». Шекспир и Гёте, на все откликнувшиеся, так что нет, кажется, ни одного порядка чувств, ими не проникнутого, — и Шиллер, и Мольер, о которых этого сказать нельзя.

Так и отец Серафим — безграничный, в своем сердце, как те великие, в их области, вместившие в себе всю широту жизни; так и он, обнявший сочувствием своим весь бесконечный мир горя и страдания людского и несущий ему все необъятное величие своей любви.

Да, благодатная волна, что надвинется скоро на Русскую землю, собирается, скапливается теперь в Сарове. Какие неисчислимые тайны благодеяний, помощей, исцелений польются от гроба с мощами старца, — от гроба, придавленного теперь тяжелым, неуклюжим памятником и вскоре открывающегося всенародно.

От силы и свежести этой волны всколыхнется, подымется Русская земля...

И как прекрасна ты, Русь, когда, полная одним чувством, согласно подымаешься ты, когда все наносное, временное спадает с тебя, и стоишь ты, единственная, несравненная, в своей истинной сущности. И эти эпохи подъема твоего духа — как бы сторожевые столпы на многотрудном пути твоей истории...

Вот и теперь, когда умножились в тебе беззакония, охватила тебя душевная смута, еще раз прозвучит тебе в тех дивных явлениях, которые теперь готовятся, любящий призыв Божий.

Заслышав его, поймешь ли ты, что только в старых путях — в смирении и вере — лежит твое спасение и твоя судьба?..

Да, на предстоящее прославление отца Серафима, которое, как то внушает вера в величие старца, будет сопровождаться изумительными знамениями, нельзя смотреть иначе, как на новый призыв Божий.

Сколько религиозных сомнений в нашем обществе, как нуждается оно в чрезвычайных способах для того, чтобы поверить хоть «видевши»...

Ведь много людей жаждут веры — и не могут развить ее в себе. Сколько раз в беседах с такими людьми, надеясь на всепобеждающую, над всем торжествующую благодать Божию, приходилось заранее убеждать их ехать на открытие мощей отца Серафима, которое ожидалось верующими давно и с нетерпением. Конечно, там не будет ни отрицанья, ни сомнений.

А потом в наши дни современным истрадавшимся людям так нужны такие чудотворцы.

Жизнь становится все суровой и холодной; каждый все больше думает о себе, все более ограничивая сферу своих сочувствий.

Все болезненнее и болезненнее стон, несущийся к небу из стесненных жизнью грудей, и неутоленная жажда сочувствия, отклика, помощи все сильнее мучит человечество.

И вот забьет новый, могучий источник сострадания и утешения.

Слезы навертываются на глаза, когда подумаешь о том, что переживают теперь верные дети отца Серафима.

Эти, например, трогательные сестры Дивеевские, у которых один придел в их великолепном соборе стоит неосвященным, ожидая, когда его можно будет освятить во имя отца Серафима.

Что чувствуют те, кто чтит отца Серафима с любовью, как бы утешавшую сердце, вырывавшуюся в пламенных прославлениях, в ласкательных восклицаниях к великому старцу! А такую любовью любили его многие. Какое же будет им счастье, когда придет светлый день прославления отца Серафима.

Несколько лет тому назад на этих страницах, делясь впечатлениями от поездки в Саров и Дивеев, пишущий эти строки говорил приблизительно так:

«Счастлив тот, кто теперь, прежде чем имя отца Серафима промчалось по Руси с трубным гласом, посетит Саров и Дивеев, пока тиха еще пустыня, пока не оглушают ее свистки поездов, переполненных спешащими на поклон богомольцами. Счастлив, кто теперь уверует в отца Серафима, не видев еще всей славы его — вера, которую Христос ублажил — и с усердием послужит ему».

Теперь эта возможность миновала. Саров становится общенародною святыней. К нему, отстоявшему на 100 слишком верст от железнодорожной сети, придвинулись железнодорожные пути. И по всей Руси скоро огласится имя старца.

И вместе с ликованием какая-то странная, сложная грусть закрадывается в тех, кто давно уже раньше с восторгом любил и поклонялся отцу Серафиму.

Грусть эта похожа на странное чувство, когда что-нибудь очень близкое, кровное, дорогое становится всеобщим достоянием.

Так в тайне грустит автор над успехом выброшенной в большую публику книги своей, в которую вложил всю душу, — грустит, вспоминая уединенные часы мук и восторгов творчества.

Так грустит отец при громе славы сына, ибо тогда нарушена тайна того исключительного чувства, того одинокого сознания и крепкой лишь самой собою веры, в которой столько теплоты и отрады.

Но что говорить об этих трудно уловимых оттенках чувства, когда, в общем, так безмерно светло и радостно, когда душе открылась область безоблачного, самого напряженного счастья!..

28 июля 1902 г.

Жизненный подвиг старца Серафима Саровского

В непродолжительном времени взоры всей верующей России будут привлечены к укрывшейся среди темного громадного соснового бора Саровской пустыни. Великое произойдет там торжество — прославление дивного старца Серафима, которого давно уже святым и чудотворцем нарекла народная молва.

И на этот раз сбылась мудрая пословица народная — «Глас народа — глас Божий». Великое усердие православных людей к памяти старца обратило на себя особое внимание Венценосного Вождя русского народа, Который, как сказано в появившемся о том правительственном сообщении, «разделяет веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвою». Настал благословенный и всерадостный для чтущих память старца день 19 июля 1902 года — и Государю Императору в эту 142-ю годовщину рождения отца Серафима «благоугодно было воспомнить и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца».

Прославление отца Серафима будет одним из радостнейших событий, которые когда-либо переживала Православная русская церковь, потому что, как то видно из жизни старца на земле и из явлений и дел его после блаженной его кончины, велика сила молитв его пред Господом, велико дерзновение его пред престолом Божиим.

Ум человека, много читавшего и вдумывавшегося в жития святых церкви, немеет пред сказанием о жизни и подвигах старца Серафима; при воспоминании о нем благоговейный трепет, трудно передаваемый восторг переполняют душу. Те, кто пристально читали и размышляли над жизнью отца Серафима, любят его, чтут его с каким-то особенным пылом. Это чувство как бы теснит сердце, вырываясь в громких хвалах великому, дивному старцу.

Он был как небожитель, залетевший на нашу грешную землю; светлый, яркий, греющий луч света, посланный в мрак житейский Отцом и Источником света. Он воистину, «взыскуп Бога и Творца всяческих, возлетел превыше видимыя твари». Редко в ком сила духовности доходила до такой отрешенности от всего мирского и до столь ясного обнаружения. Редко в ком плоть и все земное до того утончилось, упразднилось. Редко в ком победа духа самая совершенная, самая торжествующая, пошла так далеко. — Он точно не жил на земле, а лишь соприкасался с ней. Над его земным образом точно слышно биение белоснежных крыльев, готовых всякую минуту унести его в высь, для величайших молитвенных откровений, для святейших созерцаний духовных, для видения обителей райских.

Редко кто показал такую ревность о Боге, ревность, сжигающую все существо человека, внушающую ему тяжелейшие подвиги. Редко на ком полнее, изумительнее оправдалось Божие избрание, редко кто сумел стать столь верным и угодным сыном и другом Божиим. То был один, ни разу не ослабевший, ни разу не сдавшийся в напряжении своем порыв к Богу: и чем дальше, тем напряженнее. Одни лишения, одни страдания пожелал узнать он на земле, и, чем ближе приближался к заветной грани, тем больше искал страдания, так что в последние годы его жизни без ужаса нельзя было взирать на его быт. О, как посрамил он лютого, исконного врага нашего спасения! Если многих погубил этот человеконенавистник, то у отца Серафима он не мог вырвать из-под ног ни одной пяди почвы, и в этой страшной роковой борьбе старец покрыл его вечным позором. А какое едва ли когда виданное откровение любви к людям явил старец! Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых нежных сло-

вах и обращениях его к людям. Так умирительно тепло звал он всех: «Радость моя!»

«Радость моя» — точно слышится и теперь от его могилы; точно стоит, навсегда оставшись неизгладимым в воздухе мест, освященных присутствием святой его души, это драгоценное слово — «Радость моя!». И верится, что неисчислимые сокровища благодати и радостей прольются на верующих людей при прославлении отца Серафима. Уже и теперь точно тот покров горя и страдания, что обычно заволакивает собою жизнь, — точно покров этот исчез и что-то светлое проникло всю жизнь. На душе так светло, так хорошо и надежно, как не было, кажется, еще никогда: разве в раннем детстве.

Только и можешь думать, и думать, что о нем. Засыпая ночью, все твердишь: «Отец Серафим прославляется». Поутру, просыпаясь, первая мысль, мелькающая в голове, еще не стряхнувшей сон: «Отец Серафим прославляется». — И все вокруг: люди, события, вещи точно просветлели. Какими-то новыми глазами смотришь на мир, чувствуя невольно, независимо от тебя, происходящую в тебе какую-то таинственную работу духовного обновления. И невольно сознаешь, что все это происходит от той причины, которую можно выразить тремя словами: «отец Серафим прославляется». И как хочется вспоминать, говорить, слышать, писать о нем, хочется выйти на народ и возглашать его имя: «Знаете ли, какое великое ждет вас счастье — бегите к благодатному новому источнику, просите, зовите его, требуйте помощи — он всех услышит, он всем вымолит нужное для жизни и для спасения!»

Как необыкновенна была жизнь старца Серафима, читая о которой следует отрешиться от многих наших обычных земных понятий и стараться представить себе человека, до такой степени переродившегося под влиянием благодати, что многие из земных ограничений для него не существуют: так же необыкновенно и происхождение той Саровской пустыни, которая была свидетельницею подвигов отца Серафима.

Местность, где расположен нынешний Саров, была издавна населена народом финского племени, мордвою. Доселе сохранились там курганы — мордовские могилы и встречаются остатки их сооружений в виде ям и углублений в почве. Племя это до нашествия татар платило дань Рязанским и Владимирским князьям.

Очень вероятно, что на той горе, где возвышается теперь Саров, был русский сторожевой пост. Эта вероятность доказывается нахождением крестов в земле, на верху горы, когда основывалась Саровская пустынь.

В 1298 году татары покорили это место под предводительством Ширинского князя Бехмета. И, вероятно, тогда же построен был на месте теперешнего монастыря, на горе между речками Сатисом и Саровкой, татарский город Сараклыч. Он назывался «царственнейшим» городом, занимал значительное пространство и был сильно укреплен. Четыре части его, окруженные отовсюду реками или глубокими рвами и высоким валом, обороняли друг друга. Часто бывали здесь битвы с окрестным населением, и первые монахи находили здесь в земле стрелы, сабли, копья и много человеческих костей.

Девяносто лет сидели здесь татары. Наконец, теснимые местным населением, которое после Куликовской победы Дмитрия Донского уже не считало татар непобедимыми, они должны были удалиться за речку Мокшу, где постепенно рассеялись по разным селениям.

Стольный город Сараклыч стал приходить в запустение. Он зарос лесом, заселился дикими зверями. Мало-помалу оживленное некогда место города превратилось в дремучий бор и исчезла память о тех, кто тут жил. На то, что здесь когда-то стоял город, указывало только имя, данное этому месту жителями: «Старое Городище».

В Сказании о Сарове говорится так о превращении бывшего тут города в пустыню: «Лес великий, и древа, дубы и сосны, и прочия поросли, и в том лесу живуще многие зверие — медведи, рыси, лоси, лисицы, куницы; а по речкам Сатису и Сарову — бобры и выдры. И место то не знаемо бысть от человек, кроме бортников — мордвы». Триста лет ни одна душа не жила в этом месте.

В 1664 году пришел сюда Пензенский инок Феодосий и, поставив келью на валу бывшего города, стал тут подвизаться. Иногда он ходил проповедовать Слово Божие жителям ближайшего села Кременка и передавал им о необыкновенных явлениях, которых он был свидетелем. Не раз по ночам он видал небо как бы раскрывшимся; оттуда являлся свет, озарявший всю гору. Иногда

сходил сверху огненный луч, иногда слышался громкий благовест многих колоколов. Все это утверждало Феодосия в мысли, что этому месту суждена великая будущность. Феодосию не пришлось кончить жизнь в «Старом Городище». Живший здесь после него инок Герасим был тоже свидетелем разных знамений. Стоя на молитве в праздник Благовещения, он услышал такой сильный звон, что гора, казалось, колебалась от него, и с тех пор этот звон слышался ему часто. «Мню, яко место сие свято», — говорил старец.

Привлеченные молвою об этом необыкновенном звоне, полагая, по суеверию, что это явление означает присутствие на том месте клада, несколько крестьян села Кременка стали рыть почву. Клада они не отыскивали, но нашли шесть четвероколенных деревянных крестов и один медный.

По уходе старца Герасима лет десять или более место это опять было необитаемо, а окрестные крестьяне одни были свидетелями знамений, не прекращавшихся на «Старом Городище». То при ясной погоде слышался там гром, то доносился колокольный трезвон. Суеверные жители продолжали тщетно искать в горе кладов. А место было все пустынным, пока не пришел человек, избранный Богом, чтоб заселить его, первоначальник Сарова, иеромонах Иоанн.

Сын причетника с. Красного, Арзамасского уезда, он с детства привязался к храму, помогая отцу и подпевая ему на клиросе. Чтение духовных книг, житий святых и некоторые благодатные видения понудили его принять иночество. Услыхав о горе между речками Сатисом и Саровкой, в дремучих Темниковских лесах, как о месте, удобном для отшельничества, подвижник отправился туда и обошел все «Старое Городище». Красота этого места — непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы — все произвело глубочайшее впечатление на молодого восторженного инок.

Он водрузил здесь крест и через несколько времени пришел, чтоб окончательно поселиться тут. Тяжела жизнь пустытника и полна искушений от врага спасения. Чтоб укрепить душу постоянною памятью о смерти, подвижник стал рыть в горе пещеру, как символ гроба. Впоследствии, когда образовалась пустынь, эти

пещеры были расширены и устроена в них церковь во имя первых русских иноков, преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Время от времени присоединялись к отшельнику товарищи, но скоро уходили от него, и он оставался терпеть один. Было бы долго останавливаться на описании многообразных бед, гонений, перенесенных первоначальником Саровским. Скажем только, что в 1706 году совершилось событие, положившее начало возникновению Саровской пустыни, именно построение первого храма.

28 апреля его заложили на горе, к 16 мая уже воздвигнуты были стены, заложена кровля. 17-го решили воздвигнуть на храме крест. В ночь на 17-е на горе раздался громкий колокольный звон. Между тем ни одного колокола не было. Перед полуднем 17 мая кровельный мастер доканчивал отделку главы, а остальные рабочие работали внутри храма. Вдруг в полдень всех осветил необыкновенный свет, раздался трезвон многих колоколов и продолжался около часу.

К торжеству освящения собрались тысячи народа. Опять на столь долго остававшемся безмолвном месте бойкого города Сараклыча кипела жизнь. Но не для битвы и не в воинских доспехах сходилась сюда народ, а для молитвы, неся с собой церковную утварь, ризы, иконы в жертву новому храму. Накануне была отслужена всенощная, и среди ясного летнего вечера впервые в этих местах раздался уже не чудесный звон невидимых колоколов, а тихий благовест церковного колокола. Услыхав о построении церкви, многие иноки стали проситься к отцу Иоанну принять их в общежитие. Для того чтоб обеспечить порядок в жизни иноков, отец Иоанн написал доселе строго соблюдаемый в пустыни «устав общежительный», который свидетельствует и о великом духовном опыте старца, и о практической его мудрости.

7 июля 1706 года первоначальник Саровский созвал на совет всю братию, и, по единодушному согласию, братия положила следующее решение — приговор, тогда же записанный:

«В сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святей церкви Пресвятыя Богородицы Живоносного Ее источника быть общежительному пребыванию монахов... И положихом, по свидетельству и преданию святых апостол и святых отец, чин — устав общего жития. И отныне нам zde всем живущим монахом и сущим

по нас настоятелем и братьям держать и хранить безотложно, дондеже благоволением Божиим обитель сия будет стоять».

Правила Саровского общежития — самые строгие, в духе древнехристианских общежительных монастырей. Так, например, исключена всякая собственность, запрещено есть вне трапезы. Отцу Иоанну удалось обеспечить пустынь земельными угодьями. Он воздвиг в обители еще две церкви, перенес все келии на гору, устроил ограду и гостиницу для приезжих. Он надеялся вместо деревянных поставить каменные церкви и начал заготавливать кирпичи. Но лишь преемникам его пришлось совершить дело созидания великолепных Саровских соборов.

Число братии в 1733 году было 36 человек. Быт в пустыни был суровый. Все нужное для жизни приобреталось трудами братии. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, на жерновах мололи муку. Занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти, служившие обычною обувью. Зимой носили нагольные тулупы, летом балахоны из крашенины или из сурового холста. Единственным лакомством братии в праздничные дни служил настой из малины и мяты, который пили с медом.

Первоначальник Саровский отец Иоанн, по старости сложивший с себя обязанности начальника-строителя, кончил жизнь в изгнании.

То были печальные годы царствования императрицы Анны Иоанновны. Постоянно по малейшему поводу возникали обвинения в политической измене, и раз заподозренный пропадал для жизни: он томился в застенках так называемой Тайной канцелярии или подвергался казни.

В 1733 году, по ложному доносу, Саровские иноки были заподозрены в государственной измене. В Саров прискакали чиновники тайной канцелярии с солдатами для ареста отца Иоанна. Сковав его цепями, его посадили под караул. Затем, допросив иночествующих, собрались везти его в Петербург. Строитель Дорофей и вся обитель еле упростили дать им проститься с отцом Иоанном и двумя арестованными одновременно с ним иноками. Их вывели пред врата обители в кандалах, поставили в десяти сажнях от ограды в ряд. С боков и сзади стали с оружием солдаты. Братии же велели выйти к ним, не подходя близко и не говоря им ни слова. То была величественная минута. Бряцание вандал и плач бра-

тии един нарушал тишину. Перекрестясь, первоначальник Саровский положил три поклона пред святыми вратами созданной им обители. Затем, обернувшись к оставляемой им братии, трижды поклонился ей в ноги, на что и братия отвечала земным поклоном. Затем он молча осенил ее крестным знаменiem.

Около четырех лет протомился Иоанн в узах в Петербурге. Пред кончиною, напутствуемый Святыми Дарами, он просил духовника доставить в Саровскую пустынь письмо с его предсмертным заветом братии — твердо хранить устав, держать мир и любовь между собою и безропотно нести послушания. Иеросхимонах Иоанн, скончавшийся 4 июня 1737 года, схоронен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской, в Санкт-Петербурге.

Из преемников отца Иоанна более всех замечателен строитель Ефрем. Он также пострадал по несправедливому доносу в измене и провел 16 лет в ссылке в Оренбургской крепости, пономарем при церкви. Он отличался необыкновенным милосердием. Особенно проявил он свое человеколюбие во время великого голода 1775 года, когда многим приходилось питаться древесной корой, смешивая с мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старец, печалась о бедствующим, приказал кормить всех приходящих в обитель, каких бывало до тысячи в день. Братия было стала роптать, боясь, что для нее самой не хватит хлеба. Тогда старец, собрав старшую братию и описав им нужду народную, сказал: «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от глада. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями».

Утешительная радость и мир сияли всегда на благообразном лице старца, пользовавшегося повсюду славою святости. Святитель Тихон Задонский был с ним в переписке. К портрету отца Ефрема сделана в обители следующая надпись:

Не Сирий ты, но русский ты Ефрем.
Саровской пустыни броня еси и шлем.

Он оставил также по себе благодарную память прекрасными постройками. Кроме трапезы и корпуса келий он воздвиг велико-

лепный храм в честь Успения Богоматери — обширный, величественный, с высоким, точно в небо уходящим, иконостасом, богато украшенный.

Жизнь в Сарове сложилась истинно монашеская. Не имея еще святынь, кроме чудотворной иконы Богоматери, называемой «Живоносный Источник», Саров стал, тем не менее, целью богомолий; народ шел полюбоваться красою храмов его, насладиться стройным, истовым богослужением, наставиться у мудрых и праведных его старцев. В одной старинной рукописи, в главе о «приписных к Суздальской епархии городах» (Саров принадлежал прежде к этой епархии) сохранились следующие интересные сведения о Сарове.

«В Темниковском уезде имеется пустыня в великих непроходимых местах, именуемая Саровская, отдаленная весьма от селений мирских со всех сторон, имеющая начальствующего строителя. Обитель оная в недавних весьма годах составися при реке Сарове именуемой, на месте, где в прежния лета имелся некоторый Косимовского царства город, называемый Сатис, и по сем много лет бывший в упустении. Пребывающие в той обители монахи и бельцы житие имеют воздержное и крепкое, пищу и одежду общую, и более упражняются в трудах, между ими сам строитель первенство во всяком имеет деле (т.е. первый в трудах). Чин монастырский взят из Флорищевой пустыни, сущия в Гороховском уезде. В той (Саровской) пустыне вотчин никаких кроме лесу и пашенной земли не имеется, но довольствуются от подаяния Христолюбцев, которые Христолюбцы премного тую снабдевают, не токмо святой церкви потребными, но и братии на пищу и одежду весьма нескучно. В помянутой пустыне церкви святые устроены каменные — пять, внутренним и внешним украшением премного украшены».

Из подвижников XIX века, принадлежащих Саровской пустыни, особенно памятны знаменитый игумен и возобновитель Валаама Назарий, «полагавший начало» в Сарове и проведенный там же последние годы жизни, молчальник схимонах Марк, долгое время ютившийся в дремучем лесу Саровском, в шалашах или пещерах.

Теперь Саровская пустынь принадлежит к числу обеспеченнейших русских обителей, обладая обширными лесными угодьями.

Двухвековое усердие к ней многих богатых лиц снабдило ее прекрасною церковною утварью. Ее тяжелые литые паникадила, множество горящих свеч, дивная краса ее храмов, великолепие церковных сосудов (есть громадные потиры, которые трудно держать в руке, Евангелие, которое могут нести лишь двое иеродиаконов), роскошные облачения — во дни великих праздников, все это богослужebное, долгими десятилетиями скопленное богатство радует православное сердце. Но, находясь вдали от железнодорожных путей, обитель сохранила и высокий строй жизни иноков и настроение пустыни. Монахи имеют смиренный вид, благоговейно стоят в церквях, усердно исполняют послушания, кротки, прилежны. Главное, что доселе влекло сюда богомольцев и что теперь привлечет сюда внимание России и стремление к этому месту всех верующих сердец: это могила старца Серафима. Как солнце, он сияет на небе Сарова. Весь Саров как бы полон им. Назвать Саров — значит назвать и старца Серафима. Передадим же с благоговением и любовью главные черты его жизни.

Великий избранник Божий, старец Серафим родился в древнем городе Курске, который ранее уже дал России отца русского иночества, преподобного Феодосия Киевопечерского. Он происходил из семьи богатого и именитого курского купца, Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданий, церквей и домов. Он был известен за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам. Главною его постройкою в Курске был воздвигнутый по плану знаменитого архитектора Растрелли храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1833 году эта церковь была наименована кафедральным собором. После десятилетних работ, в 1762 году, нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была завершена, и в тот же год Мошнин скончался, передав все дела своей умной, распорядительной жене своей Агафьи.

Мошнина слыла еще более благочестивою, чем ее муж. Особенною чертою ее, — которая впоследствии так резко отличала и ее великого сына, — было милосердие. Она любила раздавать милостыню; особенно же по сердцу ей было заниматься судьбою бедных девочек-сирот. Она готовила им приданое и выдавала их замуж. Лет 15 еще, по смерти мужа, Агафья вела строение Сергиевской церкви и довела дело до конца. Все было исполнено так

добросовестно, что позолота, например, в 1863 году сохраняла всю свою свежесть. Старшего сына Мошниных звали Алексей, потомство его существует доселе. Отец Серафим, второй сын Мошниных, родился 19 июля 1759 года. Его называли Прохором, в честь апостола Прохора, память которого совершается 28 июля. По смерти отца Прохор остался трехлетним. Всем воспитанием своим он обязан матери.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о его детской поре. Он рос тихо, в обстановке исконного русского благочестия, и, можно сказать, все заветнейшее, лучшее содержание русского народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасении, о вечности мало-помалу впитал в свою душу до того, что уже в ней не стало места иной заботе, иной думе.

Особое промышление Божие о Прохоре выразилось в двух событиях его жизни. Однажды, когда ему было семь лет, мать его, отправляясь на стройку церкви, взяла его с собой. Она поднялась на самый верх колокольни, где не были еще утверждены перила. Мальчик, по живости забыв, где он находится, неосторожно подошел к краю и упал вниз. Мать, предполагая, что он убился до смерти и что там, внизу, может быть только его изуродованный труп, поспешно сбежала по ступеням. Ребенок стоял на земле целый и невредимый.

Прохор отличался крепким телосложением, острым умом, впечатлительностью, прекрасною памятью и, вместе, кротостию и благонравием. Когда его стали учить церковной грамоте, он принялся за дело с большою охотой и стал быстро успевать в учении, как вдруг сильно занемог. Домашние отчаялись в его выздоровлении. И снова суждено было проявиться над ним благодати Божией. Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить и исцелить его. Он рассказал это сновидение матери. Вскоре крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Богоматери по той самой улице, где стоял дом Мошниных. Ударил сильный ливень. Вероятно для сокращения пути, крестный ход свернул через двор Мошниных. Мать Прохора воспользовалась этим и поднесла к иконе больного сына. Затем икону пронесли над мальчиком. С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Оправившись, Прохор продолжал учение: прошел Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг. У старшего Мошнина, Алексея, была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бичевками, дугами, шлеями, лаптями, железом, и Прохора старались приучить к этой торговле. Но сердце его к этому делу не лежало. Торговля мешала ему бывать, как бы он хотел, у всех церковных служб. До этого он ходил ежедневно к обедне и вечерне. Теперь же, опуская по необходимости эти службы, подымался пораньше, чтоб отстоять заутреню.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел один чтимый в Курске юродивый, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Часто беседуя с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

Умная и благочестивая мать Прохора сердцем чуяла, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. Вообще в отношении Мошниной к своему сыну мы видим полную противоположность тому, как относилась к преподобному Феодосию (Киево-Печерскому) его, тоже по своему любившая его, мать. Та всячески старалась удержать сына в миру и крайне недоброжелательно относилась к его детским попыткам подвижничать. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги; избивала его и заковала его, когда он тайком ушел из дому со странниками, а она догнала его и привела домой. Даже из монастыря Киево-Печерского, когда она после долгих поисков нашла там сына, она старалась вернуть его в мир — угрозами, упреками и мольбами. Умная и благочестивая Агафия Мошнина поступила не так. Как мудрая христианка, она поняла, что пожертвовать сыном, без ропота уступив его Богу, будет угодной Ему жертвой и что Бог всякому, ищущему Его, силен дать такое счастье, пред которым — ничто вся слава, счастье и благополучие мира. И вера ее оправдалась.

Боясь огорчить мать, Прохор, когда в нем стало постепенно складываться решение оставить мир, — старался осторожно вызнать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он с радостью заметил, что она нисколько не будет препятствовать ему, и тогда он стал прямо заговаривать об этом предмете. Вместе с тем он поверял свои мысли некоторым товарищам, и пять человек из

курской купеческой молодежи порешили одновременно с ним начать иноческую жизнь. В этом нельзя не видеть значительно-го влияния Прохора на сверстников. Известно, что, хотя в годы и отрочества, и ранней юности он любил уединение, все же не избегал общества товарищей; но, как сильная, цельная натура, подчинял их своему настроению. Он любил читать сверстникам вслух духовные книги и вести с ними духовную беседу.

Сохранилось воспоминание о том, как простился Прохор с матерью. Сперва, по русскому обычаю, все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным большим крестом. Этот крест он всю жизнь свою хранил как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, нося его поверх одежды открыто на груди, с ним и скончался. Заранее было взято Прохором для пострижения в монастырь увольнение от Курского градового общества. Оставалось только решить, куда идти. Саровская пустынь славилась истинною иноческою жизнью и, тем более, должна была привлекать Прохора, что начальствовал в ней строитель Пахомий, родом из курских купцов и знакомый родителям Мошниным. Но ему хотелось поверить свое решение советами людей опытных и духовных. Кроме того, он жаждал поклониться Киевским святыням, где все говорит сердцу человека, избирающего иноческий путь. И с пятью своими единомышленниками он отправился пешком в Киев.

В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей — затворник, спасавшийся в Китаевской обители. Прохор пришел к нему, открыл ему всю свою душу и, став пред ним на колени, целуя ему ноги, умолял его указать ему место, где он должен поселиться. Прозорливый старец прямо указал ему на Саров такими словами: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанное призывание имени Божия так: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешного!” В этом да будет все твое внимание и обучение. Ходя и сидя, при деле и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в Тебя Дух

Святой, Источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни. Он последователь наших Антония и Феодосия». С радостным сердцем принял Прохор старцев совет. Он отовел в Киеве, потом вернулся в Курск, где прожил несколько месяцев. Хотя он временами и ходил в лавку, но уже не занимался торговлей, а вел духовную беседу: с ним приходили поговорить о монастырях, о том, как спастись, или послушать, как он читал духовные книги.

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богоматери, 19-летний Прохор пришел в Саров. Всенощное бдение, благоговение братии с первого же раза произвели на него сильное впечатление. Строитель Пахомий, истинный инок, ласково его принял и поручил его казначею, старцу Иосифу. Кроме того, что этому старцу Прохор должен был прислуживать, он исполнял и другие послушания: в хлебна, в просфорне, в столярной, пономарил. С величайшею ревностью принялся он за дело нравственного перевоспитания себя, постоянного наблюдения за собою и стремления к совершенству, в каком состоит все призвание и назначение монаха. Постоянною деятельностью он старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений. «Болезнь сия врачуется, — говорил он впоследствии по собственному опыту, — молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и раждается она от малодушия и праздности и празднословия».

В определенные часы приходил он в церковь, стараясь быть там раньше всех, неподвижно выстаивал все богослужение, постоянно имея взор, опущенный к полу, чтоб избежать рассеянности, стоял всегда на определенном месте и до самого конца. В келии своей он упражнялся в чтении и в телесном труде. Евангелие и послания апостолов он всегда читал стоя. Из духовных книг читал Шестоднев святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лествицу преподобного Иоанна, Добролюбие и другие. В часы отдыха Прохор занимался работою: искусно вырезывал из кипарисного дерева крестики для раздачи их богомольцам. Он был вообще искусен в столярничестве, так что в одном расписании иноков один из всех назван «Про-

хор столяр». Участвовал он также в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, в заготовке дров. В Саровском лесу спасалось в отшельничестве несколько иноков, из которых отец Назарий и отец Марк были самые известные. Их пример, столько же, сколько и стремление души Прохора, побудил его в свободные часы укрываться в лесу для уединенной молитвы. Он говорил впоследствии так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

Здесь, среди природы, к восприятию красот которой он был так чуток, свободно и восторженно лились его хвала и молитва к Богу. Кроме этой уединенной молитвы, Прохор принял еще подвиг: усиленный пост. В среду и пятницу он ничего не вкушал, а в другие дни недели принимал пищу лишь по разу в день. В 1780 году Прохор опасно заболел. Недуг, — по-видимому, водянка, — продолжался три года, из них не менее полутора лет больной провел в постели. Каким уважением уже тогда он пользовался, как ценили его, видно уже из того, что за ним, послушником, во все время его болезни ходили строитель Пахомий и другие старшие иноки. Больному становилось все хуже, и отец Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу, или, по крайней мере, пустить кровь. Прохор отвечал: «Я предал себя, святой отче, истинному врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачевством».

Старец Иосиф отслужил об исцелении болящего особо всенощную и литургию, братия молилась за него. Прохор стал поправляться. Много, много лет спустя старец рассказывал одной инокине Дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн, явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Владычица сказала: «Этот нашего рода!» Потом Владычица возложила на голову Прохора правую руку и жезлом, который она держала в левой руке, коснулась больного. У него образовалось в бедре углубление, в которое собралась вся вода

со всего тела. Та келия, в которой жил тогда Прохор и в которой совершилось это чудесное исцеление, была вскоре снесена, и на месте ее воздвигнута больница с двухэтажною церковью: в честь преподобных Зосимы и Савватия и Преображения Господня. За сбором на украшение этой церкви был послан Прохор. Между прочим, побывал он тогда и в Курске. Матери его уже не было в живых, но его брат оказал ему большую помощь. По возвращении домой Прохор своими руками построил престол из кипарисного дерева для нижней церкви Соловецких чудотворцев. Отец Серафим всегда с особым чувством относился к этому храму, как месту благодатного посещения. Он любил в нем приобщаться. Этот же храм он посетил и приобщился в нем и накануне блаженной кончины своей, 1 января 1833 года.

Восемь лет прожил отец Серафим послушником. Наружность его в это время была такова. Он был очень силен, росту в нем было 2 аршина 8 вершков, крепкого сложения. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное, белое лицо. Выразительные и проницательные глаза его были светло-голубого цвета, нос прямой и острый, густые брови и густые светло-русые волосы на голове, в окладистой бороде и усах. Он говорил увлекательно и имел счастливую память.

13 августа 1786 года Прохор пострижен в иночество, причем, без ведома его и выбора, ему дано имя Серафим, что значит «пламенный». Через год он рукоположен во иеродиакона. С тех пор в течение без малого шести лет он почти непрерывно служил. Он усугубил теперь свои подвиги. Ночи на воскресенья и большие праздники проводил все в молитве. Господь укреплял его. Он не чувствовал утомления, не нуждался почти в отдыхе, часто забывал о пище и питье; ложась спать, жалел, что человек не может, как ангел, непрестанно, без перерыва, служить Богу. Строитель отец Пахомий очень ценил иеродиакона Серафима и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой. Это дало случай отцу Серафиму присутствовать при кончине одной великой жены и принять от нее дело, которое впоследствии так изумительно разрослось чрез него: именно Дивеевскую общину.

Вдова полковника Агафья Симеоновна Мельгунова, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь свою стран-

ствованиям по святым местам и делам благотворения. Есть сказание, что, во время пребывания ее в Киевском Фроловском монастыре, ей явилась Пресвятая Дева с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей Владычица укажет, и что на том месте возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, идя в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, — ей вновь явилась Царица Небесная с повелением остаться на этом месте. Агафия Симеоновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и уничижения, исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне, благотворила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. Между прочим, построила прекрасную каменную церковь в Дивееве. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальное, так сказать, зерно Дивеевского монастыря.

Незадолго до кончины своей она приняла иночество с именем Александры. Она пользовалась великим уважением всей округи и, кроме дивной жизни и благочестия, изумляла всех своею глубокою мудростью. Отец Серафим благоговел к ее памяти. Он присутствовал при соборовании ее за несколько дней до ее кончины и при погребении ее. Умирая, она передала отцу Пахомию остатки своего некогда крупного состояния, прося его позаботиться об участи остающихся после нее сиротами Дивеевских насельниц. Отец Пахомий отвечал, что он исполнит ее волю, но едва ли доживет до исполнения обетования Царицы Небесной о том, что здесь будет монастырь. Но сказал, что после его смерти заботу о Дивееве примет на себя отец Серафим.

13 июня 1789 года первоначальница Дивеевская опочила смертным сном. Отец Серафим свято исполнил данное за него отцом Пахომием обещание. Он принял близко к сердцу судьбу Дивеева. Он называл инокинь Дивеевских не иначе как «Дивеевские сироты». В Дивееве, по блаженной кончине старца, как будто почил его дух. Что-то чрезвычайно благодатное как будто разлито в воздухе этого невыразимо отрадного места.

Проходя служение пажонское, отец Серафим устаивался великих духовных откровений. Временами он видел ангелов, служащих братии и воспевающих; они имели образ молниенос-

ных юношей, облеченных в белые, златотканые одежды. А то, как пели они: нельзя выразить словами. Вспоминая об этом, отец Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск тая от неизреченной радости».

Особо же великого откровения удостоился Серафим в один великий четверг, совершая литургию со строителем отцом Пахомием.

Как известно, «малый» выход из алтаря и следующее за тем вступление священнослужителей в алтарь выражает вступление их в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Когда после малого входа и парений иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны» — и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «и во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, — все не в состоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, отцу Пахомию и казначею, что он видел. «Только что провозгласил я, убогий — *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!* — и наведя орарем на народ, окончил: *и во веки веков*, вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

По-прежнему отец Серафим искал пустыни для уединенной молитвы и вечером уходил в лесную свою келью и, проведя там ночь в молитве, к утру возвращался в Саров. 34-х лет, 2 сентября

1793 года, отец Серафим в Тамбове рукоположен в иеромонаха. Теперь душа его томилась желанием совершенного уединения, полного пустынночества. Такая жизнь является одною из высших ступеней на пути восхождения человека к Богу. Это ничем не отвлекаемое, полное погружение человека в думу о Боге и постоянная молитвенная беседа с Богом, ничем не ослабляемый единый порыв души в благость Божества. Не потому, что ненавидят или презируют людей, удаляются подвижники в уединение и не потому, что не желают служить людям. А потому, что сперва хотят приблизиться к Богу, а тогда уже, ставши в Нем сильными, служить людям. — «Отче, — спросил как-то у отца Серафима один инок, много размышлявший об уединении, — некоторые говорят, что удаление от общежития в пустыню есть фарисейство, что оказывается пренебрежение братии, или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

— Не наше дело, — отвечал старец, — судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: «бегай людей, и спасешься». Но, испытав все трудности жития пустынноческого, старец впоследствии предостерегал спрашивавших у него совета, что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне, как со львами и леопардами.

Пред смертью своею строитель Пахомий, принявший 16 лет назад молодого, жаждавшего подвига Прохора Мошнина в число Саровских послушников, благословил теперь иеромонаха Серафима на жизнь в пустыне. Отец Серафим заботливо ходил за умирающим наставником и благодетелем своим и горько оплакивал его. После его кончины он удалился 20 ноября 1794 года в лесную келию. Видимым предлогом для удаления послужила сильная болезнь ног, вследствие постоянного стояния на ногах. Келия, куда удалился отец Серафим, была рас-

положена в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в 5—6 верстах от Сарова. В ней была изба с печью, сени и крылечко. Вокруг был небольшой огород, обведенный забором. Одна и та же убогая одежда была на отец Серафиме зимою и летом: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старая камилавка. На груди был крест, материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней Евангелие.

Внешние труды его состояли в заготовлении дров и топке келии; впрочем, часто он, чтоб томить себя, терпел в келии мороз. Летом он обрабатывал огород, который удобрял мхом, собираемым в болоте. Во время этой работы он иногда обнажался до пояса, и множество насекомых безжалостно жалили его. Тело опухало, покрывалось запекшеюся кровью, а он терпел. Во время работы часто молитвенный восторг сходил на душу подвижника. Он любил петь в это время церковные песни, которых, при прекрасной памяти своей, знал множество наизусть. Особенно он любил «Всемирную славу», антифон «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает». Случалось, что во время работы вдруг лопата или заступ выпадали из его рук, лицо его принимало дивное выражение, он стоял неподвижно, углубясь, в созерцание тайн духовных. В том же лесу жили отшельники отец Назарий, Марк и Досифей. Приходя иногда к отцу Серафиму, они заставляли его в таком же положении, он их не замечал и, иногда прождав пред ним около часу, они так и уходили, не замеченные им. Молитвенное правило его было чрезвычайно обширно. Часто вместо вечерних молитв он клал зараз тысячу поклонов. Питался он в пустыне тем хлебом, который в воскресенье приносил с собой из Сарова и который, конечно, на третий день был сух и черств. И тем он делился с птицами и лесными животными, которые очень любили его и ходили к нему. Став на высокую ступень духовности, старец получил и тот дар, который был у первого человека и утрачен чрез грехопадение. Звери повиновались ему. Не раз видали его кормящим громадного медведя, который, по его слову, отходил в чащу леса, а потом возвращался опять. Кроме хлеба пищею ему служили овощи, выросшие в его огороде. Потом он ограничил себя одними овощами. Наконец, он дошел до неимоверного воздержания.

Он перестал брать вовсе хлеб из монастыря, и братия недоумевала, чем он питается. Незадолго до смерти старец рассказал, что около 3 лет он питался лишь отваром из травы снитки, которую летом собирал и сушил на зиму. Проводя будни в пустыне, отец Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в пустынь и там приобщался. После обедни он говорил с теми из братии, кто в нем нуждался. А затем возвращался в пустынь. Иноки, жившие в лесу, слышали от него мудрые наставления. Вот одно из них, о непрестанной молитве: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве, говоря умом: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного”; в часы же послеобеденные можно говорить эту молитву так: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного”, или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: “Пресвятая Богородица, спаси нас”, или говорить поздравление ангельское: “Богородице Дево, радуйся!” Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем». — Если подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно уходил в сторону.

Но на не слыхавших даже слов его один вдохновенный вид его, в его убогой одежде, производил великое впечатление: трогал души, поучал, возбуждал к добру.

Отец Серафим не избежал тех великих искушений, какими обычно враг спасения воюет на иноков, проходящих пустынно-ческую жизнь, и какими он силится смутить их в эту великую пору их духовного роста. Однажды во время молитвы отец Серафим услышал вой зверей за стенами келии, потом точно скопище народа стало ломать дверь, выбили у двери косяк и бросили в келию громадный отруб дерева, который потом с трудом могли вынести восемь человек. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келия его разваливается начетверо и что к нему с ревом отовсюду рвутся страшные звери. Иногда он видал открытый гроб, из которого вставал мертвец. Этим привидениям отец Серафим не поддавался, но прогонял их силою крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большею яростью.

Он поднимал подвижника на воздух и с такою силою ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если б не охранявшая отца Серафима благодать. Можно думать, что отец Серафим видел самих злых духов, потому что на простосердечный о том вопрос одного мирянина старец с улыбкою ответил: «Они гнусны. Как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все искушения отец Серафим победил молитвою, именем Христовым и знаменiem крестным и некоторое время наслаждался миром. Между тем отец Серафим получил предложение быть настоятелем Алатырского монастыря, с возведением в сан архимандрита. Он отказался, отказался по смирению и от другого такого же предложения. Известно, что смирение есть венец добродетелей, как бы цемент, скрепляющий все добродетели. Ничто так не ручается за верный путь спасения, ничто так не страшит и не посрамляет врага, как смирение. Смирением победил и Христос злобу его, так как то, чем искушал и искусил враг первого человека, «будете, яко боги» — то самое путем смирения совершил Христос: сойдя на землю и став Человеком, Он обожествил человека и влил в него пролитую за него Божественную кровь Свою.

Не терпя великого смирения отца Серафима, враг еще лютей ополчился на него: он воздвиг в душе его так называемую мысленную брань. Для победы в этой страшной, роковой, ожесточенной борьбе старец решил предпринять новый подвиг, на который в древности решались весьма немногие подвижники и который казался невыносимо тяжек в последующие времена. То было столпничество.

На полпути от келии к монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу отец Серафим стал всходить при наступлении всякой ночи. Он молился или на коленях, или стоя на ногах, воздев руки вверх и вызывая словами молитвы мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному!* В келии своей он поставил другой небольшой камень, и в том же положении молился на нем весь день, сходя с него только для краткого отдыха и принятия пищи. В этом великом подвиге провел он тысячу дней и тысячу ночей. Враг был окончательно побежден. Но от этого почти трехлетнего непрерывного стояния опять открылась у старца болезнь в ногах,

которая была в первое время пустынножизни его. Болезнь эта не проходила более до самой кончины отца Серафима. Дивный подвижник сумел скрыть свое тысячадневное и тысяченощное моление. Впоследствии от Тамбовского архиерея был тайный запрос об отце Серафиме игумену Нифонту. Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников, открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из Саровской братии. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих.

— Святой Симеон Столпник, — отвечал старец, — сорок семь лет стоял на столпе. А мои труды похожи ли на его подвиг?..

Собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати.

— Да, — отвечал он, — иначе сил человеческих не хватило бы. Потом, помолчав, он прибавил: — Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами.

Посрамленный в личной, так сказать, борьбе с отшельником, враг начал действовать на него через людей.

12 сентября 1804 года пришли к отцу Серафиму, рубившему в лесу дрова, трое крестьян и дерзко потребовали денег, говоря, что мирские люди носят ему деньги. Отец Серафим ответил, что ни от кого ничего не берет. Не поверив ему, крестьяне напали на него. Один, кинувшись на него сзади, хотел его повалить, но сам упал. Отец Серафим был ловок и очень силен. С топором в руке, он легко мог рассчитывать отбиться от злодеев. Но вспомнились ему слова Евангелия: «Приимшии нож, ножом погибнут», — и он решился не защищаться. Бросив топор на землю и сложив руки крестом на груди, он спокойно сказал своим обидчикам: «Делайте, что вам надобно». Один из них, схватив топор, обухом ударил его по голове, так что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь и он в беспамятстве упал. Тогда они потащили его в келию, продолжая бить его топором, дубиной, топтали его ногами, думали даже бросить его в реку. Но, видя, что он вроде мертвого, связав ему руки и ноги, бросили его в сени, а сами кинулись в келию,

где обшарили все углы, сломали даже печь, все надеясь отыскать деньги. Но нашли лишь икону да несколько картофелин. На них напал страх, и они убежали. Когда отец Серафим пришел в себя, он выпутался с трудом из веревок, поблагодарил Бога за неповинное страдание, помолился об обидчиках и на другой день во время самой литургии припелся в пустынь в самом ужасном виде. Волосы на бороде и голове его были в запекшейся крови, в пыли, спутаны. Руки и лицо были избиты, выбито несколько зубов, на ушах и лице — запекшаяся кровь, окровавленная одежда местами пристала к ранам на теле. Он рассказал о случившемся настоятелю и братии и остался в Сарове. Первые восемь дней страдания его были чрезвычайны. Он не мог ни пить, ни есть, ни забыться ни на минуту сном от нестерпимой боли. В обители ждали его смерти. На седьмой день болезни, не видя улучшения, настоятель послал за врачами в Арзамас. Врачи нашли больного в таком положении: голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу смертельные раны, и лишь удивлялись, как он еще жив. Пока эти три врача, при которых было три фельдшера, совещались над постелью больного на латыни, что предпринять, отец Серафим забылся и имел во сне видение.

К постели его подошла окруженная славой, в царской порфире, Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она рекла в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» А затем, указывая апостолам на подвижника, произнесла: «*Сей от рода нашего*». После этого видения он отказался от какой бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю надежду возлагает на Господа и Богоматерь.

В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после поранения спросил пищи, и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал оправляться, но следы этого происшествия остались навсегда на нем. Еще раньше он как-то во время рубки леса был придавлен упавшим деревом, и, раньше прямой и стройный, стал теперь согбенный. Теперь же он еще больше сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пробыв пять месяцев в Сарове, отец Серафим вернулся опять в любимую свою пустынную келию. Таким образом, опять враг

спасения потерпел новое поражение. Обидчики подвижника были найдены и оказались крепостными крестьянами помещика Татищева, из села Кременок. Отец Серафим просил настоятеля не преследовать их и писал о том же помещику. Все настаивали на наказании. Тогда отец Серафим объявил, что в таком случае он оставит Саров и совсем уйдет в другое место.

Господь сам наказал этих людей: у них сгорели все избы. Тогда, раскаявшись, они пришли к отцу Серафиму и просили у него прощения.

В 1807 году скончался второй, со времени поступления отца Серафима, настоятель Саровский — праведный игумен Исаия, который весьма чтит отца Серафима и которому отец Серафим платил искренней любовью. Когда отец Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к отцу Серафиму. Когда он сложил с себя должность, отец Серафим был избран братиею в настоятели, но отказался, и был избран в настоятели казначей Нифонт. Большой старец не мог лишиться себя утешения в беседе с отцом Серафимом, и братия возила бывшего своего настоятеля в тележке в пустыню к отцу Серафиму. Кончина отца Исаии тяжело отразилась на отце Серафиме. Три любимых им старца, из которых двое, Иосиф и Пахомий, руководили первыми его иноческими шагами, лежали в могилах. Он сам прожил уже почти полвека. И новое поколение иноков не могло дать его привязчивой душе то, что давало ему общение с этими тремя глубокодуховными, а для него незаменимыми, коренными людьми. Как ни ограничивал он людских отношений, уход этих людей болезненно на нем отразился. Никогда не проходил он мимо кладбища монастырского без того, чтоб не помолиться на их могилах. Начальнице Ардатовской общины он как-то сказал: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтоб Он упокоил души рабов Своих Исаии, Пахомия, Иосифа, и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне!»

Стремясь все далее, все более очищая душу, а быть может, чтоб подвигом смирить печаль души, отец Серафим приступил к новому деланию — молчаливчеству. Он более не выходил, если кто посещал его. Встречаясь с кем в лесу, падал лицом к земле, и не вставал, пока не уходили от него, перестал даже ходить в

монастырь по праздникам. Раз в неделю, по праздникам, старцу приносил послушник из Сарова пищу. Зимой приходилось идти к нему по глубокому снегу. Дойдя до келии, послушник стучал, говоря вслух молитву Иисусову, и старец, ответив «аминь», открывал дверь сеней, где был приготовлен лоточек. Сам он стоял в это время со сложенными руками, смотря в землю и не подымая глаз на пришедшего. Послушник складывал принесенное на лоточек, а отец Серафим клал туда же кусочек хлеба или капусты, означая тем, что нужно принести на следующий раз. Затем послушник уходил, не слышав и голоса старца. Таково было внешнее выражение молчаливчества. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу.

Отец Серафим пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же — орудия сущности мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келии своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека ангелом: “На кого бо, говорит он (Ис., 66, 2) воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих”. Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние. Когда старца спросили, зачем он, наложив на себя молчание, лишает братию той духовной пользы, какую он мог бы принести ей своими беседами, он отвечал: “Святой Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога. Но лучше сего, если человек себя очищает для Бога”».

От молчаливчества он перешел еще к новому подвигу — заворничеству. Этому способствовало отчасти следующее обстоятельство. Не было известно, кто и как приобщает отца Серафима с тех пор, как он, приняв на себя молчание, перестал ходить в монастырь. Собор старших иеромонахов решил предложить ему: или ходить в воскресные и праздничные дни для приобщения в монастырь, или, если болезнь ног не позволяет этого, пе-

реселиться в Саров. Монаху, носившему отцу Серафиму пищу, было велено передать это ему и спросить у него о его решении. В первый раз отец Серафим ничего не ответил, во второй же раз молча пошел за монахом в Саров, и там остался. Это было в мае 1810 года.

Отец Серафим поселился в прежней келии своей, ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. У него не было теперь даже самых необходимых вещей. Икона с горящей лампадой и обрубок пня вместо стула — вот все, что было в келии. И огня он теперь не стал для себя потреблять. На плечах он носил теперь под сорочкою тяжелый железный пятивершковый крест. Собственно же вериг, вероятно, не носил. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски, — учил он, — вот и вериги наши, вот и власяница». Пищею его были теперь толочно и белая рубленая капуста. Воду и пищу относил ему сосед его по келии, монах Павел. Затворник, покрывшись полотенцем, чтоб никто не видал лица его, выходил из дверей и на коленях, как Божий дар, принимал посуду с пищей.

По-прежнему сложно и велико было молитвенное его «правило». Между прочим, он в течение недели прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал себе Писание вслух. Многие приходили к его двери и с радостью слушали его. Иногда же он, сидя над книгой, как бы замирал, погруженный в созерцание, не читая далее. Также иногда на молитве он переставал читать слова, замолкал и, не двигаясь, стоял пред иконой. Всякое воскресенье и большие праздники старец приобщался Святых Таин, которые после ранней обедни ему приносили в келию из любимой и знаменательной для него больничной церкви.

В сенях у него стоял дубовый гроб, сделанный, вероятно, им самим, как искусным столяром. Он просил после смерти положить его в этот непременно гроб и часто около него молился, готовясь к смерти. Он выходил иногда из келии по ночам, чтобы подышать свежим воздухом, и, читая тихо молитву Иисусову, в это время переносил дрова.

После пятилетнего строгого затвора старец внешне несколько ослабил его. Всякий мог войти к нему, так как он отпер дверь келии. На вопросы старец, хотя и не стеснясь посетителями, не давал ответа. Даже, когда посетил Саров Тамбовский епископ

Иона (впоследствии экзарх Грузии) и пришел к его келии, старец не отпер ему двери и ничего не отвечал.

Прошло еще пять лет затвора, и отец Серафим стал отвечать на вопросы братии и даже беседовать с нею. Он внушал братии неопустительно совершать богослужение, благоговейно стоять в церкви, постоянно заниматься умной молитвой — каждому усердно исполнять послушание, не есть ничего вне трапезы, за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, без важной причины не выходить за ворота, бояться своеволия как причины великого зла.

В 1825 году последовало явление отец Серафиму Богоматери. Пречистая повелела ему выйти из затвора и принимать всех, кто будет идти к нему. В это время отец Серафим был уже 66-летний старец. За почти полувековую монашескую жизнь сколько великого опыта духовного скопил он, какую великую воспитал в себе любовь к Богу, как изучил он малейшие движения души, как познал все оттенки той борьбы, которую «враг» ведет с человеком... И теперь он должен был в оставшиеся ему 7 лет жизни излить на русский народ все сокровища своего опыта, всю силу своих молитв, всю великость своей любви... Он начал новый подвиг: старчества, духовного руководства людьми. С окончания ранней обедни до 8 часов вечера келия была открыта для мирян, а для Саровской братии во всякое время. Эта маленькая келия освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными пред иконами. Печь в ней никогда не топилась. Двумя маленькими окнами она смотрела в широкую, привольную луговую даль. Мешки с песком и камня лежали на полу, служа, вероятно, ему постелью. Обрубок дерева заменял стул.

Обычно старец принимал посетителей таким порядком. Одетый в белый балахон и мантию, он надевал еще епитрахиль и поручи в те дни, когда приобщался. С особенною любовью встречал он тех, в ком видел желание исправиться, искреннее раскаяние в грехах. Побеседовав с такими людьми, он накрывал их голову своею епитрахилью и произносил над ними, положив свою правую руку на их голову: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Затем произносил

обычную разрешительную молитву, причем посетитель испытывал необыкновенно отрадное чувство. Вслед за тем старец начертывал на лбу посетителя крест елеем от иконы, и давал, если то было утром, богоявленской воды и антидора. Наконец, целуя всякого в уста, произносил всегда, какой бы то ни был день года, *Христос Воскресе* и давал приложиться к образу Богоматери, или кресту — материнскому благословию, висевшему у него на груди.

Особенно советовал старец непрестанно молиться, и для этого повторять всегда молитву Иисусову — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». — «Ходя и сидя, на деле, и в церкви стоя до начала богослужения, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием имени Божия найдешь ты покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святый Дух». Многие из посетителей старца винулись в том, что мало молятся, не вычитывая даже положенные утренние и вечерние молитвы. Делали они это и по недосугу, и по безграмотности. Отец Серафим установил для таких людей такое легко исполнимое правило. «Поднявшись от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню “Отче наш” трижды, в честь Пресвятой Троицы. Потом песнь Богородице “Богородице Дево, радуйся” также трижды. В завершение же Символ веры “Верую во единого Бога” — раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть тихо читает “Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (или грешную)”; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только “Господи, помилуй!” — и так до обеда. Пред самым же обедом пусть опять совершает утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает так же тихо: “Пресвятая Богородица, спаси мя грешного”, и это пусть продолжает до самого сна. Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: “Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную”. Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает утреннее правило, то есть трижды “Отче наш”, трижды “Богородице” и один раз “Символ веры”». Отец Серафим объяснял, что, держась этого малого

«правила», можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы — основание христианства. «Первая, как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ же содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры».

Кому невозможно выполнять и этого малого правила, старец советовал читать его во время занятий, на ходьбе, даже в постели, и при этом приводил слова из Послания к Римлянам: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Кому же есть время, старец советовал читать из Евангелия, каноны, акафисты, псалмы. Бывали у отца Серафима знатные люди. С ними старец беседовал об обязанностях их звания. Особенно же он умолял их хранить верность православной церкви, соблюдать ее уставы, защищать ее от нападений. Как простосердечно относился старец к нуждам простого народа, можно видеть из двух следующих примеров.

Однажды прибежал в Саровскую пустынь крестьянин с признаками сильнейшего волнения и спрашивал у всякого попадавшегося ему навстречу инока: «Батюшка, ты, что ли, отец Серафим?» Когда ему указали старца, он упал ему в ноги и закричал: «Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, как теперь буду семью кормить. Я без нее стал нищий. А ты, говорят, угадываешь». Ласково сказал ему старец, приложив его голову к своей голове: «Огради себя молчанием, иди в село (старец назвал село). Как станешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задом четыре дома, там ты увидишь калиточку. Войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас побежал по указанному направлению, и был слух, что он нашел свою лошадь.

В другой раз один монах привел к старцу молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил старца с крестьянином вдвоем. Через несколько времени, встретив этого крестьянина, монах его спросил:

— Ну что, отыскал ты своих лошадей?

— Как же, отыскал. Отец Серафим сказал мне, чтоб я шел на торг и что я там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел и взял к себе своих лошадок.

В отце Серафиме в великой мере действовал дар исцеления. В первый раз он проявился над человеком, ставшим впоследствии преданнейшим, вернейшим до самозабвения, до полного отречения, почитателем его.

Михаил Васильевич Мантуров, помещик села Нучи Ардамовского уезда Нижегородской губернии, долго служивший в военной службе, тяжело заболел и, выйдя в отставку, должен был поселиться в своем имении. Болезнь его была в высшей степени странная и необъяснимая. Лучшие доктора не могли ни понять, ни лечить ее. Нуча лежала в 40 верстах от Сарова, и в нее доходили слухи о святости отца Серафима. Когда болезнь приняла такие размеры, что у Мантурова стали выпадать кусочки костей из ног, он, в виде последней надежды, решился ехать к отцу Серафиму. С большими усилиями люди его, привезя его в Саров, ввели его в сени келии старца. Старец вышел к нему и ласково сказал:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал со слезами просить его об исцелении. Проникновенно и любовно старец трижды спрашивал больного, верует ли он в Бога, и трижды получил горячее уверение в совершенной, пламенной вере. Тогда на это старец ответил:

— Радость моя, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий, помолюсь.

Посадив Мантурова в сених у гроба, отец Серафим удалился для молитвы к себе в келию, и через несколько времени вернулся, неся освященное масло. Он приказал больному обнажить ноги, и, приготовившись вытереть их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал их в фалды сюртука Мантурова, и так велел ему идти в монастырь. С некоторым сомнением стал исполнять Мантуров приказание отца Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу, и крепко, смело мог стоять. Он не помнил себя от изумления и радости и бросился в ноги старцу, но отец Серафим поднял его, строго говоря: «Разве Серафимово дело мертвить и живить? Что ты, батюшка? Это дело

Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает; Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь славу!»

Прошло некоторое время. Мантуров чувствовал себя так хорошо, что стал даже забывать о недавней, так мучившей его болезни. Ему захотелось побывать у отца Серафима, принять его благословение, и он отправился в Саров. Дорогой он размышлял о словах отца Серафима, сказанных старцем после его исцеления, что надо ему возблагодарить и прославить Господа. Старец встретил его словами: «Радость моя, а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь!»

— Я не знаю, батюшка, чем и как прикажете, — отвечал Мантуров, удивляясь прозорливости старца.

Радостно взглянув на исцеленного, старец сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Странное, трудно передаваемое впечатление произвело на Мантурова это слово, возбудив напряженную работу его мысли. Он был еще молод, женат: чем же он будет жить, если все отдаст. Зная его мысли, старец сказал: «Не пекись, о чем думаешь. Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь. Хлеб же насущный у тебя будет». Всего второй раз видел Мантуров старца. Но старец, как бы вновь от ужасных страданий воззавший его к жизни, уже всецело владел благодарным, привязчивым, пылким сердцем Михаила Васильевича. Слово старца было для него уже святыней, и он ответил: «Согласен, батюшка. Что же благословите мне сделать?»

На этот раз мудрый отец Серафим не дал Мантурову определенного указания и отпустил его с благословением. Мантуров, исполняя совет старца, отпустил своих крепостных на волю, продал имение и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивеево на указанном старцем месте 15 десятин земли. Старец завещал ему хранить ее, никому не отдавать и назначить после смерти в Дивеево. Поселившись с женой своей, лютеранкой, на этом участке, Мантуров стал терпеть недостатки. Его жена, в общем хорошая женщина, была вспыльчивого характера, нетерпелива и упрекала его за его поступок. Но, безгранично доверяя старцу, покорив ему свою волю, Мантуров никогда не роптал и радостно нес тот

великий подвиг, к которому Христос призывал обратившегося к Нему за словом жизни юношу и который тот евангельский юноша был не в силах повествовать. Главное дело, которым отец Серафим занимал Мантурова, были Дивеевские дела. Мантуров стал вернейшим, преданнейшим учеником старца, — можно сказать, доверенным его другом. Старец иначе не называл его, как именем «Мишенька».

Быт отца Серафима во многом изменился, когда в 1825 году он, по явлению ему Пресвятой Богородицы, вышел из затвора. Здоровье старца было не хорошо. Подвиги и изнурение всей жизни, стояние на камнях, затвор — все отозвалось и на его крепкой, выносливой природе. У него болели и ноги, и сильно болела голова. Был необходим свежий воздух и движение. Еще с весны 1825 года он стал по ночам выходить из келии. В ночь на 25 ноября явилась ему Богоматерь, с разрешением оставить затвор, и с 25 же ноября, взяв благословение у настоятеля, старец стал ходить ежедневно на то место, которое, в отличие от прежнего его жилища в лесу (*дальняя пустынька*), стало называться *ближняя пустынька*.

В двух верстах от Сарова издавна находился родник, неизвестно кем вырытый и по стоявшей около него на столбике иконе Иоанна Богослова называвшийся Богословским. На горке в четверти версты от источника спасался в своей келье отшельник иеромонах Дорофей, скончавшийся в сентябре 1825 года. Место это отец Серафим посещал, еще когда жил в «дальней пустыне», работал здесь иногда и любил его. По выходе же из затвора он ежедневно стал посещать это место. Тут явился новый источник, по преданию, забивший от удара жезла Богоматери, явившейся здесь старцу. Вода этого источника, называемого «Серафимов», обладает свойством не портиться даже годы, и множество больных, с верою омываясь ею, получали дивные исцеления в тяжких недугах.

Летом 1825 года был возобновлен Богословский родник. Старец, собирая камешки в речке Саровке, выкидывал их на берег и унизывал ими бассейн родника. Около были устроены гряды, на которых старец сажал лук и картофель. Так как в келию отца Дорофея, за четверть версты, ходить утружденному годами и болезнями старцу было уже тяжело, ему устроили сруб на холме,

близ родника. Небольшой этот сруб, длиною и вышиною в сажень и шириною в два аршина, имел крышу скатом в одну сторону. Ни окон, ни дверей не было. Под стенку надо было подлезать. Сюда старец укрывался от дневного зноя. Через два года ему устроили здесь новую келию, с дверью, но без окон. И тогда он в этом месте стал проводить все дни, с утра, лишь к вечеру возвращаясь в Саров. Рано утром, в четыре, иногда и в два часа по полуночи, старец отправлялся в ближнюю пустыньку. Он шел в своем белом холщовом балахоне, в старой камилавке, с топором в руке. На спине у него котомка, набитая камнями и песком. Поверх песку лежало Евангелие. У него спрашивали, зачем он удручает себя этой тяжестью.

— Томлю томящего мя! — отвечал старец.

Стечение народа, желавшего кто лишь взглянуть на него, кто принять благословение, кто спросить у него совета, — все увеличивалось. Кто ждал его в Сарове, кто надеялся увидеть его на дороге, кто спешил застать его в пустыньке и быть свидетелем трудов его. Особенно велико было стечение народа вокруг старца в праздничные дни, когда он возвращался после принятия Святых Таин из храма. Он шел, как подходил к чаше — в мантии, епитрахили, поручах. Шел медленно среди теснившегося вокруг него народа, и всякому хотелось взглянуть на него, протискаться поближе к нему. Но он ни с кем тут не говорил, никого не благословлял, ничего не видел. Светлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Он весь был полон радости и сознания соединения со Христом. И никто не смел прикоснуться к нему. Войдя же в келию, старец принимал посетителей и говорил с ними. Великою духовною силой полна была речь отца Серафима. Смиренная, пылающая верой и любовью, она как бы снимала повязку с глаз, открывала новые горизонты, звала человека к совершению высокого его земного призвания — служения Богу как источнику добра, правды и счастья. Эти беседы уясняли ярко все заблуждения жизни, освещали путь впереди, возбуждали жажду новой, лучшей жизни, покоряли старцу волю и сердце слушателей, вливали в них тишину и покой. Все, что старец ни говорил, все то он основывал на словах Писания, на примере святых. Он всегда говорил то, что в данных обстоятельствах было самое важное, нужное для человека. Речь его еще потому имела такую силу, что сам

он первый исполнял все то, чему учил других. По прекрасному, меткому сравнению отца Серафима: «Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз; а самому исполнять — это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню». Свои благодатные дары старец таил, не открывая их без крайней нужды. Вообще он был сторонник сосредоточенной жизни и находил, что и мирским людям надо быть сдержанными и не открываться* легко другим людям.

Вот что он пишет по этому поводу:

«Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел. Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно».

Старец был великий ревнитель православия. Он особенно благоговел к памяти тех святых, которые выяснили и установили сущность правой веры: Климента, папы римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского. Он любил вспоминать их твердое стояние за веру. Убедая хранить догматы веры, старец приводил в пример блаженного Марка Ефесского, который с непоколебимым мужеством защищал православие на Флорентийском соборе. Отец Серафим любил вести беседы о том, в чем состоит чистота православия, как охранять ее, и радовался, что наша церковь содержит в себе Христову истину в полной целостности. Высоко чтил подвижник и наших русских святых, говорил о жизни их, брал от них примеры для подражания. Вообще жития святых были для него живыми письменами, по которым он поучал народ. Особен-

* Того же мнения придерживался и великий Оптинский старец Амвросий.

но поразительно было в нем смирение и любовь. Всякого, праведника и изболевшего грехами, трепещущего пред святостью его грешника, богача-вельможу и бедняка: он одинаково встречал земным поклоном, часто целовал посетителям руки. Как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным: он часто одною фразою, одним словом охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь.

Святой образ его действовал так сильно, что иногда пред ним плакали гордые, самонадеянные люди, пришедшие к нему лишь из любопытства. С людьми же, искавшими его для пользы духовной, искренно стремившимися к спасению, — старец был особенно ласков.

Яснее всего вырисовывается образ отца Серафима из сохранившихся воспоминаний его посетителей, людей разнообразного звания и положения. Вот что ответил он однажды четверем старообрядцам из села Павлова, Горбатовского уезда, которые приходили поговорить с ним о двухперстном сложении. Едва переступили они порог келии и не высказали еще, для чего пришли, как старец подошел к ним, взял одного из них за правую руку и, сложив пальцы его по чину православной церкви, сказал:

— Вот христианское сложение креста. Так молитесь и прочим скажите. Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя церкви, архипастыри — суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей церкви, плывет за нею, заливается волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю.

Кавалерийский офицер П.Я. Каратаев, в 1830 году посланный из полка за ремонтом, проезжал мимо Сарова. Слыша по дороге рассказы о старце, он хотел заехать к нему, но не решился, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же в его отношении к иконам. Ему казалось, что произведение рук человека, часто грешного, не может вместить в себе благодати и быть предметом почитания. Вскоре, по случаю того, что его вызвали ввиду польской кампании, ему снова с командой нижних чинов пришлось проезжать мимо Сарова, и теперь, по совету

отца, он решил быть у старца. Когда он стал подходить к келии старца, страх его сменился тихой радостью, и он заочно возлюбил отца Серафима. Вот, что произошло дальше:

«Около келии стояло уже множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтоб я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну и чтоб он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедывать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: “Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатью нашего Икупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей”. Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон: “Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божия, недоступные слабому уму человеческому, — например, как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, — прибавил старец, — и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали царства небесного”. Слушая отца Серафима, поистине я забыл о земном своем существовании. «Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в борьбе, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен. Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг вложил мне такую мысль: “Зачем святому отцу такие деньги?” Эта мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием к отцу Серафиму. Я вошел с молитвою к старцу, а он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: “Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами святой церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не

раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твое здоровье". Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько сухариков и выпить святой воды, которую, вливая мне в рот, сказал: "Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна". Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими молитвами. На это он сказал: "Положи упование на Бога, и проси Его помощи. Да умеи прощать ближним своим, — и тебе дастся все, о чем ни просишь". «В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника Своего».

Пришел к старцу один генерал и благодарил его за молитвы. При этом он рассказал ему: «Вашими молитвами я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь: ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима", ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению — вера, особенно же непрестанная сердечная молитва».

Высоко ставя пятую заповедь, старец не позволял детям говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только что хотел заговорить об этом, как отец Серафим зажал ему рукою рот и не дал произнести ему ни слова. Потом он, обращаясь к матери, сказал: «отверзи уста свои» — и, когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, отец Серафим сказал: «Вот вам мое завещание. Не имейте в дому своем не только вина, но даже и посуды винной, так как (предсказал он матери) ты отселе не потерпишь более вина».

Если кто, спрашивая совета старца, впоследствии не исполнял этот совет, — ему приходилось горько в том раскаиваться. Один рязанский помещик, служивший офицером, просил у стар-

ца благословения на вступление в брак. Старец указал ему невесту, назначенную ему Богом. Она жила неподалеку от него, и старец назвал ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и в слезы!» — ответил ему старец. Он женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовцом он был опять у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз старцем, и жил с нею счастливо.

Старец соединял разошедшихся супругов. Супруги Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, а жена в Таганроге. Муж приехал в Саров. Только что старец взглянул на него, как стал говорить: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца образумили его: он съездил за женой, был с нею в Киеве на богомолье, потом он поселился в деревне, и жили они мирно и счастливо. Известная своим благочестием госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгию после кончины отца Серафима: «Я видела письма их после известия о смерти старца. Они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать потеряла из виду сына, и в страшной горести отправилась к отцу Серафиму. Старец сказал ей, чтоб она подождала в Сарове своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла к старцу, чтоб проститься с ним. А у него в это время находился ее сын, и, взяв его за руку, отец Серафим подвел его к матери.

Одному инок у выпало на долю счастье слышать рассказ отца Серафима о восхищении его в райские обители. Старец говорил так: «Вот я тебе скажу об убогом Серафиме. Я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в доме Отца Моего обители мнози суть. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтоб показал мне эти обители. Господь не лишил меня Своей милости. Вот, я был восхищен в эти небесные обители. Только не знаю: с телом ли, или кроме тела, Бог весть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно». — Отец Серафим замолчал. Он поник головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просветлело, что нельзя было смотреть на него. Потом

снова заговорил: «Если б ты знал, какая радость ожидает душу праведного на небе, ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения, клевету; если бы келия наша была полна червей, и черви эти ели бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтоб только не лишиться той небесной радости. — Если сам святой апостол Павел не мог изъяснить той небесной славы, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения?»

Помещица г-жа Еропкина передает свое впечатление от одного разговора со старцем. «Я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о царствии небесном. Ни слов его, ни впечатления, сделанного им на меня в ту пору, я не в силах теперь передать в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг. Надо полагать, что он, по созерцательному состоянию духа, находился вне видимой природы, в святых небесных обителях, и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил он мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала. Но он точно не весь высказался мне тогда и прибавил в заключение: “Ах радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!” Вот еще что вспоминает в первое полугодие по кончине старца Серафима г-жа Колычева в письмах к известному затворнику Задонскому Георгию. “Мне, и в присутствии моем, другим рассказывала генеральша Мавра Львовна Сипягина. Она была больна, чувствовала ужасную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом церкви. Когда она пришла к отцу Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась. Вдруг, без всякого принуждения, из ее гортани вышло множество желчи, и после сего она стала здорова”. Многим, даже в ранах, отец Серафим приказывал окатиться водою из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях. «Жизнь батюшки Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его

переселении от здешних — глаза полны слез. В бытность у него я так была удивлена им, что нашлась мало о чем поговорить с ним о себе. Только лились неудержимо мои слезы».

Переходя к описанию последних лет жизни великого старца, следует заметить, что в эти годы он одевался несколько иначе, чем прежде. Он носил теперь подрясник из толстого черного сукна. Летом сверху накидывался белый холщовый балахон, а зимой он надевал теперь шубу и рукавицы. От дождя и жары он носил кожаную полумантию с вырезами для продевания. Обувь его составляли: для церкви — кожаные коты; зимою ходил в бахилах, летом — в лаптях. Отдыхал он в сенях или в келии. Спал, сидя на полу, спиной прислонясь к стене и протянув ноги. Иногда клал голову на кирпич или поленья. В самое же последнее время его жизни без ужаса нельзя было смотреть на его сон. Он становился на колени и, поддерживая руками голову, спал, опираясь локтями на пол, лицом к земле.

Небо стало для него действительно близкою, родною стихией. Когда, за два года до кончины его, офицер Каратаев спросил его, не надо ли передать чего его брату и Курским родственникам, старец указал на лик Спасителя и Божией Матери и произнес с улыбкой: «Вот мои родные!» В эту пору своей жизни отец Серафим особенно усердно молился за всех христиан, усопших и живых. В келии отец Серафима горело много лампад, и особенно много пучков восковых свеч большого и малого размера. Они были поставлены на круглых подносах, и от постоянного их горения в тесной келии была постоянная жара. Отец Серафим сам объяснил значение этих свеч почитателю своему Мотовилу: «Я имею, как вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих моим сиротам (Дивееву). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю “правило” свое, то и поминаю сначала их единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте “правила”, где следует, — тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила — то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече; за иных — за несколько человек одну большую свечку, за иных же постоянно тепло лампады; и, где следует на “правиле” помянуть их, говорю: “Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе

аз, убогий, сии свещи и кандила”. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так, простое мое усердие, ни на чем не основанное: то я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее, Рцы брату твоему Аарону, да возжигает пред Мною кандилы во дни и в нощи. Сия бо угодна есть пред Мною, и жертва благоприятна Ми есть”. — Так вот почему святая Церковь приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред иконами».

Трогательно была забота его об умерших. Он сам рассказывал следующее: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы, потом осуждены. Трое суток молился я о них, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по своей благости, молитвами Богородицы помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от Бога прощение».

Да, старец Серафим глубоко проник во все, невидимое нашему взору. Та преграда, что существует между земным и небесным, для него, кажется, не существовала. Еще в земном теле казался он бесплотным. Так, сохранился рассказ о том, как видели его на молитве поднявшимся на воздух. Княгиня Е.С.Ш. привезла к старцу больного своего племянника Я., приехавшего к ней из Петербурга. Его на кровати внесли в монастырскую ограду. Старец, как бы ожидая его, стоял у дверей своей келии и просил, чтоб больного внесли к нему. Когда они остались вдвоем, отец Серафим сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться. Только смотри: лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Долго больной лежал не оборачиваясь, послушный слову старца. Но, наконец, любопытство принудило его обернуться, посмотреть, что делает старец. Он увидел отца Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении. От неожиданности он вскрикнул. Старец, кончив молитву, подошел к нему и сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим святой, молится на воздухе. Господь тебя помилует. А... ты смотри, огради себя молчанием, и не открывай того никому до дня преставления моего. Иначе болезнь к тебе опять вернется». Я. вышел от старца

сам, хотя и опираясь на костыль. Когда его стали расспрашивать, что делал с ним старец, он упорно молчал. Совершенно оправившись, он вернулся в Петербург, где обыкновенно жил, потом снова отправился к тетке в деревню и узнал здесь о кончине великого старца. Тогда он открыл то, чему был свидетелем.

По всей России среди людей, сколько-нибудь ценивших благочестие, глубоко чтили отца Серафима. Все современные ему русские подвижники благочестия отзывались о нем, как о великом духовном муже. Некоторые епископы писали к нему, спрашивали у него советов. Особенно почитал его Воронежский архиепископ Антоний, которого старец Серафим называл великим архиереем Божиим. Духом отец Серафим знал многих подвижников. Известны, например, его полные изумительной прозорливости отношения к Георгию, затворнику Задонскому, к затворнику Ачинскому (в Сибири) Даниилу Делие. Один посетитель затворника Георгия, увидев у него на стене незнакомый ему портрет, спросил, чей это портрет. Тогда Георгий рассказал ему замечательное проявление над ним прозорливости старца Серафима, который тогда уже скончался и которого изображал портрет.

Затворника долгое время смущал помысл, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой монастырь. Два года он боролся с этим помыслом, никому его не открывая. Однажды келейник его докладывает ему, что пришел странник с поручением от старца Саровского Серафима, которое он желает передать лично. Когда странник был допущен к затворнику, он сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сие место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав эти слова, престарелый странник поклонился и вышел. Некоторое время, в глубочайшем изумлении тому, что отец Серафим издалека послал ему ответ на тайный помысел, неподвижно стоял затворник. Опомнясь, послал келейника вдогонку за ним, чтоб подробно расспросить его. Но ни в монастыре, ни за монастырем странника не могли уже найти.

За двадцать один месяц до кончины великому старцу Серафиму было дивное посещение Пречистой Девы Богородицы. Как многие, или, лучше сказать, большинство русских преподобных, старец Серафим отличался безграничным, умилительным благо-

говением к Богоматери. Пресвятая Владычица, начиная с того раза, что в детстве его обещала ему исцеление, неоднократно являлась своему избраннику. Особо же знаменательного посещения Владычицы мира, и уже наяву, старец сподобился в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, 25-го марта 1831 года. Свидетельницей этого посещения была Дивеевская старица Евдокия. Отец Серафим накануне знал о благодатном посещении.

Ранним утром, в день Благовещения, отец Серафим, накрыв инокиню своею мантиею, стал читать каноны и акафисты. Затем сказал ей: «Не убойся, не утрашись... Благодать Божия к нам является»...

...Сделался шум, вроде ветра, дверь келии сама отворилась, засиял яркий свет, полилось благоухание, раздалось пение. Трепет наполнил инокиню. Отец Серафим упал на колени и, воздевая руки к небу, произнес: «О преблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица!»

Впереди шли два ангела с ветвями в руках, усаженными только что расцветшими цветами. Они стали впереди. За ними шли: святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов в белой блистающей одежде. За ними шла Богоматерь и двенадцать дев. На Царице Небесной была мантия, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, несказанной красоты, застегнутая камнем, выложенным крестами. Поручи на Ее руках и епитрахиль, наложенная сверх платья и мантии, были тоже выложены крестами. Она казалась выше всех дев. На голове Ее сияла в крестах корона — и глаз не выносил света, озарявшего лик Пречистой. Девы шли за Нею попарно в венцах и были разного вида, но все великой красоты. Келия сделалась просторнее, и ее верх исполнился огней как бы от горящих свеч. Было яснее полудня, светлее солнца.

Долго инокиня была в трепетном забытии. Когда же пришла в себя, отец Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Владычицей, и Она говорила с ним как с родным человеком... Девы сказали инокине свои имена и страдания за Христа. То были великомученицы Варвара и Екатерина, Марина и царица Ирина, Пелагия, Дорофея и Иулиания, первомученица Фекла, преподобные Евпраксия и Макрина, мученицы Анисия и Иустина.

Из беседы Пречистой Владычицы с отцом Серафимом инокиня слышала: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец от-

вечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица Небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня. Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет пред Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами».

Видение исчезло в одно мгновение. Старец говорил, что оно продолжалось четыре часа.

В последний год жизни великий старец крайне ослабел. Он не мог всякий день ходить в «ближнюю пустыньку» и в монастыре не мог принимать многих. Народ скорбел о том, и многим, чтоб видеть старца, приходилось подолгу жить в гостинице монастырской, чтоб насладиться благоуханием его последних бесед. Все так же сияли в старце дивные дары его: прозорливость, дар исцелений.

Замечательна одна из последних бесед старца, которую он имел с помещиком Богдановым за неделю до своего конца. В день Рождества Богданов очень рано пришел в пустую еще церковь, и увидел, что отец Серафим сидел на полу правого клироса. Он после обедни попросил назначить ему время для беседы. На эту просьбу старец ответил: «Времени не надо назначать; святой апостол Иаков, брат Божий, поучает: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие». В тот же день, приготовив вопросы, уяснить которые он желал мнением старца, он пришел к нему в келию, и отец Серафим согласился беседовать с ним. Все время беседы он стоял, опершись на дубовый гроб, и держал в руках горящую восковую свечу. На вопрос — продолжать ли службу, или жить в деревне, старец ответил: «Ты еще молод — служи. Добро делай. Путь Господень все равно. Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет. А кто не приобщается — не мню».

На вопрос, учить ли детей языкам и прочим наукам, старец ответил: «Что же худого знать что-нибудь?» В то же время в Богданове мелькнула мысль, что самому надо быть ученым, чтоб отвечать на это. А прозорливый старец тотчас молвил: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

На вопрос, должно ли лечиться в болезнях, старец сказал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь, и враг посмеется тебе. Вот, что делай: укоряют — не укоряй. Гонят — терпи. Хулят — хвали. Осуждай сам себя, так Бог не осудит. Покоряй волю свою воле Господней. Никогда не льсти. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего — ближний твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти».

На вопрос, надо ли, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие достатки человека, старец сказал: «Кто как может. Лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека». На вопрос, должно ли угождение людям доходить до несогласия с волею Божиею, старец ответил: «За эту любовь многие погибли. Аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога». На вопрос о том, как управлять подчиненными, отец Серафим ответил: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Аще Бог прощает, и ты прощай». Затем старец говорил: «Что облобызала и приняла святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней. Будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда. Молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь. Милостыня много тебе блага сделает». На вопрос о девстве и браке, старец сказал: «И девство славно, и брак благословен Богом. Только враг смущает все».

Богданов спросил, можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи требуют, чтоб ели скоромное. На это старец ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сту лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек... А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением?» «Чем истребить гордость и приобрести смирение?» — спросил Богданов. «Молчанием, — отвечал старец. — Молчанием большие грехи побеждают». Прощаясь с Богдановым, старец

благодарил его «за посещение его убожества» и хотел поцеловать ему руку, кланаясь все ему до земли; наделил его сухариками, прося раздать их его подчиненным. Старец говорил на этот раз чрезвычайно поспешно. Не успевал Богданов прочесть записанный на бумажке вопрос, как уже следовал ответ.

То, что сказано старцем в этой беседе, представляет собою правила жизни для мирянина, идущего средним путем — без особых подвигов, но не забывающего о Боге.

Свидевшись с истинным подвижником, старцем Тимоном, которого не видал 20 лет, отец Серафим говорил ему: «Сей, отец Тимоны, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии. Все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро». Благословляя при прощании исцеленную им за пять месяцев до кончины монахиню, которая спрашивала его, может ли она надеяться еще увидеть его, старец, указывая рукою на небо, сказал: «Там увидимся. Там лучше, лучше, лучше!»

Отец Серафим стал готовиться к концу. Он все реже и реже выходил в пустыньку, все менее принимал у себя. Его нередко видели в сених. Он сидел у приготовленного им для себя гроба и размышлял о смерти и загробной участи. Часто он горько плакал. Теперь, прощаясь со многими, старец утвердительно говорил: «Мы не увидимся более с вами». Когда некоторые говорили о своем желании приехать в Саров Великим постом, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите». Старец все был бодр — но, видимо, жизненная сила догорала. «Жизнь моя сокращается, — говорил он некоторым, — духом я как бы сейчас родился. А телом по всему мертв».

В августе, за четыре месяца до конца отца Серафима, вновь назначенный в Тамбов преосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, был в Сарове и посетил отца Серафима. Старец поднес архиерею в подарок четки, пук восковых свеч, свернутых в холстину, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Затем отдельно он принес ему бутылку красного церковного вина. Все это означало, что старец просит по смерти своей поминать себя... Свечи, масло и вино, сбереженные преосвященным, были употреблены на ту литургию, которую он совершил о упокоении старца, когда получили известие о кончине его. А про-

чие предметы преосвященный оставил у себя. Отец Серафим приказал послать некоторым лицам письма, приглашая их поспешить приездом. Также поручил передать разным другим лицам, которые не могли приехать, нужные для них наставления. «Самито они меня не увидят», — объяснял старец.

Перед Новым годом старец отмерил себе могилу у алтаря Успенского собора, на месте, на котором когда-то, выйдя из затвора, положил камень. Как-то в эту пору один инок, изумляясь жизни отца Серафима, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?»

— Потому, — отвечал отец Серафим, — что не имеем к тому решимости. Если б решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие. Потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа Бога ныне та же, какая была и прежде. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос «вчера и днесь, той же и во веки».

Эти слова можно считать как бы печатью жизни отца Серафима.

Да, он, в одном человеческом существе вместивший столько подвигов, на пространстве одной жизни соединивший в себе крепость, ревность, пыл как бы многих великих людей; да, он, по правде, доказал своею жизнью, что все та же благодать, вдохновлявшая первых великих преподобных, воспитавшая величайших мужей Церкви: и теперь, нисколько не оскудев, пребывает в Церкви, лишь бы искали люди черпать из этого источника, только бы имели решимость к Богу одному стремиться, Бога одного желать. Тем и велико значение отца Серафима, что в его лице заветная крепость прежних времен воскресла. Столь же высоко парил дух его, как отцов первых христианских церквей. И потому столь же поразительна, выходя из всяких обычных рамок, была и жизнь его. Вот трогательный завет, переданный старцем одной Дивеевской инокине и, конечно, относящийся и ко всем чтущим его:

«Когда меня не станет, ходите, матушка, ко мне на гробик. Ходите, как вам время есть. И чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни поскорбите, что ни случилось бы с вами — со всем придите ко мне на гробик. Да, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша

пройдет. Как с живым, со мной говорите. И всегда для вас жив буду». Сестер Дивеевских старец поручал заступлению Царицы Небесной.

Наступил первый день 1833 года, пришедшийся на воскресенье. Отец Серафим приобщился за ранней обедней в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев. И, чего не делал раньше, обошел все иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свечи. После службы он простился со всеми молившимися монахами, благословил, поцеловал и говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся!» Три раза в этот день старец выходил на место, назначенное для погребения его, и долго смотрел в землю. Вечером было слышно, как он в келии своей поет пасхальные песни.

В конце ранней литургии 2 января отец Серафим был найден в своей келии почившим в молитвенном коленопреклоненном положении. Старца схоронили на выбранном им месте, у стены Успенского собора, в приготовленном им задолго до смерти дубовом гробе. На грудь, по его завещанию, положили ему финифтяное изображение Преподобного Сергия. Впоследствии над гробом его поставлен тяжелый памятник. В недавнее время вокруг могилы устроена часовня со стеклянными стенами. Там размещены большие картины, изображающие старца кормящим медведя, старца у ближней пустыньки, блаженную кончину старца и благодатное посещение его Пресвятою Богородицею.

Келия его в последние годы обведена храмом, в котором она служит алтарем. Обе «пустыньки» — избы из ближней и дальней пустыnek перенесены в Дивеев. В одной из них устроен алтарь, где хранятся разные предметы, принадлежавшие отцу Серафиму. В другой, на память о старце, раздают кусочки ржаного хлеба, как делал это он сам. Камень, на котором старец Серафим молился тысячу ночей, был разобран по кусочкам богомольцами на благословение. От него остался лишь небольшой кусок. Во многих русских благочестивых семьях можно встретить обломки этого камня с изображением на них молящегося коленопреклонно на камне, с воздетыми руками, отца Серафима. Что-то трогающее до слез, привязывающее сердце какою-то невыразимою властью есть в существе дивного старца. Счастлив, кто будет призывать его! Справедлив отзыв о нем «великого архиерея Божия» архие-

пископа Антония Воронежского: «Он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею».

Немногие праведники прославлялись столь скоро после кончины своей, как отец Серафим. Все эти 70 лет, отделяющие нас от дня его преставления, — полны проявлениями его жизни, его любви и сострадания. Вот некоторые из чудес старца.

Из письма П.И. Архипова из Москвы от 7 октября 1869 года: «Приношу мою искреннюю благодарность за присылку жене моей Марии Николаевне образа на финифти с изображением Богоматери и отца Серафима, молящегося пред нею. Образ этот вручен был во время тяжелой болезни утром пришедшею монахиней. Жена моя за несколько времени пред этим видела во сне, или даже наяву — ибо она была в беспамятстве, — что отец Серафим хлопотал и заботился около нее, обливая ее теплою водою. Когда же она опомнилась, то вся была в поту. Тут ей дали присланный вами образ, и с сей минуты она начала выздоравливать, тогда как злая горячка, вместе с пузырьчатою рожей, совершенно свели ее было в могилу. Я и каждый из членов моего семейства свидетельствуем, что молитва преподобного отца Серафима велика пред Богом. Много, много было с нами чудных случаев, уверивших нас в его пред Богом заступлении».

Письмо Марии Григорьевны Сабуровой:

«Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь: Я удостоилась во время сильней тифозной горячки видеть угодника Божия отца Серафима в видении, будто бы я пришла в Саровскую пустынь, и старец отца Серафим послал меня в Дивеевскую обитель. И, когда в видении представилась пустынь, в ней недоконченный храм, а на воздухе над храмом я увидела икону Божией Матери: святой отец Серафим сказал мне от имени Царицы Небесной, что я буду жива, болезнь моя не к смерти. Старец еще сказал: “И нынче у вас траура не будет, а в будущем 1869 году будет траур”. Это видение тут же, не пришедши еще в сознание, я рассказала всем присутствующим, а, опаматовавшись, опять повторила видение. Все, что я видела, исполнилось. И траур в нашем семействе случился неожиданный чрез десять месяцев. Брат моего мужа, молодой человек, камергер Николай Дмитриевич Сабуров, умер за границей. В виденном подписываюсь: М.Г. Сабурова. Свидетель-

ницами при этом видении были: А.М. Языкова, Т.С. Узнанская, В.Г. Языкова».

Марфа Толстова, крестьянка Пензенского уезда села Заянчкого, 50 лет от роду, была совершенно слепая 14 лет и видела во сне старичка, повелевшего ей побывать в Сарове, где она получит исцеление. «Взгляни на меня!» — говорит ей старец во сне, и она ясно различала его. «Поди, — приказал он, — на Серафимов источник, умойся, и, взяв из него воды, подымись на гору, до камня; нагнувшись, помочи глаза и исцелишься от слепоты». 29-го июня 1873 года исполнилось все сказанное, она в Сарове прозрела.

В октябре 1874 года было получено в Дивееве письмо нижегородской помещицы Каратаевой: она просила прислать масла из лампадки от образа отца Серафима. Это масло, привезенное из Дивеева, давала ей ее двоюродная сестра княгиня Чегодаева, и оно излечило Каратаеву от сильнейшего ревматизма.

Княгиня А.С. Кутушева писала Дивеевской игумении Марии: «Вы не можете себе представить, какое страдание я выносила. Ухо мое и челюсть моя до того разболелись, что я ночи не спала и не могла уложить голову, чтоб успокоиться. Одно благодетельное средство — это полотенчику батюшки Серафима. Едва уложу его на больное место, как успокоится боль, и я засну».

Письмо к Дивеевской игумении, матери Марии, В.С. Волкова: «Дивен Бог во святых Своих. 17-го числа сего месяца в моей семье совершилось, по молитвам батюшки отца Серафима, чудное по мгновению своему исцеление трехлетней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдруг впала в изнеможение, глаза ее помутились, она смотрела дико, как умалишенная, руки ее были сведены, и на делаемые ей вопросы, так как язык у ней отнялся, не могла отвечать. Мать ее прибежала ко мне в слезах, растерянная и как сумасшедшая, прося меня дать ей чего-нибудь святого. Я немедленно велел принести водицы из источника отца Серафима и полученные мною от вас, в память его раздаваемые, сухарики, дал моей больной, которая, сделав глотка три водицы, тотчас пришла в себя и стала говорить. А когда съела три размоченных в той же воде сухарика, то глаза ее и руки приняли свой постоянный вид и она начала смеяться и играть, и по сие время здорова».

Протоиерей Арзамасского собора Светозарский писал в Дивеево 26 апреля 1873 года: «Со второй недели минувшего поста постигло меня посещение Божие тяжкою простудою, от которой возникла нестерпимая боль внутри. На четвертой неделе она усилилась до такой степени, что я ожидал себе конца. С 16 марта на 17-е в часу первом по полуночи сам предстал угодник Божий видимо пред моею кроватью и на коленочках питал меня какою-то сладкою пищей, вроде пирожков. Приказал мне сейчас же читать акафист Божьей Матери, который я знал изустно. Я читал твердо, а отец Серафим продолжал свое дело меня кормить и вдруг исчез, после чего в один момент болезнь моя уничтожилась».

И как обаятельно милостив, ласков, заботлив великий старец в таких явлениях своих. И какие теперь потоки потекут от его благодетений, знамений, исцелений!

Дивный старец Серафим, помогай нам!

Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима (2 января 1833—1903 гг.)

Смерть, представляющаяся ужасом, жестокою, роковой гостею для людей, живущих по «образу мира», забывших о Боге и равнодушных к вечности: эта же смерть желанна для человека, жившего чистою духовною жизнью, считавшего себя на земле гостем на краткое время и ожидавшего конца земного своего бытия как начала блаженной и ликующей вечности. Разве земная жизнь для христианина не кажется временем печального изгнания, а смерть — возвращением в отчизну, освобождением от тяжкого плена земли? Кто из людей, хотя бы временами не угнетавший в себе духа, хотя бы лишь порывами живший духовною жизнью, не ощущал в себе этой невыразимой тоски по небу, этой глубокой неудовлетворенности землею с ее ничтожными радостями, в самом веселии которых слышится грусть.

И если мирские люди в лучшие свои минуты тоскуют по небу, — то как велика должна быть эта тоска в Божьих избранных, как сильно их желание вернуться к Богу. Невольно вспоми-

наются эти ясно выраженные в жизни людей Божьих не ослабевающие порывы к иной жизни.

«Желание имею разрешиться (от уз плоти), — восклицает божественный Павел, — и со Христом быть!»

Это желание, этот призыв Бога и мольба взять к себе поскорее душу слышатся в акафисте преосвященного Иннокентия Херсонского Животворящим Таинствам Христовым, в заключительных восклицаниях икосов: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини мя с собою на веки!»

Оно звучит в заключительных словах «молитвы честному кресту», где говорится о небесной жизни: «Прославлю самым лица зрением Верованного, одержанием Чаянного, и наслаждением — Любимого, единого в Троице Бога, славимого в бесконечные веки». Достигши высших ступеней духовности, знаменитый подвижник, старец Парфений Киевский, с нетерпением и радостью ожидая дня смерти, сидя у давно приготовленного им для себя гроба, говорил с восторгом о том, как душа, покинув тело, просияет, как солнце, и будет с удивлением смотреть на свою смрадную темницу; а смерть этот человек называл «возвращением от земного, бедственного, многоплачевного, скучного, прискорбного и болезненного странничества в небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, бессмертное, некончаемое, вечное и неизреченное отечество».

Есть замечательное произведение искусства, с чрезвычайною силою выражающее это стремление святых душ к Богу и радость «соединения с Ним на веки». Это картина «Преддверие рая» Васнецова, помещенная по поясу купола в Киевском Князе — Владимирском соборе. Там множество святых со стремительностью летят к открывшемуся для них блаженству. И среди различного проявления торжества, радости, ликования это чувство стремительности составляет главную черту картины. «Желание имый разрешиться»: то есть — пылаю, сгораю жаждою Христа.

И вот отчего смерть людей, столь убежденных в наследии вечности: и для них самих, и для тех, кто видит ее, или только слышит, представляется великим духовным торжеством. Вот отчего эти дни становятся по церковном прославлении таких людей праздниками,

«Смерть грешника люта» — и, думается, редко в жизни можно встретить что-нибудь ужаснее смерти человека, во время земной своей жизни не думавшего о вечности, когда эта вечность, теперь несомненная и как бы осязательная, открывается пред ним. Эта борьба против смерти, вопли: «я жить хочу!», это как бы хватание за жизнь с безумной надеждой удержать ее, укрыться в нее от надвигающихся видений потусторонней жизни: есть одно из печальнейших зрелищ, какие дает извращение человеком своей божественной природы, и одно из самых ярких, бьющих доказательств бессмертия души и вечности.

Но как спокойна, ясна кончина праведных! Умирание их тела подобно тихому падению с ветки на мягкую мураву сочного, созревшего плода. В большинстве случаев оно вовсе безболезненно, или если даже острая болезнь разрушала организм: тихи предсмертные часы праведника.

Не бесполезно, по слову Апостола, «взирая на окончание жителства» праведников, «помянуть веру их», и мы, прежде чем перейти к повествованию о блаженной кончине старца Серафима Саровского, припомним обстоятельства кончины некоторых других подвижников.

Нельзя без глубокого волнения читать о кончине святителя Димитрия Ростовского. Этот великий подвижник, оставивший своему народу величайшее духовное сокровище — Четью минею — и не один только свой век, но и последующие времена огласивший «пастырской свирелью богословствования своего», своими дивными проповедями, еще не в старых для его сана летах, тихо догорал в суровом климате Ростова, вдали от родной, теплой Украйны с ее задумчивыми тополями, с пронзительным светом ее звезд... Непосильные труды, за всю жизнь напряжение сил душевных, наконец, множество огорчений изнурили силы святителя. Но из слабеющих рук перо, под этою рукой написанное столько вдохновенных страниц, не выпадало до последнего дня. Еще 27 октября 1709 года он пишет старому собеседнику своему иноку Феологу: «По истине возвещаю ти, яко немоществую. До чего ни примусь, все из рук падет. Дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свещный мало способствует, паче же вредит. А недугование заставляет лежать да стонать». Вечером того же дня митрополит велел позвать своих

певчих. Он сидел у печи и грелся, а певчим велел петь сложенные им канты: «Иисусе мой прелюбезный, надежду мою в Боге полагаю, Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радость». — Послушав пения, митрополит отпустил певчих и удержал только преданнейшего ему певчего «и усерднейшего в трудах ему помощника», «бельца» Савву Яковлева, который был переписчиком набело его сочинений: труд по тому времени не малый. Очевидно, святителю хотелось иметь в ту минуту около себя живую душу, поделиться своими мыслями, воспоминаниями. И стал митрополит Димитрий рассказывать бельцу Яковлеву о своей юности среди благословенной Украины, о порывах к Богу, о молодом рвении к молитвам, и заключил свой рассказ словами: «И вы, дети, также молитесь!» Наконец, святитель отпустил певчего словами: «Время и тебе, чадо, отойти в дом твой». Он благословил его, и, провожая его, в виде благодарности за переписку сочинений, поклонился ему почти до земли. Яковлев был очень смущен, а святитель произнес последние слышанные от него на земле слова благодарности: «Благодарю тя чадо!» — и вернулся к себе в келью, а певчий расплакался и ушел. Отпустив служителей, митрополит Димитрий вошел в особую келью, где он обыкновенно молился. На следующее утро он был найден почившим в коленопреклоненной молитве.

Величественна была кончина кроткого митрополита Киевского Филарета, который прощался с духовенством, передавал для доставления государю последние приветствия любви и последние благословения.

Митрополиту Московскому Филарету незадолго до конца явился отец его во сне и сказал ему: «Береги 19-е число». Настал воскресный день 19 ноября 1867 года, и митрополит в домашней церкви своей совершил литургию, по замечанию окружающих, особенно бодро и вдохновенно. Через несколько часов он был бездыханен.

В 1857 году стал быстро угасать знаменитый проповедник архиепископ Херсонский Иннокентий. Но он не бросал занятий. Накануне смерти выезжал, читал корректуру сочинения своего: «Последние дни земной жизни Спасителя». Настал Троицын день, 26 мая. Он встал в 5-м часу, прошелся по комнате, поддерживаемый служителями, затем прилег. Почувствовав приближе-

ние смерти, он велел приподнять себя и тихо скончался колено-преклоненный на руках двух келейников.

В Пензе 10 октября 1819 года на 36-м году от роду почил праведный епископ Иннокентий, пострадавший за свою православную ревность во время господствовавшего тогда и поддерживаемого министром духовных дел князем А.Н. Голицыным протестантского направления. В ночь пред кончиною он позвал к себе келейника и сказал ему: «Какое дивное видение мне представилось! Казалось мне, что небеса отверзлись. Двое светлых юношей в белых одеждах, слетев с высоты, предстали предо мной и, с любовью смотря на меня, взяли меня, немощного, и вознесли с собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился».

10 октября утром он просил пособоровать его и, напрягая последние силы, повторял молитвы и несколько подымался при помазании елеем. Потом язык стал неметь, дыхание прерываться, он крестообразно сложил руки на груди; окружающие развели их, чтоб не затруднять дыхания, но он опять сложил их крестом. Пред самым концом один из окружающих стал читать псалмы. При словах: «Аз к Богу воззвах, и Господь услыша мя», — капли слез выкатились из глаз умирающего; на словах же: «Аз же, Господи, уповаю на Тя», — преосвященный Иннокентий вздохнул в последний раз и тихо предал дух Богу.

Прекрасен был конец почившего 20 декабря 1846 года архиепископа Воронежского и Задонского Антония, одного из славных подвижников XIX века, находившегося чрез пространство, никогда не видав его, в замечательном духовном общении с великим старцем Серафимом, чему пример увидим ниже. Накануне смерти он сказал плачущему племяннику: «Я еще не умру: мне Божия Матерь сказала, что нужно дела кончить». Проведя ночь в молитве, архиепископ Антоний 20-го утром назначил быть в 6 часов пополудни соборованию, послал на почту денежные письма бедным и роздал милостыню пришедшим к нему. Викарию своему он сказал: «Никакого не чувствую страха, желаю разрешиться и быть со Христом». Сделав некоторые распоряжения, владыка стал молиться. В 6 часов началось торжественное молебствие, длившееся час. Архипастырь сидел в креслах со свечою и сам прочел последнюю молитву: «Простите мя, отцы и братия». Бла-

гословив всех, он перешел с кресел на кровать. Осенив обеими руками, разрешил всех, находившихся под запрещением, и отпустил затем всех присутствующих. Через четверть часа преосвященный сильно постучал в двери, призывая своих чад, и настала величественная, торжественная минута. Архиепископ в последний раз возложил крестообразно руки на головы присутствующих; духовник стал читать отходную; в руки архипастыря вложили горящую свечу; с окончанием отходной архиепископ Антоний тихо предал дух Богу.

14 декабря 1839 года, на 43-м году, после 22-летнего затвора, почил Сезеновский затворник Иоанн, основатель женской Сезеновской обители. Он скончался наедине. Долго не получая от него никаких признаков жизни, выломали двери кельи, в которой он находился в затворе, и нашли его мертвым, у аналая, пред иконою Богоматери. Тело его было немного наклонено на правый бок. Правая рука, стоя на локте, поддерживала голову, а левая лежала на ладони правой. Лицо было обращено к иконе.

В ночь на 25 мая 1836 года, на 47 году от рождения, после 17-летнего затвора, скончался знаменитый затворник Задонский Георгий, происходивший из дворянского рода Машуриных и до 28-летнего возраста служивший офицером Лубенского гусарского полка. Он тоже скончался без свидетелей, и после ранней обедни был найден бездыханным пред образом Всех Святых и Страшного суда, припадшим к земле. Лицо его было как живое. Пальцы правой руки, сложенные крестным знамением, прикасались к челу.

Старец Парфений Киевский, имевший необыкновенное, умиленное, нежное усердие и детскую любовь к Богоматери, умер в тот самый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который он особенно любил и о котором говаривал: «Буди благословен и преблагословен и треблагословен день Благовещения Пресвятые Владычицы нашей Богородицы». В 1855 году в этот самый праздник, совпавший тогда со Страстной пятницею, отец Парфений был найден бездыханным, сидящим как бы в глубокой думе у дверей келейной своей церкви.

29 августа 1886 года был найден в своей келье почившим подвижник Иверского Валдайского монастыря монах-молчальник Пахомий. После ранней обедни его нашли стоящим на коленях, у

изголовья койки; в руках он держал четки; лицо его было озарено радостною улыбкой, а глаза сомкнуты.

Велика была святыня смерти этих людей. Но еще сильнее впечатление производит блаженная кончина старца Серафима Саровского, одного из великих избранников Божиих. К описанию этой кончины мы теперь и перейдем.

Жизнь отца Серафима была сплошным вольным мученичеством. С раннего возраста вступив на путь подвижничества, он чем дальше шло время, тем более усиливал эти подвиги. Жизнь его была страшною, ежедневною борьбою со врагом спасения. Если он и посрамил врага силою Божиею, если ни разу не был им посрамлен, то победа досталась ему страшно дорогою ценою. Ему пришлось для одоления врага нести величайшие труды. Пост столь строгий, что около трех лет в пустыне он питался единственно отваром горькой травы снитки, тысячедневное и тысяченощное моление на камнях, затворничество, молчаличество были орудиями, которыми он одержал победу, но орудиями, тяжело, болезненно отразившимися на подвижнике. Недаром вырвалось у него признание, что он боролся со врагами, как «со львами и леопардами». Недаром он, уже прославленный старец, все томил себя, не находил возможным жить без внешней муки. Когда его спрашивали, зачем он носит на спине тяжелую котомку, набитую песком и камнями, он кратко отвечал: «Томлю томящего мя!» Если вдуматься в эти слова, какое в них значение!

Да, можно сказать, что темное ополчение дошло в отношении старца до явной видимой борьбы. Так, известно, что, когда старец неотступным молением нескольких дней вымолил одну совершенно погибшую душу, темное полчище нанесло старцу страшную физическую рану, следы которой не проходили у него до смерти.

Пришел Прохор Мошнин в Саров молодым, стройным, крепким, с прекрасным здоровьем, обладая чрезвычайно физическою силою. А что представлял он собою в эпоху старчества? Изувеченный старец, согбенный после того, как был избит почти до смерти разбойниками, которые напали на него в пустынной келье, требуя от него денег, чего у него не было, и от которых он не защищался, хотя, по необыкновенной силе своей, и мог бы с ними справиться. Между лопатками была у него страшная рана,

нанесенная ему, как выше было сказано, за избавление им души человеческой. На ногах, от долговременного стояния, были неизлечимые раны, и из них постоянно текла сукровица... А он все продолжал «томить томящего его», отдыхал на коленях, а в последнее время изобрел мучительный образ сна, на который нельзя было смотреть без боли; спал, стоя на коленях, опустив голову книзу и поддерживая ее стоящими на локтях руками.

Такова была внешняя жизнь его... А нравственная? К нему со всех концов России люди несли свое горе, часто безвыходное, свои нравственные язвы, свое отчаяние, свои недоумения, свои страдания... Если чей, то именно его слух был ежеминутно поражаем тем тяжелым скорбным стоном, что стоит над землей, что вылетает не переставая, сливаясь в один нескончаемый аккорд невыразимой грусти, из стесненной груди страждущего человечества. И все это горе, нужду и страдание надо было разрешать, утешать, исцелять. Конечно, если б в отце Серафиме не действовала в столь сильной степени благодать, — он бы был, так сказать, нравственно раздавлен этим невыносимым грузом людского несчастья, на него склонявшегося. И потому лишь он мог, ходя утешителем среди этой разъярившейся бури человеческого несчастья, сохранять ясность духа и не только не быть подавленным этою мрачною картиною, но смело, властно и уверенно утешать людей, указывая им путь вперед, увлекая их мысли к блаженной вечности и врачуя их настоящие язвы елеем сладостной надежды: что эта вечность для него самого стала как будто не только видимым взорами маяком, не только отвлеченным упованием сердца, но чем-то как бы уже воспринятым и усвоенным, как бы на опыте изведенным и уже неотъемлемым.

Представьте себе человека, который, окруженный грозною бурей, вдруг почуял веяние тишины, еще недоступное его спутникам, и успокаивает их предвещанием близкого умирения стихий. То же было и с отцом Серафимом. Ему уже на земле приходилось не раз как бы залетать в жизнь небесную, и потому он мог говорить о ней с такою уверенностью.

Но, как бы ни безмерна была благодать, сиявшая над крестным путем этого удивительного человека, труден, невыразимо тяжел был его путь. И более чем кто-нибудь он имел право чувствовать усталость от жизни и желать «во блаженном успении

вечного покоя». Конечно, то бы не был покой в нашем грубом, житейском смысле, а лишь огражденность от бедствий и трудов земли и восхождение на все высшие и высшие степени жизни духовной в созерцании Божества. То, что ему временами так полно открывалось — ему, видевшему воочию человеческий образ Христа, грядущего с силою и славою многою, и Царицу Небес, и святых церкви — должно было стать для него постоянным видением. И кто, как не он, с нетерпением должен был ждать этой встречи на вечность с Тем, Кому он отдал всякое дыхание своей жизни; кто, как не он, должен был рваться «прославить самым лица зрением Верованного, одержанием — Чаянного и наслаждением — Любимого».

Одно могло еще удерживать старца на земле: великость его любви к человечеству, — той любви, что горела в нем всегда таким горячим пламенем и к концу его жизни охватила его существо каким-то стихийным, бурным пожаром. Но предчувствие говорило ему, что за смертью земною дело его любви не прекратится и что так же близок, и много ближе еще, и скорее к слышанию будет он для всякого, кто придет к нему с утесненным сердцем.

Как велико должно было быть в последние годы его жизни устремление великой души старца Серафима к небесной отчизне! С детства не имев иной мысли, кроме мысли о Боге, проводя всю жизнь в непрестанной беседе с «чаемым» Богом, как он должен был ненасытимо желать, наконец, увидеть Его, прийти к Нему навсегда. То великое видение, то общение с небожителями, какое дано ему было во время посещения его 25 марта 1831 года Царицею Небесною, проводшею, по преданию, несколько часов в беседе с ним и простившеюся с ним словами: «Скоро, любимиче мой, будешь с нами», — должно было еще более распалить желание дивного старца «разрешиться и со Христом быть». Таково должно было быть, насколько грешные люди могут догадываться о сокровеннейших движениях избраннейших, святых душ: таково должно было быть душевное состояние старца Серафима в последнее время его земной жизни.

Надо удивляться, сколько бодрости было еще в теле страшно изнуренного 72-летнего старца, который еще раньше смерти чувствовал, что физически он уже мертв. «Телом я по всему мертв, — сказал он как-то, — а духом точно сейчас родился».

Мысль о близкой смерти — близкой уже потому, что он почти дошел до обыкновенного предела человеческой жизни, вступив в восьмой десяток, приводила его в восхищение. Как-то одна монахиня, приходившая в Саров навестить его, спросила его, прощаясь с ним, когда они увидятся. «Там увидимся!» — сказал ей прозорливый старец; и, подымая руки к небу, воскликнул: «Там лучше, лучше, лучше!»

Он не оглядывался уже на землю. Уже родственные связи для него не существовали, и он как бы был в том состоянии небожителей, в котором все земное одинаково дорого, без всяких пристрастий; дорого лишь постольку, поскольку нуждается в помощи небожителя, но не захватывает его, не подчиняет и не привязывает его к себе.

Один заехавший к старцу за благословением офицер спросил старца, так как направлялся на его родину, в Курск, не прикажет ли он передать какого-нибудь поручения его курским родным. В ответ на это предложение старец подвел молодого человека к иконам и, с улыбкою любви глядя на них, сказал, указывая на них рукою: «Вот мои родные. А для земных родных я живой мертвец».

Уже много десятилетий в сенях при келье отца Серафима стоял дубовый гроб, сделанный его собственными руками, так как он был искусен в столярном деле, и давно было им отмечено тяжелым камнем место, избранное им для могилы, у алтарной стены. Слишком за год до смерти отец Серафим начал прощаться с посещавшими его почитателями, и говорил им: «Скоро двери убогого Серафима затворятся, и меня более не увидите». К некоторым он приказал написать письма, чтобы приехали проститься с ним. На письма других, просивших его совета и благословения повидаться с ним, диктовал устные ответы, не распечатывая писем, и говорил, что более не увидится с этими людьми.

Как-то, говоря в ближней пустыньке с одною дивеевскою старицею, старец пришел от представления чаемого блаженства в восторг. Он встал на ноги, воздел руки и, смотря на небо, говорил: «Какая радость, какой восторг объемлют душу праведника, когда ее сретают ангелы и представляют пред лице Божие!» Старец много думал о том, что инокини дивеевские останутся после смерти его без опоры и поддержки, и говорил: «Я силами осла-

беваю. Живите теперь одне. Оставляю вас. Искал я вам матери, искал — и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Его Пречистой Матери».

Нередко старец, сидя в сенях у своего гроба, размышлял о загробной жизни. Земной его путь казался ему столь несовершенным, что он горько плакал. Кто-то в конце 1832 года спросил его: «Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?» На это старец дал ответ, который объясняет всю его удивительную жизнь, прямо невероятную для века, в который он жил: «Потому не имеем, что не имеем решимости. А благодать и помощь Божия верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде — и мы могли бы жить, как древние отцы. Ибо, по слову Божию, Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки.

Вот еще предсмертный завет одному твердому подвижнику, Тимону, пришедшему проститься со старцем: «Сей, отец Тимон; сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в терне: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от своего господина, но отдавай его торжникам. Пусть куплю деют».

Как-то в последнее время жизни старца один брат саровский, придя к нему вечером, спросил у него, почему, против обыкновения, в келье отца Серафима темно. Едва старец сказал, что нужно зажечь лампаду, и трижды перекрестился, произнося: «Владычица моя, Богородице», — как лампада зажглась сама собою. Тот же брат пришел к нему в другой раз в семь часов вечера и застал его в сенях стоящим у гроба. Старец давал этому брату огня из своей кельи на благословение, и вот за этим огнем брат теперь и пришел к нему. Когда он отворил дверь в келью, отец Серафим сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтобы она горела», — и стал молиться пред образом Богоматери. В это время пред иконою появился голубоватый свет, потянулся подобно ленте, стал навиваться на светильню большой восковой свечи, и она зажглась. Старец, взяв маленькую свечку и засветив ее от большой, дал ее в руки пришедшему брату и начал беседовать с ним. Во время беседы старец, между прочим, упомянул, что на днях будет в обитель из Воронежа гость, назвал его имя, сказал, что следует передать гостю, и добавил: «Он меня не увидит». Лицо

старца во время этого разговора сияло светом. Наконец старец сказал: «Дунь на эту свечку!» Брат дунул, и свеча погасла.

— Вот так, — сказал задумчиво старец, — угаснет и жизнь моя, и меня уже более не увидят.

Понял тогда брат, что старец говорит о конце своем, и заплакал. И опять какой-то свет озарил лицо старца, и, поцеловав инока, он с великою любовью сказал ему: «Радость моя, теперь время не скорби, но радости. Если я стяжу дерзновение у Господа, то повергнусь за вас ниц пред престолом Божиим». Чудные слова, вливающие такую отраду в людей, чтущих старца...

Тут старец открыл иноку великую тайну своей жизни.

«Некогда, — сказал отец Серафим, — читая в Евангелии от Иоанна слова Христа Спасителя: “в дому Отца Моего обители мнози суть”, я, убогий, остановился на них мыслию и возжелал видеть сии небесные обители... Пять дней и пять ночей провел я во бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения. И Господь, по великой Своей милости, не лишил меня сего утешения: по вере моей показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или бестелесно — не знаю), видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там: Великого Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцов наших Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и других святых, сияющих в неизреченной славе и радости»... Также в последнее время жизни своей открыл старец и другие чудные события своей жизни, как-то: моление на камнях.

Вот как открыт был в последнее время отцом Серафимом подвиг моления его на камнях. Камней, на которых он совершил труд своего отшельничества, было два. Один, гранитный, необыкновенной величины, находился в чаще Саровской, на полпути от монастыря к так называемой дальней пустыньке, где старец жил отшельником. На этом камне старец молился тысячу ночей. Другой камень малый, на котором он молился тысячу дней, был в «ближней пустыньке», где старец проводил дневное время в последние годы своей жизни.

За несколько месяцев до своей кончины отец Серафим просил преданного ему послушника отыскать первый камень,

не объясняя еще значения этого камня и ничего не говоря о подвиге своем, который тогда оставался еще никому неизвестным. Описав местонахождение этого камня-скалы и приметы его, старец отправил послушника по тому направлению, но послушнику не удалось ничего найти, и он вернулся ни с чем к старцу. Отец Серафим снова рассказал ему, как найти камень, и прибавил, что послушник уже ходил около него. После этого послушник, наконец, нашел этот камень, который был завален падающими с деревьев листьями. Тогда он с радостью поспешил к старцу объявить ему о своей находке, и старец сказал ему: «Я для того посылал тебя найти этот камень, чтоб ты знал его. Я бодрствовал на нем тысячу ночей!» Упав старцу в ноги, послушник умолял рассказать ему подробно об этом подвиге, и старец открыл ему свою тайну. Через этого монаха она стала известна всему монастырю, а потом мирянам, усердным к памяти отца Серафима. Богомольцы устремились посещать место моления отца Серафима, и постепенно проложили к камню такую широкую дорогу, что можно было проехать до него в экипаже. Многие отбивали себе на память о старце и в благословение кусочек от камня.

Перейдем к изложению обстоятельств кончины великого старца.

За неделю до конца, 25 декабря 1832 года, старец имел весьма продолжительную беседу с одним посетителем помещиком, который искал у него разрешения множества важных жизненных вопросов. В этот день старец выстоял литургию, отслуженную игуменом Нифонтом, по обычаю причастился и после литургии долго беседовал с игуменом. Он просил его о многих иноках, особенно из новоначальных. Тогда же старец напомнил, чтобы по его кончине его положили в дубовый гроб, сделанный его собственными руками. В тот же день старец передал иеромонаху Иакову финифтяный образ — посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского, и просил, чтоб этот образ положили на него по кончине и с ним опустили в могилу. Этот образ был прислан из Троице Сергиевой лавры, от мощей преподобного Сергия, наместником лавры, архимандритом Антонием, который бывал когда-то у старца и которому старец тогда предсказал переход в лавру.

Наступил 1833 год. Первый его день совпал с воскресеньем. В последний раз пришел старец к обедне в дорогую ему больничную церковь Соловецких чудотворцев. На месте, где стоит эта церковь, он был чудесно исцелен явлением ему Пресвятой Богородицы. Он ходил со сбором по России на построение этой церкви. В алтаре ее престол из кипариса был устроен его руками, и он всегда старался здесь приобщаться.

На этот раз заметили, что он, чего раньше не делал, обошел все иконы, ставя к ним свечи и прикладываясь. Он приобщился. Затем, после литургии, прощался со всею присутствующею братиею, говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынешний день нам венцы готовятся». Он казался крайне изнеможенным, но, при телесной слабости, был духом бодр, оживлен и весел. По прощании с братиею, он приложился ко кресту и к образу Богоматери, затем обошел вокруг престола и вышел из храма северными дверями, как бы показывая, что человек одними вратами, рождением, входит в мир, а другими, смертью, выходит из жизни.

После литургии старец принимал сестру дивеевскую Ирину Васильевну и передал ей 200 р. ассигнациями на покупку хлеба для Дивеевской общины. Затем был у старца иеромонах Высокогорской Арзамасской пустыни Феоктист. Прощаясь с ним, старец сказал ему: «Ты уж отслужи здесь». Торопясь домой, иеромонах от этого отказался. Тогда старец промолвил: «Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь». Не поняв его слов, иеромонах отправился в путь. Для ночлега он остановился в деревне Вертьянове, у самого Дивеева, и на следующее утро тронулся дальше. Вдруг без всякой причины оборвалась завертка у его саней, выпряглась лошадь, и он должен был остановиться в Дивееве. Тут он услышал о кончине старца Серафима, и плачущие сестры Дивеевские просили его отслужить по старце панихиду. Так сбылось сказанное ему накануне старцем слово: «Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь». Была еще в этот день у старца одна из дивеевских сестер, и старец сказал ей: «Матушка, какой нынче будет новый год. Земля постонет от слез». Инокня не поняла, что старец говорит про свою кончину. Как провел старец Серафим последний вечер своей жизни — известно из свидетельства его соседа по келье, отца Павла. Келья отца Павла имела сени общие с кельей старца Серафима, а самые кельи были разделены глухою стеною. Отец Павел

был хороший монах, смиренный, никого не осуждавший. Старец доверял ему и говаривал о нем: «Брат Павел за простоту своего сердца без труда войдет в Царствие Божие. Он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество». Он не был собственно келейником, так как келейника у старца никогда не было, но отец Павел, случалось, по соседству помогал кое в чем старцу, оказывал ему кое-какие услуги. Этот отец Павел не раз предупреждал старца, что от его привычки оставлять в своем отсутствии много горящих свечей в келье может случиться пожар (старец постоянно теплил у себя много свечей за своих духовных детей). На это старец всегда давал такой ответ: «Пока я жив, пожара не будет. А когда я умру, кончина моя откроется пожаром».

Судя по-человечески, отец Павел имел тем более причин опасаться пожара, что келья старца была завалена таким легко воспламеняемым материалом, как холсты, которые ему во множестве приносили по усердию своему крестьяне.

Отец Павел заметил, что 1 января старец Серафим три раза выходил из кельи к тому месту, которое им было выбрано для погребения, и, стоя там некоторое время, смотрел в землю. Вечером отец Серафим пел в своей келье победные пасхальные песни. «Воскресение Христово видевше», «Светися, светися, новый Иерусалиме», «О Пасха велия и священнойшая» — и еще другие радостно-победные церковные песни. Что ощущала в эти часы душа старца?.. Он шел от бедствий земли в отчизну, красоту которой уже познал в дивных видениях. Чудные песни ангелов уже долетали до его слуха, и трудно представить себе великость той духовной радости, какую трепетало в эти часы его благодатное существо.

Его кончина должна была быть без свидетелей. И что могло быть лучше: на молитве, наедине с тем Богом, Которому единому он служил на земле, Кому предпочел все земное, к Кому рвался, Кого желал, по Ком тосковал и к Кому теперь шел на вечное, неразрывное соединение.

Настало утро 2 января 1833 года. Отец Павел, выйдя из своей кельи, чтоб отправиться к ранней обедне, почувствовал запах дыма в сенях. Запах шел из кельи отца Серафима. Отец Павел попробовал отворить дверь. Она была заперта изнутри крючком.

Он сотворил обычную при посещении иноков молитву. Ответа не было. Тогда отец Павел вышел на крыльцо. Мимо шло в церковь несколько иноков. Отец Павел крикнул им: «Отцы и братия, слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, вероятно, ушел в пустыньку». Один из этих проходящих, послушник Аникита, бросился к дверям кельи отца Серафима и, сильно рванув ее, сорвал ее с внутреннего крючка. У самых дверей внутри кельи тлели холсты и другие вещи, распространяя дым. Так как на дворе день чуть начинал брезжить, а в келье света не было, то ничего нельзя было разобрать в темноте; старца не было ни видно, ни слышно. Братья думала, не отдыхает ли он после ночного молитвенного подвига, и толпилась у порога, не смея войти внутрь. Чтобы погасить тлевший в вещах огонь, некоторые побежали за снегом и накидали его на эти вещи. Пока все это происходило, в больничной церкви своим чередом шла обедня. Уже запели «Достойно есть». В это время один мальчик-послушник, прибежав от кельи отца Серафима, оповестил некоторых о том, что там случилось; многие тогда поспешили к этой келье. Таким образом, собралось немало иноков. Монах Павел и послушник Аникита желали удостовериться, не отдыхает ли старец, и стали ощупью отыскивать его, и наконец дошли до него. Принесли зажженную свечу. Отец Серафим в обычном своем белом балахончике стоял на том месте, где обычно молился, на коленях, перед малым аналоем. Голова его была открыта, руки были крестообразно сложены; на груди висел медный крест — материнское благословение. Думая, что он уснул, утрудившись молитвою перед келейною своею святынею — иконою Богоматери Умиления, его стали осторожно будить. Но ответа не было: старец почил смертным сном. Его глаза были сомкнуты, лицо оживлено богомыслием и счастьем молитвы. Тело его еще было тепло.

Старцу омыли, по иноческому чину, чело и колени, облапили его, положили его в дубовый гроб, им самим давно приготовленный, и вынесли тотчас в собор. По завещанию старца, на грудь его положили финифтяную икону Преподобного Сергия. Быстро разнеслась повсюду весть о кончине благодатного старца. Вся окрестность собралась в Саров.

Та инокия, которой накануне старец предсказывал: «Какой нынче будет новый год! Земля постонет от слез», — была в Са-

рове, когда старец скончался. По возвращении ее в Дивеев, одна инокиня спросила ее: «Что батюшка, здоров ли?» Та молчала. Спрашивавшая повторила вопрос. Та, помолчав, тихо сказала: «Скончался!» Инокиня закричала, заплакала и, как безумная, не благословясь, кинулась в Саров.

Если принять во внимание, что привязанность, которую возбуждал к себе отец Серафим, была безгранична, горяча, охватывала всего человека, его любившего, то станет легко понятным впечатление, произведенное его кончиною. Слово его, что земля «постонет от плача и рыдания», сбылось в полной мере.

Восемь дней тело стояло открытым, не только не подвергаясь тлению, но издавая благоухание. Тысячи народа сошлись в Саров из окрестностей и ближайших губерний. В день отпевания от множества народного в соборе стояла такая жара, что местные свечи у гроба тухли от жары. В то время послушником в Сарове был человек, впоследствии бывший архимандритом (Митрофан) и занимавший должность ризничего Александро-Невской лавры. Он засвидетельствовал такое явление. Когда духовник хотел положить в руку отца Серафима разрешительную молитву — рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие иноки, видя это, были поражены изумлением. Не было произнесено над гробом его поучений. Но память о необычайной его жизни, да напевы песен церковных, им столь любимых, были красноречивее всяких поучений.

Над местом упокоения старца впоследствии был воздвигнут усердием Нижегородского купца Сырева чугунный памятник в виде гробницы; на памятнике надпись: «Жил во славу Божию»...

Замечательны два обстоятельства, следовавшие за кончиною старца Серафима.

2 января, окруженный иноками, выходил от заутрени знаменитый подвижник, игумен Глинской пустыни Филарет. Указывая на необыкновенный свет, видный в небе, он произнес: «Вот так души праведных возносятся на небо. Это душа отца Серафима возносится!»

Знаменитый благочестием своим архиепископ Воронежский Антоний был тоже необыкновенным способом извещен о кончине старца Серафима. В то время в Воронеже находился помещик Николай Александрович Мотовилов, который был раньше исце-

лен отцом Серафимом — исцеление, составляющее одно из величайших чудес старца.

Вот что пишет Мотовилов в своих воспоминаниях о дне 2 января 1833 г.

«2-го января 1833 года, в этот же день вечером услышал я от высокопреосвященного Антония, что батюшка отец Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь скончался, о чем он сам ему, явясь, очевидно, возвестил. Архиепископ Антоний сам тот же день соборно отслужил по старце панихиду». При дальности расстояния между Саровом и Воронежем, конечно, не могло быть и речи о каком-нибудь естественном способе передачи в Воронеж к вечеру известия о том, что произошло в утро того же дня.

Мы закончим воспоминание о блаженной кончине старца Серафима отрывком из стихотворения, посвященного его памяти, не блестящего по форме, но содержащего глубокую мысль о значении старца и о жизни его.

Он был и именем, и духом *Серафим**
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Завета вечного земным истолкователь!
Как много дивного избранным он вещал.
Куда бы светлый взор он только ни вперял —
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл,
Судьба грядущего всецело рисовалась;
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседую о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное,

* Серафим значит *пламенный*.

Напрасно клевета хотела омрачить —
В нем жизнь была чиста, как небо голубое,
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он...
Но что же смерть его? — Вид смертной только сени.

Да, для этого человека действительно кончина была началом новой, широчайшей, жизни и новой, необъятной, деятельности. Сама смерть, ужасная для смертных, для него изменила свой грозный, роковой вид и слетела к нему кроткою, ласковою гостьею. И тогда какое счастье, какие тайны, какое торжество открылись дивному избраннику неба в этих победных для него вратах смерти!

Что оставил по себе старец Серафим

В настоящее время, когда с особым усердием вспоминается все, относящееся до великого старца Серафима Саровского, уместно подвести итог оставшимся вещественным о нем воспоминаниям.

Живыми воспоминаниями по старце, кроме Сарова, остались процветающие женские обители — Серафимо-Дивеевская и Серафимо-Понетаевская. Находясь вблизи друг друга, — Саров, Дивеево и Понетаевка лежат в двух разных губерниях: Саров в Тамбовской, Дивеево и Понетаевка в Нижегородской. Посещение всех этих трех мест весьма удобно соединить вместе, если со станции Шатки (та самая линия, идущая от Нижнего, на которой лежит и Арзамас) проехать на Понетаевку, оттуда на Дивеев и затем на Саров.

Серафимо-Понетаевская обитель, известная меньше Дивеевской, устроена, после разных несогласий в Дивееве, сестрами, отколовшимися от Дивеева, в усадьбе девицы — помещицы Копьевой. Замечательно, что, когда барышня Копьева в юности с родными своими была у отца Серафима, старец, провидя, что она впоследствии даст свою усадьбу для его монастыря, низко кланяясь, благодарил барышню, что, конечно, тогда очень всех удивило. В Понетаевке пребывает прославившийся недавно чудесами образ Знамения Богоматери.

Понетаевку щедро благотворил один замечательный русский человек, купец Петров. Он умер весною 1902 года, завещав Серафимо-Понетаевскому монастырю свыше 10-ти тысяч десятин земли, весьма ценной в той местности.

Теперь о портретах старца.

На Успенском острове среди реки Волхова, где помещается ряд благотворительных учреждений, устроенных Петербургским протоиереем Алексием Колоколовым, находится одно замечательное изображение старца Серафима. Раз к отцу Алексию обратился со своим горем один отец из весьма культурного класса общества. Его сын совершенно лишился веры. Поговорив с молодым человеком, отец Алексей попросил его, так как тот занимался живописью, сделать для него копию с большого портрета отца Серафима, где старец изображен идущим согбенным, опираясь на сучковатую палку; на нем клобук мягкий — такой формы, как носили в старой Руси, черная полумантия и крашенинная темно-коричневая ряса, на ногах онучи и лапти. Старец изображен во весь рост и поражает своею жизненностью. Так и кажется, что он сейчас выйдет из рамы. Что случилось с молодым человеком во время исполнения этой работы, — неизвестно. Но, закончив ее, он стал горячо верующим человеком.

Возникал вопрос о том, кормил ли старец Серафим медведя. Не только кормил, но и больше того. Когда приходившие к старцу пугались, заставляя у него медведей, он словом отгонял их в чащу леса. Раз старец заставил одну монахиню из своих рук покормить медведя. Изображение старца с медведем написано впервые в сороковых годах живописцем Ефимом Васильевым, горячим почитателем отца Серафима, лично его знавшим. Уже 50 лет назад изображения отца Серафима, кормящего медведя, были очень распространены.

Весьма также распространены гравюры — в прежнее время достигавшие высокой художественной законченности, изображающие старца молящимся в лесу на камне, идущим в ближнюю пустыньку с котомкой на спине, или без котомки, и скончавшегося в коленопреклоненной молитве пред иконой Богоматери Умиление. Реже приходится видеть (есть новейшая хромофотография) изображение старца работающим на огороде или встречающим посетителей у ближней пустыньки. Наконец, нам не приходилось

встречать отдельными изданиями картину, находящуюся в виде иллюстрации в некоторых книгах об отце Серафиме, особенно же заметную в часовне, где находится могила старца, и изображающая посещение старца Серафима Богоматерью в последний год его жизни, 25 марта 1831 года, в день Благовещения. Равным образом, никогда, кажется, не бывали изданы отдельно рисунки: видение иеродиакону Серафиму Христа при совершении литургии и чудесное исцеление послушника Прохора явлением Богоматери.

Недавно пришлось встретить очень интересную гравюру: старец в задумчивости, с поднятой для благословения рукой, стоит над своим целебным источником.

В самом распространенном изображении отца Серафима — молении его на камне, делаются очень часто две погрешности. Обыкновенно изображается, что старец молится на камне столь небольших размеров, что белый балахон коленопреклоненного старца почти покрывает камень. Это не верно. То, на чем молился отец Серафим, представляло из себя большой, высокий камень, лучше сказать — скалу. Известно, что в течение десятков лет богомольцы отбивали куски от этого камня. Между тем и теперь сохраняемый в Дивееве камень этот чуть разве поменьше того, каким изображают его на картинах моления отца Серафима. Другая погрешность следующая. Под открытым небом старец промолился 1000 ночей, а 1000 дней в это время молился, стоя на другом камне, у себя в келии. И второй камень поднесь существует. Значит, неправильно изображать над старцем, молящимся в лесу на камне, голубое дневное небо и заливать всю картину дневным светом. Надо еще заметить, что отец Серафим, во время моления на камнях, не был седым, как иногда его рисуют, а имел светло-каштановые густые волосы. Волосы у отца Серафима два раза от болезни сходили с головы, как шапка. Раз, когда он был болен еще послушником. Другой раз, когда он был избит и изувечен тремя крестьянами с. Кременок, крепостными Татищева, которые пришли к нему в дальнюю пустыньку, требуя денег, которых у него не было. Именно после этого происшествия отец Серафим, бывший раньше стройным и прямым, стал ходить согбенным. Уже много лет до того его придавило дерево, когда он работал по рубке леса, но это еще не так согнуло его. Волосы отца Серафима

хранятся и в Сарове, и в Дивееве, и некоторые миряне носят их у себя, как святыню, обыкновенно в медальонах на воске.

Напоминанием пустынночества старца являются обе его келии из «дальней» и «ближней» «пустынек», обе они в Дивееве. Из первой сделан алтарь Преображенской церкви, и в алтаре этом хранятся одежды старца и его книги. В другой читается непрерывно Псалтирь. В Дивееве же находится келейная икона отца Серафима, на молитве пред которою он скончался — Богоматери Умиления; в Дивееве же хранится и крест* медный, материнское благословение, которым мать благословила сына, когда он решил уйти из мира, и который он всегда носил открыто на груди, с ним на груди и скончался. Самая же, быть может, великая память по старцу — это Серафимов источник в «ближней пустыньке». Являясь в видениях больным, старец постоянно указывает на этот источник. От воды его бывали случаи прозрения слепых.

В заключение обращаю внимание библиографов на следующее. В Петербурге мне довелось слышать, что в тридцатых годах был издан роман (читанный будто бы Пушкиным и ему понравившийся), в котором отец Серафим является действующим лицом. К сожалению, слышав это из вторых рук, я не мог узнать ни заглавия романа, ни имени автора, ни того, выведен ли в этом романе отец Серафим в виде одного из главных лиц, или в виде лица эпизодического. Интересно было бы обстоятельно расследовать этот слух.

Легенда о старце Серафиме Саровском, Императоре Александре I и Императрице Елизавете Алексеевне

I.

Таинственное в истории обладает могущественною притягательною силой... Кто из нас не знает людей, которые готовы были бы на большие жертвы для того, чтобы разрешить, например,

* Так доселе полагали. В самое последнее время довелось слышать, что при освидетельствовании мощей старца этот крест оказался на его мощах, лежащим на груди, как носил он его всю жизнь

вопрос не только о Димитрии Самозванце, но и о какой-нибудь Железной Маске.

К интереснейшим загадкам русской истории принадлежат народные легенды, сложившиеся вокруг личности Императора Александра I.

В весьма ценной статье А.В. Половцова, появившейся в *Московских Ведомостях* после безвременной кончины Н.К. Шильдера, есть в высшей степени любопытные указания на таинственную связь Александра I с личностью загадочною — Феодора Кузьмича, которого народная молва нарекает Александром I, решившимся будто бы оставить царский венец, чтобы в земном уничтожении спасти свою душу. О том, как относился Шильдер к этой легенде, можно сказать, что он, веря, не верил, — и не веря, верил ей.

Пишущему эти строки довелось слышать мало кому, вероятно, известный рассказ о мнимом таинственном свидании Императора Александра I с великим старцем Серафимом, рассказ, отчасти соответствующий знаменитой легенде о Феодоре Кузьмиче.

Рассказ этот передан мне ныне покойным М.П. Гедеоновым, человеком весьма интересовавшимся вопросами религии и жизнью таких людей, как отец Серафим, и обладавшим многими сведениями, никогда не оглашенными в печати. Ему, в свою очередь, рассказывал об этом офицер-морьяк Д., впоследствии принявший монашество. Д. же слышал об этом в Сарове от инока весьма престарелого, который сам-де был свидетелем этого события и умер вскоре после того, как передал о нем Д., бывшему тогда еще морьяком.

Как мне лично ни кажется рассказ этот маловероятным, я решаюсь передать его, как интересную легенду о столь интересных лицах.

В 1825 году, или в один из ближайших к этой эпохе годов, старец Серафим однажды обнаружил будто бы какое-то беспокойство, замеченное монахом, рассказывавшим об этом впоследствии моряку Д. Он точно ожидал какого-то гостя, прибрал свою келью, собственноручно подмел ее веником. Действительно, под вечер в Саровскую пустынь прискакал на тройке военный и прошел в келью отца Серафима. Кто был этот военный,

никому не было известно; никаких предварительных предупреждений о приезде незнакомца сделано не было.

Между тем великий старец поспешил навстречу гостю на крыльцо, поклонился ему в ноги и приветствовал его словами: «Здравствуй, великий государь!» Затем, взяв приезжего за руку, отец Серафим повел его в свою келью, где заперся с ним. Они побыли там вдвоем в уединенной беседе часа 2—3.

Когда они вместе вышли из кельи и посетитель отошел уже от крыльца, старец сказал ему вслед:

— Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил.

Такова легенда.

Гедеонов объяснял, что та душевная тягота, которую Государь испытывал, взойдя, после 1812 года, на вершину человеческой славы, но не найдя в этой земной славе душевного удовлетворения; те разочарования в государственных системах, в людях, все эти страдания и разочарования усталого его сердца, от которых Александр искал духовного лекарства, — привели его в Саров, где отец Серафим вложил-де в него мысль о том, чтобы подвигом земного уничтожения утолить жажду его рвавшейся к Богу и томившейся в миру души.

Гедеонов добавлял еще, что приехал Александр I в Саров из Нижнего и что будто бы действительно Император раз из Нижнего исчез на 1—2 суток неизвестно куда (?). Он вспомнил, будто ему действительно довелось читать, что, или едучи в Таганрог, или за несколько лет до того, Александр был в Нижнем.

На мои некоторые возражения, например, что Государю зачем было тайно ехать в Саров и что его исчезновение на целые сутки или более из Нижнего не могло бы остаться незамеченным, Гедеонов отвечал, что интересное событие этого тайного посещения вполне-де соответствовало характеру Александра. Государь не только-де любил таинственность, но и был приучен к ней обстоятельствами своей молодости.

При этом Гедеонов сослался на интересные рассказы о времени императора Павла — Кутлубицкого, бывшего генерал-адъютантом при Павле (*Русский Архив*, 1866 г.), где передается, как Кутлубицкий перед коронацией был послан с поручением Государя в Москву. Вернулся Кутлубицкий в Петербург в десятом часу вечера и был принят Государем. Когда он уходил от Госу-

даря, камер-лакей успел ему шепнуть, что имеет до него тайное поручение, и в другой комнате передал ему просьбу Наследника зайти к нему тотчас по возвращении из Москвы, хотя бы ночью. Через несколько минут он был принят Александром Павловичем в очень оригинальной обстановке. В спальне теплилась лишь лампадка, а Наследник лежал в постели и спросил его, зачем Государь посылал его в Москву. Кутлубицкий открыл это лишь тогда, когда Наследник поклялся на образ сохранить эту тайну.

Далее, продолжал Гедеонов защищать свой рассказ, известно, как любил Александр беседы со знаменитыми «старцами». Дошел до нас его интересный разговор с известным благочестием наместником Киево-Печерской лавры Антонием (скончался в сане архиепископа Воронежского). В Киеве ночью он посетил слепого старца, прозорливого Вассиана, который сразу назвал его по имени; перед последним отъездом из Петербурга он посетил схимника, жившего в Александро-Невской лавре. Это последнее посещение произвело такое впечатление на современное общество, что есть старинные гравюры, воспроизводящие это посещение. Нечего уж говорить о сношениях с Фотием, которого Государь видал тайно.

— Весьма, поэтому, понятно, — утверждал Гедеонов, — что Государь мог сильно желать свидания и беседы с отцом Серафимом.

Тогда я спросил:

— Ведь отец Серафим жил в отдаленнейшей, глухой пустыни. Как же мог Государь услышать о нем?

У собеседника моего на все, по-видимому, был заготовлен ответ. Он стал объяснять так:

— Человек, бывший поверенным духовных стремлений Государя, князь А.Н. Голицын, которому невозможно было не знать об отце Серафиме, едва ли бы стал, вследствие своего ясно выраженного протестантствующего направления, говорить Государю об отце Серафиме. Но Государь мог слышать о нем и от других. В числе лиц, упоминаемых в жизнеописаниях отца Серафима, как его посетителей, находим довольно имен русской знати, некоторые из которых сами были на виду, другие же, живя в поместьях, могли, тем не менее, иметь связи, друзей и родных при Дворе. В числе лиц, имевших отношения к Сарову и Дивееву, Ге-

деонов упомянул представителей родов князей Голицыных, Ладыженских, Татищевых, Корсаковых, Извольских, Сипягиных, Колычевых, Чемодановых, Муравьевых, Еропкиных, князей Енгальчевых, Михайловских-Данилевских.

Весьма изобретательный в предположениях, Гедеонов указывал, что в течение нескольких лет Государя в его частых по России путешествиях, при крайне ограниченной свите, сопровождал, вместе с генерал-адъютантом, князем Волконским, флигель-адъютант Михайловский-Данилевский, часто имевший случаи беседовать с Государем и не могший не знать о Сарове, так как неподалеку, в Пензенской губернии, лежали поместья его жены, и в Саров ездили ее родные (Чемодановы), а впоследствии и дети Данилевского.

Во всяком случае, от тех или других лиц, но Государь — так выходило из слов Гедеонова — *мог* слышать об отце Серафиме и, вероятнее всего, и *слышал* о нем.

Он говорил еще, что изображение отца Серафима висело всегда у упомянутого выше генерала Кутлубицкого. Наконец, у отца Серафима был раз великий князь Михаил Павлович, — правда, уже по кончине своего старшего брата, именно в 1826 году — тоже совпадение, по мнению Гедеонова, не безынтересное*.

Я передал здесь рассказ, как его слышал, и высказал те соображения, на которые опирался мой мистический собеседник и которые все-таки мне казались недостаточными.

Что отец Серафим по прозорливости своей знал заранее о приезде Государя, *если бы* Государь пришел к нему, и что он сразу назвал его, это, конечно, наименее возбуждает сомнения.

Отец Серафим обладал необыкновенным даром прозорливости. Он очень часто называл по имени лиц, которые в первый раз его видели; исповедуя, вслух говорил человеку все его грехи с детства, видел чужое будущее так же ясно, как свое прошлое, написал поздравление Воронежскому архиепископу Антонию с открытием мощей святителя Митрофана, когда об этом ничего не было известно, предсказал события Крымской войны, отделен-

* О том, как любила отца Серафима Императрица Александра Федоровна, было недавно помещено свидетельство Д.Ф. Тютчевой в *Русском Архиве*.

ной двумя десятками лет от его кончины («на Россию восстанут три державы и сильно изнурят ее, но Бог помилует ее за православие»).

Так что казалось бы странным не то, что он узнал Государя, а то, если бы он не узнал Его.

Не будучи в состоянии верить этой легенде, я, тем не менее, мечтал: как бы хорошо было, если б это действительно случилось, если б Император Александр принял благословение старца Серафима и беседовал с ним. Так иногда, увидев счастливый сон, мы жаждем, чтоб это было действительностью, даже если сон относится к прошлому.

Что-то таинственное связывает Преподобного Сергия и отца Серафима, быть может, величайшего после Преподобного Сергия праведника Русского народа, или даже равного ему. Отец Серафим родился близ храма Преподобного Сергия, лег в могилу с финифтяною иконой Преподобного Сергия, положенною, по его завещанию, ему на грудь; наконец, если кто, то именно отец Серафим представляет собою такое же удивительное, чрезвычайное, выходящее из всяких рамок явление в духовной жизни Русской земли, как Преподобный Сергий, стоящий столь особняком среди святых русских. И вот, как некогда с Преподобным Сергием близки были вожди Русского народа, так же хочется верить в близость к «убоному Серафиму», величайшему из людей отечественной Церкви за последние века, — современного ему вождя Русского народа и носителя идеалов этого народа...

II.

Теперь легенда об Императрице Елисавете Алексеевне мне кажется совершенно уже невероятною.

Как подробно ни описывают ее кончину в городе Белеве, Тульской губернии, по пути из Таганрога в Петербург, куда она спешила для свидания с Императрицей-матерью, — в смерти ее любители таинственности находят что-то загадочное.

В половине 80-х годов в *Русской Старине*, кажется, была помещена интересная статья о кончине Императрицы, с указанием на то, что многое в этой кончине было странного. Некоторые же современники, начитавшиеся, вероятно, романов с тайнами и

превращениями, шли дальше: они утверждали, что Императрица вовсе и не умирала в Белеве, что она осталась жива, и так же, как царственный ее супруг, посвятила себя духовным подвигам.

Мне пришлось слышать следующий рассказ от одного почтенного старика, весьма заслуженного человека, с большим родством, страстного защитника легенды о Феодоре Кузьмиче.

Будучи мальчиком и проводя лето в деревне, Тульской губернии, он как-то был в Белеве, где его сводили посмотреть дом, в котором скончалась Императрица Елисавета Алексеевна.

Через некоторое время он увидел свою бабушку г-жу Л-ну, которой рассказал о том, что видел в Белеве.

Бабушка слушала-слушала его рассказ, потом наклонилась к нему и прошептала: «Знай, голубчик, что никакой Императрицы в Белеве не умирало. Императрица Елисавета Алексеевна жива».

Что же сказать на это, кроме того, что почтенная старушка давала много свободы своему воображению!

Из совершенно другого источника я слышал и о дальнейшей части легенды: об участии Императрицы Елисаветы Алексеевны.

В 1834 году в Тихвине появилась неизвестная странница, под именем Веры Александровны, проведшая затем 25 последних лет своей жизни в подвиге молчаливства в Новгородском Сырковом монастыре (Сведения о жизни ее находятся в главе «Молчальница Вера Александровна», во втором издании моей книги *Русские подвижники XIX века*). Тайну ее происхождения знала лишь столь приближенная к царской семье и благочестивая графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. Сохранился портрет Веры Александровны в гробе, а лица с сильным воображением утверждают, что между нею и Императрицей Елисаветой Алексеевной такое же сходство, какое эти же лица находят между Феодором Кузьмичем и Императором Александром I.

Самое имя: «Вера», знаменующее то, ради чего предпринят был столь великий подвиг, и отчество, совпадающее с именем императора, — наводит этих легковерных предпологателей на некоторые мысли.

Говорили мне, что в Петербурге начинают интересоваться личностью Веры Александровны и что недавно в Петербург были затребованы фотографии с немногих оставшихся после Веры Александровны вещей.

Я лично не вижу ни малейшей черты в том немногом, что известно о жизни Веры Александровны, говорящей в защиту этой, по меньшей мере, смелой легенды. Что Вера Александровна, как можно было судить по ее внешности, привычкам, манерам, была женщина высшего круга, это несомненно, но это еще ровно ничего не доказывает, так же как и сказанные раз ее молчаливыми устами слова: «Я прах земли. Но родители мои были так богаты, что я горстью выносила золото для раздачи бедным. Крещена я на Белых Берегах». Наконец, можно указать на то, что Вера Александровна была лет на 20 моложе императрицы. А портрет? Мы не узнаем в гробу хорошо нам известных лиц. Как же судить по покойнице, надеясь узнать в ней женщину, которой мы знаем лишь портреты, сделанные за несколько десятков лет до того!

Пишущий эти строки не считал возможным, по маловероятности их, даже упомянуть об этих слухах при составлении статей в названной выше книге. И сейчас привожу их не в виде исторической справки, не в виде смелого исторического предположения, а совсем с иною целью.

Уже одно появление таких слухов показывает, как высоко культурные кружки русского верующего общества ставили нравственную личность Александра I и его столь же мало, как он сам, разгаданной, обвеянной какою-то таинственной прелестью супруги. Самые невероятные легенды верно, однако, отражают взгляды современников и потомства на лиц, окружаемых легендами.

Из последних чудес старца Серафима Саровского

Старец Серафим отличался всегда особою отзывчивостью, особым милосердием, и что-то трогательное, нежное отмечает его отношение к людям. Он рад помочь всякому просящему, и забота его о призывающих его людях доходит, можно сказать, до мелочей.

Нам хочется изложить здесь три случая помощи отца Серафима по молитвам к нему, происшедшие в самое последнее время.

* * *

Одно служащее лицо, неоднократно терявшее места и подверженное несчастной склонности к пьянству, дошло до крайности. Уже раньше испытав на себе силу молитв к отцу Серафиму, этот несчастный человек и теперь стал призывать старца как последнюю надежду свою. И видит он сон: стоит пред ним отец Серафим, на этот раз грозный, и говорит ему: «В последний раз!»

В самом непродолжительном времени этот человек получил недурное место, какого не мог ожидать.

* * *

Как-то зимою к священнику при церкви Успенского острова*, отцу Александру К., приезжают из деревни, лежащей в нескольких верстах от острова, с просьбою напутствовать умирающего. Отец Александр поспешил на зов и приобщил больного. Сестра милосердия, видевшая этого крестьянина, считала болезнь его буторчаткой и признала его безнадежным. И сам он, и все окружающие ждали с минуты на минуту конца.

Приобщив больного, отец Александр вернулся домой.

Через несколько часов к нему прискакали опять, прося его опять навестить того же умирающего, который испытывал страшные душевные муки и настойчиво требовал священника.

Когда отец Александр приехал, больной сказал ему, что никак не может умереть, что он окружен духами злобы, которые наводят на него отчаяние.

— Ты думаешь, — говорили они ему, — что ты приобщился и спасен. Не уйти тебе от нас. Ты в нашей власти. Нет тебе спасения.

Больного ломало так, что страшно было на него смотреть, и оставалось лишь удивляться, как еще целы его кости.

Священник объяснил ему значение таинства елеосвящения, в котором разрешаются все грехи, сделанные человеком, забвен-

* Успенский остров, лежащий на реке Волхове, включает ряд благотворительных учреждений, основанных знаменитым петербургским пастырем-духовником, отцом Алексием Колоколовым, скончавшимся в Петербурге в январе 1902 года и погребенным на острове.

ные им, утаенные и не исповеданные — чем, главным образом, могли смущать его «враги» — и особоровал его; затем увещевал его не поддаваться ни страху, ни отчаянию, и, благословив его на смерть, уехал.

Вечером в третий раз явились к отцу Александру все из того же дома, с известием, что предсмертная тоска умирающего еще лютее мучит его и что он просит помощи.

Отец Александр имел горячую веру в старца Серафима, которого почитал как великого Угодника Божия и чудотворца. У него всегда была в запасе вода из Сарова, из источника отца Серафима, о которой сам отец Серафим сказал: «Я молился, чтобы вода сия была целительною от болезней».

От этой воды произошло множество дивных исцелений — исчезали бесследно неизлечимые болезни, прозревали многолетние слепые. Между прочим, вода эта обладает замечательным свойством: она никогда не портится и не гниет, хотя бы целые годы стояла без плотной пробки.

Не зная, чем облегчить последние страдания умирающего, отец Александр вкратце пояснил родным его, кто такой был отец Серафим, как велико его дерзновение пред Богом, как страшен он исконному врагу рода человеческого, и отлил им немного этой воды из источника старца Серафима, чтоб они давали умирающему этой воды по капле до самого конца его.

Мысленно простясь с умирающим, отец Александр уже больше не видал его и не спрашивал о нем: так он уверен был, что он скончался в ту же ночь (хоронить его должен был приходский священник).

Прошло много месяцев. Едет отец Александр как-то по дороге. Навстречу мужик с возом; стал, снял шапку и кланяется. Не верит отец Александр своим глазам: пред ним тот, кого он считал уже умершим.

Остановился и отец Александр и окликнул его по имени:

— Ты ли это? Я тебя все за покойника считал.

Тогда рассказал ему умиравший, что вода отца Серафима дала ему какие-то силы и он быстро оправился.

* * *

Минувшим летом двум детям одной семьи исключительно высокого положения объясняли географию Волги и всего, что в бассейне ее есть интересного. Дело в том, что отец семьи путешествовал по Волге, и дети мысленно хотели следить за его плаванием.

Когда дошли до Нижнего, в губернии которого находится Серафимо-Дивеевский монастырь, им подробно рассказали о великом старце Серафиме Саровском, о том, как жалел он людей, как все было ему открыто. Рассказали, между прочим, и о том, как однажды пришла к нему мать, вконец измученная исчезновением сына, который пропал, — что в воду канул, и не было о нем, как говорится, ни слуху ни духу. В отчаянии тогда сказала старцу несчастная женщина:

— Не знаю, как молиться о нем, как в церкви поминать его: живым или умершим.

— Подожди тут в Сарове три дня, — кратко ответил ей отец Серафим.

Эти три дня прошли. Мать опять стояла пред старцем. А старец сказал ей: «Вот твой сын», и подвел к ней ее сына.

Весь рассказ о старце, и особенно этот случай произвел на детей, очень дружных между собою, мальчика и девочку, глубокое впечатление, и в них образовалось убеждение, что все возможно старцу Серафиму.

Вскоре случилась у них беда: любимая их птичка вылетела из клетки в окно и пропала.

Дело было в деревне; но тем не менее дети очень тужили. Не того им было жаль, что они ее лишились. А они знали, что уроженка дальних теплых стран не вынесет русской осени, да и заклюют ее хищные птицы. Что было делать? И вот они надумали: рассказать свое горе отцу Серафиму и просить его вернуть им птичку.

Никому не открыли о своем решении.

Вероятно, слишком дорого было им их чувство и не хотелось им его обнаружить. А потом, может быть, боялись они, если их молитва не исполнится, что осудят другие того старца, в которого они вдруг так крепко уверовали и которого так уж много теперь любили.

И вот, стали они молиться отцу Серафиму. В то же утро птичка их была найдена: она сама прилетела в другой конец того огромного дома, скорее дворца, где жили эти дети.

Так услышал великий старец молитву этих маленьких, горячо поверивших ему сердец.

Что-то теплое охватывает вас, когда вы слышите подобные рассказы.

Счастливы дети, чье детство озарено подобными впечатлениями, и невольно шепчутся слова Никитина:

Молись дитя: сомненья камень
Твоей души не тяготит,
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит!
Молись дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров
И капли слез твоих считает
И отвечать тебе готов!
Быть может, ангел твой хранитель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель,
К престолу Бога вознесет.

А близко к этому престолу стоит столь понятный, родной детям по голубиной чистоте своей, по незлобию своему дивный старец Серафим. И кому же, как не ему, ставшему как дитя для взыскания царствия небесного, откликаться на чистую, жаркую, безбрежную веру детей!

Птенцы старца Серафима Саровского

Последовавшее недавно Правительственное сообщение о предстоящем прославлении старца Серафима Саровского привлекает сердца всех православных к образу этого великого подвижника.

Один из наиболее верных способов обрисовать чью-нибудь личность, это — показать эту личность в ее сношениях с другими людьми; представить, какое влияние оказывала она на людей; как,

встретясь с природой, по-видимому, обыденной, не отличавшеюся особой нравственной силою или особо-идеальными стремлениями, силою воздействия своего эта личность перерабатывала эти природы, изменяла направление жизни людей, возносила их на неприступные вершины духа.

И нам кажется, что к выяснению того, чем был отец Серафим, не мало может помочь благоговеющим пред его памятью знакомство с несколькими людьми, на которых отец Серафим имел живое, непосредственное влияние и которые по праву могут быть названы его птенцами.

В последние 10—15 лет жизни старца к нему со всех сторон стекалось множество народа, во всяких тягостях житейских — обездоленные, печальные, больные.

Между этими последними был привезен к старцу и помещик Мантуров.

Михаил Васильевич Мантуров, владелец села «Нуча», Ардатовского уезда Нижегородской губернии, отстоявшего в 40 верстах от Сарова, долго служил в Лифляндии в военной службе и там женился на лютеранке Анне Михайловне Эрнц. Тяжкая болезнь принудила его оставить службу и поселиться в родовом поместье. С ним вместе жила и сестра его, Елена Васильевна, жизнерадостная, умная, красивая девушка, на много лет младше его.

Над ним впервые великий старец Серафим проявил свою чудотворную, исцеляющую силу.

Какая была причина болезни Мантурова, каково имя этой болезни, того не могли сказать лучшие врачи. Ни определить ее, ни лечить они не могли. Больной страдал все сильнее. Дело дошло до того, что из ног его кусками стали выходить кости. Так как помощи от докторов не было, Мантурову оставалось лишь одно — прибегнуть к Богу. И он решился ехать в Саров к отцу Серафиму, слух о святости которого достиг до его поместья.

Тогда еще великий старец подвизался в затворе. С усилием привезшие Мантурова люди ввели своего барина в сени кельи отца Серафима.

Старец вышел к нему и спросил ласково:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров видел в старце последнюю свою надежду. Может быть, теперь, когда пред ним стоял этот обаятельнейший человек,

как небожитель, слетевший на землю для помощи и утешения людям, может быть, теперь вера его в то, что старцу все доступно и что он спасет его, стала в нем еще живее. Упав ему в ноги, больной стал со слезами просить его об исцелении. Тогда старец трижды торжественно и с любовью спросил больного.

— Веруешь ли ты в Бога?

Трижды, с живейшим убеждением, Мантуров исповедывал пред старцем свою безусловную веру. Тогда старец вразумительно сказал ему:

— Радость моя*, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий Серафим, помолюсь!

Оставив больного сидеть в сенях, старец пошел молиться в свою келью. Оттуда он вышел, неся с собой освященного масла. Он приказал Михаилу Васильевичу обнажить ноги и, произнеся: «По данной мне от Господа благодати, первого тебя врачую!» — стал растирать маслом больному ноги. Затем старец обул Мантурова в чулки и, вынеся из своей кельи большую грудку сухарей**, высыпал ему всю грудку в фалды его сюртука и велел так идти в монастырь. Сперва Мантуров со страхом выслушал приказание старца, так как не владел ногами. Затем, когда, повинувшись ему, сделал усилие идти, почувствовал, что совершенно крепко стоит на ногах, несмотря на свою ношу.

В восторге исцеленный бросился в ноги своему исцелителю и стал, в пылких выражениях, благодарить его.

Но старец строго сказал ему, поднимая его:

— Разве Серафимово дело мертвить и жить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка? — Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает.

Потом, старец с ударением добавил:

— Господу Всемогущему и Пречистой Его Матери даждь благодарение!

* Так обыкновенно, чаще всего обращался отец Серафим к людям и при жизни своей, и в посмертных явлениях своих.

** Старец имел обычай раздавать посетителям сухарики из хлеба. В одной из келий старца, стоявших когда-то в лесу и теперь сохраняемых в Дивееве, в память старца доселе ведется этот обычай.

Мантуров совершенно здоровым вернулся домой, к себе в Нучу, и прожил там некоторое время, наслаждаясь здоровьем, как бы вторично родившись на свет. Уж он стал привыкать к своему здоровью и забывать о своем недуге, как ему захотелось ехать в Саров, повидать своего благодетеля, принять от него благословение.

Всю дорогу он размышлял о том, что Господь сотворил для него чрез старца и что, как сказал ему старец, ему предстоит возблагодарить за это Бога.

Мантуров был впечатлительный, пылкий человек, способный к глубокому, на всю жизнь охватывающему чувству, к прочным привязанностям, к безграничному доверию. Такими именно чувствами он безотчетно привязался к отцу Серафиму с первого же раза.

Когда Михаил Васильевич приехал в Саров и отправился к старцу, отец Серафим тотчас сказал ему:

— Радость моя! Ведь мы обещались поблагодарить Господа!

Эти слова старца были ответом на мысли, занимавшие Мантурова от самого дома; он удивился прозорливости старца и сказал:

— Не знаю, чем и как. А вы что прикажете?

Тогда отец Серафим сказал ему такое слово, которое разом должно было изменить всю жизнь Мантурова, в то время бывшего зажиточным, обеспеченным помещиком, вполне независимым человеком, уверенным в завтрашнем дне.

Уже одно это обращение к Мантурову показывает, как глубоко понимал отец Серафим людей, которых видел всего лишь один раз.

Радостно глядя Мантурову в глаза, старец произнес:

— Вот, радость моя: все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету.

Пораженный стоял Мантуров пред старцем. Жизнь, только что возвращенная ему, казалось, улыбалась ему, звала к себе, сулила ему счастье. И вместо этой привольной жизни... собственным решением принять на себя нищету, — о чем он никогда раньше и подумать не мог, — и все то унижительное, тоскливое, полное страданий, что влечет за собою нищета! А ведь он не был один. У него была жена и обязанности к ней.

С одной стороны, странное предложение старца казалось неисполнимым. А с другой, в разгоряченной голове Мантурова мелькнуло его недавнее прошлое, муки его болезни, его тогдашнее отчаяние, пред которым нищета, но с возвращенным ему здоровьем, могла казаться благом.

И он стоял пред старцем, колеблясь...

Что-то говорило ему:

«Смотри на этого человека. Он тоже все для Бога оставил, и какими дарами наградил его Бог! Сколько есть сокровищ духа, пред которыми ничто земные блага. И даются они лишь тем, кто сами все готовы отдать Богу. Торжествующие обители рая и предчувствие их на земле доступны лишь тем, кто доказал Богу всю безграничность своей любви, все стремление свое к свету, непреклонное желание идти по земле путем унижения и страдания, которые Спаситель освятил Своим примером»...

Вспомнилось ему, как некогда Христос призывал богатого юношу оставить все и идти за Ним и как не внял призыву юноша, и сколько потерял, променяв вечное великое блаженство на несколько лишних лет непрочного земного счастья. И влеклось сердце Мантурова к этому великому подвигу, и готов он был сказать «да» старцу, стоявшему пред ним, как светлому небожителю и воплощению всего, что выше земли и земной жизни, что правдиво, непреходяще, вечно... Но мысль о жене удерживала его.

— Оставь все, — сказал старец, знавший, по прозорливости своей, все течение его мыслей. — Господь тебя не оставит. Богат не будешь, хлеб же насущный всегда у тебя будет.

Тогда окончательный перелом произошел в душе Мантурова. Жизнь отречения была им избрана, и он воскликнул:

— Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать!

— Вот, радость моя, помолимся, — был ответ старца, — и тогда я укажу тебе, как вразумит меня Бог.

По слову отца Серафима, продал Михаил Васильевич Мантуров свое имение, крепостных людей отпустил на волю, деньги пока приберет; лишь на часть их купил 15 десятин земли в селе Дивееве. На сбереженный капитал впоследствии был построен Дивеевский храм.

Старец Серафим заповедовал Мантурову никому не продавать землю и завещать ее после себя Дивеевской общине.

Поселился Михаил Васильевич на этой земле со своей женой и стал жить в скудости.

Конечно, по злобе людской, по неспособности людей понимать те великие подвиги, то безусловное самоотречение, какое принял на себя Мантуров, — много пришлось ему выносить и осуждений, и насмешек. Но кротко, молча, смиренно переносил он все; всю свою жизнь, все свои поступки подчинил старцу, в любви к нему находя утешение от всех невзгод, которые принесло ему беспрекословное послушание этому человеку. И старец высоко ценил эту искренность к себе Михаила Васильевича.

Он стал приближенным к нему и довереннейшим человеком. Старец всегда называл его не иначе как «Мишенька» и через него вел все дела Дивеева.

Особенно много укоров пришлось вынести Михаилу Васильевичу от своей жены, тогда бывшей лютеранкою и отличавшейся раздражительным характером. Нужда доходила иногда до того, что нечем было осветить комнату, и вот что Мантурова, уже будучи вдовою и в тайном постриге, рассказывала о той поре их жизни. Однажды в томительный, длинный зимний вечер, сидя без огня, молодая женщина стала осуждать и мужа, и старца Серафима, и горько жаловаться на свою судьбу. Вдруг слышит она какой-то треск и не верит своим глазам: пустая, без масла, лампада оказалась полною масла и светилась белым огоньком.

Залилась тут Анна Михайловна слезами, стала мысленно просить прощения у отца Серафима, и с тех пор ропот ее прекратился.

Еще необыкновеннее был перелом, происшедший в жизни родной сестры Михаила Васильевича, Елены Васильевны.

Она была веселого, бойкого характера, любила светские забавы, наряды, шумную жизнь, многочисленное общество. В 1822 году 18-летняя девушка стала невестой очень любимого ею человека. Но совершенно неожиданно и без всяких причин она отказала жениху и признавалась брату: «Не могу понять, но почему-то он мне страшно опротивел!» Она вся отдалась светским увеселениям, и ее судьба очень тревожила ее родню.

Тут умер родной дед Мантуровых, отец их матери, состоятельный человек. Получив известие о его смертельной болезни, Елена Васильевна, чтобы не терять времени, не стала дожидать

брата и поехала к деду одна. Она не застала его в живых и, схоронив его, от нравственного потрясения заболела горячкою.

Оправившись, она пустилась в обратный путь. Ехала она в карете со своими людьми. Во время остановки на почтовой станции уездного города Княгинина она послала своих людей в почтовую комнату приготовить ей чай, а сама осталась дожидать в карете. Когда слуга пришел доложить ей, что все готово, он нашел свою госпожу в таком положении, что невольно вскрикнул и остолбенел.

Елена Васильевна стояла во весь рост, опрокинувшись назад, держась судорожно рукой за полуоткрытую дверцу кареты, недвижимая, бледная, с выражением панического ужаса на лице.

Люди, сбежавшиеся на крик лакея, бережно внесли ее в комнаты. Она не могла отвечать на вопросы, оставаясь в том же состоянии оцепенения. Сопровождавшая ее горничная, думая, что она умирает, стала громко спрашивать у нее, не позвать ли священника. При этих повторяемых вопросах Елена Васильевна начала приходить в себя и с радостной улыбкой прошептала: «Да, да!» Когда пришел священник, она уже могла словесно исповедоваться ему и приобщилась, но охвативший ее тогда ужас все еще не проходил, и она целый день не отпускала священника, держась за его рясу. Наконец, успокоившись, она продолжала свой путь. Вернувшись домой, она рассказала Михаилу Васильевичу и его жене о том, что с нею было.

Оставшись тогда у почтовой Княгининской станции одна в карете, она немного вздремнула. Потом, очнувшись, желая выйти наружу, отперла дверцу и поставила ногу на подножку. Тут она невольно почему-то взглянула кверху и увидала над головой страшного, безобразного черного змия, изрыгавшего на нее пламя. Он вился над нею, готовый ее поглотить, все ниже опускаясь к ней; она уже ощущала на себе его дыхание и не имела сил звать на помощь. Наконец, с величайшим напряжением, она закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж, идти в монастырь!»

И в то же мгновение страшный призрак взвился кверху и исчез...

После этого видения Елена Васильевна круто изменилась. Она полюбила церковь, стала думать о Боге, занялась духовным

чением. Опротивела ей мирская жизнь, и она стремилась в монастырь, чтобы исполнить свой обет.

Она отправилась в Саров к отцу Серафиму и открыла ему свое намерение поступить в монастырь. Но старец тогда не дал ей на это благословения. Вернувшись домой, много она плакала, молилась, просила у Бога вразумления. И все сильнее становилась ее жажда идти в монастырь. Еще несколько раз ездила она к Серафиму, и старец все еще отговаривал ее. Этим путем испытывал он искренность и глубину ее намерения, и постепенно готовил ее к жизни в той Дивеевской общине, которую он начал устраивать в 1825 году.

Наконец, обессиленная, истомленная ревностью своего желания и противодействием старца, она задумала обойтись без его благословения и поехала в Муром, в тамошний женский монастырь.

Там тотчас согласились принять ее, и она внесла деньги за келью. Она вернулась домой для окончательных сборов, но не могла победить желания еще раз повидать отца Серафима и отправилась к нему.

Великий старец вышел к ней навстречу и, хоть ни от кого не мог слышать о ее решении, строго сказал, что нет ей дороги в Муром и нет на то его благословения.

Увидя старца, с которым она думала навсегда проститься, чувствуя его святость, убедясь лишний раз в его прозорливости, поняла она, что не жить ей в Муроме, что нигде не сыскать ей такого отца и наставника.

По слову старца, она оставила в пользу Муромского монастыря внесенные ею деньги и вернулась домой, где уже три года жила, почти не выходя из своей кельи, в постоянной молитве.

Прошло полгода, и опять стояла она пред старцем, опять просила благословить ее на монашество. Пришло время приступить ей к подвигу, и великий старец сказал ей: «Если, радость моя, тебе этого так уж хочется: то есть отсюда в 12 верстах маленькая община Агафьи Семеновны Мельгуновой*. Погости там и испытай себя!»

Это было в 1825 году, когда Елене Васильевне шел 21-й год.

* Отец Серафим никогда не ходил сам в Дивеево.

В Дивееве Елена Васильевна, за недостатком места, поселилась в тесном чуланчике, пристроенном к одной келье. Крыльцо этой кельи выходило на Дивеевскую церковь, и часто видали, как подолгу сидела на крыльце Елена Васильевна, уходя в глубокие думы, созерцая красоту неба и природы, радуясь близости храма и тихо шепча всегда бывшую на устах ее молитву Иисусову*.

Через месяц после поселения Елены Васильевны в Дивеево за нею послал** отец Серафим и стал говорить ей, что пришло время обручиться ей с женихом.

Зарыдала Елена Васильевна, слыша опять прежние речи, но старец успокоил ее:

— Ты все еще не понимаешь! Время тебе в черную одежду одеться — вот какой жених-то, радость моя, у тебя будет!

Долго говорил в этот раз старец с Еленой Васильевной, велел ей в виде послушания постоянно читать акафист, псалтирь, псалмы и правила с утренею, а днем пряхать, чему она должна была еще научиться. Еще заповедовал ей старец, сколько возможно, проводить время в молчании, отвечая лишь на самые нужные вопросы. Велел всегда быть в занятии, строже поститься. От пробуждения до обеда велел ей старец творить молитву Иисусову, а от обеда до сна молитву: «Пресвятая Богородица, спаси нас!». «Вечером, — говорил ей старец, — выйди во двор и молись сто раз Иисусу, сто раз Владычице, и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто не видал. И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся. Так молитвою, вечно неразлучною молитвою, и приговаривайся ко встрече с Ним».

Ликующая возвратилась Елена Васильевна в Дивеево, надела монашеское платье и стала исполнять наставления отца Серафима.

* Иисусову молитву составляют слова: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного (или грешную). Эту молитву отец Серафим настоятельно советовал приходившим к нему читать неопустительно, постоянно, в одиночестве и в обществе, при занятиях, в пути и дома.

** Серафимо-Дивеевский женский монастырь, самый многочисленный из женских монастырей в России, возник из кружка благочестивых женщин, собранных великой подвижницей, родовитой помещицей Агафией Семеновной Мельгуновой, которая, продав все свое имение, употребила его на построение и украшение храмов и на дела милосердия, проводя жизнь в селе Дивеево.

Так как в келье ее было беспокойно, старец благословил ее брата поставить ей особую маленькую келью, и она перешла в нее вместе со своей дворовой девушкой, весьма ей преданной и не хотевшей расстаться с госпожой по ее уходе из мира. Служанка эта и умерла в Дивееве, раньше своей барышни.

Когда отец Серафим устроил в Дивееве мельницу и перевел к ней семь девушек (он хотел, чтобы девушки-инокини жили отдельно от вдовых женщин), он назначил им начальницей Елену Васильевну.

— Всегда и во всем слушала вас, батюшка, — отвечала Елена Васильевна, когда старец выразил ей свою волю, — но этого не могу. Лучше прикажите, чтобы умерла сейчас у ваших ног, но начальницей быть не желаю.

Она оставалась жить в той же келье и, хотя отец Серафим приказывал сестрам мельничным обращаться к ней, она до самой смерти своей отрекалась от начальствования.

Елене Васильевне старец открывал будущее Дивеева.

Он говорил, что не было примера, чтобы были женские лавры, а что в Дивееве будет лавра, что выстроится большой собор; старец рассказывал, как впоследствии расположатся в Дивееве постройки, и даже набросал собственноручно план, хранящийся доселе в рамке у Дивеевской игумении Марии. План этот старец набрасывал в своей Саровской келье, стоя на коленях, на обрубке, служившем ему столом, причем ему помогал Михаил Васильевич Мантуров.

В тех хлопотах о Дивеевской общине, которые отец Серафим возлагал на верного послушника своего, Михаила Васильевича Мантурова, ему приходилось переносить немало неприятностей.

Село Дивеево принадлежало зараз многим владельцам. Одна из них, графиня Толстая, проездом в свои обширные имения посетила Дивеевскую общину, видела добрую жизнь сестер, и, желая выразить этому делу свое сочувствие, подарила обители небольшую полосу земли, прилегавшую к общине.

Управляющий графини, очень недовольный этим распоряжением, возбудил против общины зятя графини, знаменитого московского генерал-губернатора графа Закревского. В бытность свою в тех местах граф потребовал к себе в контору стоявшую во главе общины сестру Ксению Михайловну, и невыразимо грубо

оскорбил и ее, и обитель, называя это место скопищем гулящих девок, так что от тяжести обиды Ксения Михайловна тут же упала замертво.

Михаил Васильевич Мантуров рассказал все в глубоком негодовании отцу Серафиму.

Старец приказал ему объяснить кротко и вежливо Закревскому, что он заблуждается насчет Дивеевской общины и что он без всякого повода оскорбил почтенную старицу, и затем низко поклониться графу, благодаря его за пожертвование общине его тещею земли.

Как ни было это трудно горячему, пылкому, бесстрашному Мантурову, он в точности исполнил это приказание. Когда Закревский выходил из церкви, Мантуров при всем народе громко объяснил ему неуместность его поступка, и, когда Закревский, взбешенный, стал осыпать его грубыми ругательствами, Михаил Васильевич, подавив в себе острое чувство обиды, низко поклонился ему и благодарил за добро, оказанное общине.

Возвратясь в Москву, Закревский поднял шум, требовал, чтобы относительно общины произведено было дознание, и было назначено два следствия духовных и светских властей. И с этой поры, можно считать, община, формально еще не утвержденная, получила официальную известность.

Основание мельницы Дивеевской, при которой старец поселил сестер-девушек, тоже произошло чрез Михаила Васильевича. Старец позвал его как-то к себе, поклонился ему в ноги и просил идти в Дивеево и там от середины алтаря Казанской церкви отсчитать определенное количество шагов.

— Тут будет межа, — сказал батюшка. — Еще чрез столько-то шагов будет луговина, посредине ее вбей колышек.

Хотя старец сам никогда не посещал Дивеева, все указанные им расстояния оказались до точности верны. Когда Мантуров, исполнив поручение, вернулся к отцу Серафиму, старец опять поклонился ему в ноги и был очень радостен. Через год он послал Михаила Васильевича вокруг этого колышка вбить еще четыре других и насыпать горку камней. На этом месте чрез два года и была заложена мельница.

Вскоре после окончания постройки мельницы отец Серафим задумал выстроить для общины особую церковь. Он находил

неудобным постоянное соприкосновение мельничных инокинь-девушек с мирянами в церкви и задумал к паперти сельской Казанской Дивеевской церкви пристроить особую церковь так, чтобы и оградой разделить входы в оба храма. Так оно существует и доселе. Спереди выстроенная Дивеевской первоначальницей, Агафией Симеоновной Мельгуновой, Казанская церковь села Дивеева, со входами с боков, а сзади, в связи с этою церковью, двухэтажный храм Дивеевского монастыря. От середины общего здания, перпендикулярно к нему, идет в обе стороны ограда, так что самые входы в оба храма совершенно разъединены.

Призвав к себе Михаила Васильевича, старец объяснил ему свое намерение, высказал мысль, что паперть Казанского храма достойна стать алтарем, так как матушка Агафия Симеоновна, стоя на молитве, всю ее токами слез своих омыла; наконец, просил Михаила Васильевича употребить имевшийся у него от продажи имения капитал на построение этого храма.

Значит, пришло время, чтоб чистая, великая жертва Михаила Васильевича нашла себе столь достойную цель, и церковь эта, выстроенная на достояние человека, обнищавшего ради этого дела, имела особое значение.

Мантуров стал хлопотать о разрешении строить церковь и начал готовить материал для постройки.

Не раз другие лица прежде еще предлагали выстроить храм для Дивеевских сестер. Но старец отклонял эти предложения. Он говорил раз одной инокине: «Не всякие деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери и не всякие деньги попадают в мою обитель. Другие-то и рады бы дать, да не всякие деньги примет Царица Небесная: бывают деньги обид, слез и крови; нам такие деньги не нужны».

В 1829 году церковь, воздвигнутая в связи с колокольной Казанского храма, была готова; отец Серафим торопился с освящением ее, и он решился освятить церковь без иконостаса, даже без входа; из села Лемети привезли два местных образа; там, где нужно быть входу, поставили лесенку, и храм был освящен во имя Рождества Христова. Желая, чтобы в этом храме почтена была и Богоматерь, отец Серафим пожелал устроить придел и во имя Богоматери. Для этого под церковью подкопана земля, и внизу устроен полутемный храм во имя Рождества Богоматери.

Низкие своды потолка поддерживаются четырьмя столбами, и отец Серафим говорил, что эти четыре столба знаменуют четверо мощей Дивеевских подвижниц, которые впоследствии откроются в Дивееве. Когда нижняя церковь эта в 1830 году была готова, отец Серафим посылал хлопотать в Нижний пред архиереем о разрешении освятить ее — Елену Васильевну Мантурову.

Елена Васильевна продолжала подвижническую жизнь свою, тщательно скрывая свои подвиги. Она очень любила помогать бедным и творила добро в тайне. Дивеевские сестры были бедны и во всем нуждались, и частенько в церкви или где-нибудь на воздухе Елена Васильевна передавала им что-нибудь, как бы от чужого имени.

Питалась она лишь печеным картофелем и лепешками. То и другое висело в мешочках на крыльце ее келии. Сколько его ни пекли ей, все ей не хватало. Пекарша даже ворчала на нее, а она винилась в жадности. Между тем и это она раздавала щедро другим сестрам.

По освящении новых храмов старец дал Елене Васильевне два послушания: быть ризницею и церковницею. Она была пострижена в рясофор, и под камилавку отец Серафим надел ей шапочку, сшитую из его поручней.

Давая заповедь о том, как соблюдать порядок в церкви, старец так высказался о важности послушания церковного:

«Нет выше послушания, как послушание в церкви. Все, что ни творите в ней, как входите и выходите, — все должно творить со страхом и трепетом и непрестанною молитвою, и никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говорить в ней. Что краше, превыше церкви? Где же возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где сам Владыко Господь наш с нами всегда сопresentsует?!»

И Елена Васильевна глубоко проникнулась наставлениями старца. Она подолгу оставалась в церкви. Так как сестер грамотных было мало, то ей приходилось иногда часов по шести сряду читать псалтирь. Когда она оставалась в церкви ночью одна, ее искушали страшные привидения, так что она падала без чувств. Старец запретил ей тогда бывать в церкви ночью одной.

Из послушания к отцу Серафиму, Мантурову пришлось на некоторое время уехать из Дивеева.

Перед польским походом один богатый генерал, Куприянов, приехав за благословением к отцу Серафиму, стал просить, чтоб батюшка на время похода позволил Мантурову заняться его обширными поместьями. Это был случай для Мантурова заработать деньги. Старец же смотрел на это так: «Поезжай, батюшка, человек он ратный, а мужички бедные, брошены, в раскол совращены: вот, ты ими и займись. Обходись с ними кротко: они тебя полюбят, послушают, исправятся и возвратятся ко Христу».

Мантуров отправился. Он нашел крестьян разоренными дурным управлением, невежественными, грубыми, недоброжелательными и вовлеченными в раскол. Действуя, как предписал ему старец, мягко, заботясь о них, входя в их нужды, Михаил Васильевич приобрел их доверие; крестьяне стали сами постоянно обращаться к нему, стали богатеть.

Места были там болотистые, и в то время свирепствовали заразные лихорадки. Не избавился от них и Михаил Васильевич. Уведомляя сестру о болезни, он просил узнать у старца средство, как вылечиться. Старец отвечал ему через Елену Васильевну, что советует никогда не лечиться у докторов, не прибегать к лекарствам, а на сей раз велел есть мякоть теплого пропеченного хлеба. Выздоровев, Мантуров стал то же давать крестьянам, которые тоже выздоравливали и, под впечатлением этих необыкновенных происшествий, стали возвращаться в православную церковь.

Построив, с помощью Мантурова, Рождественский храм, отец Серафим пожелал раньше смерти своей приготовить землю для собора Дивеевского, о красоте и величии которого он предсказывал первоначальным сестрам Дивеевским и который действительно, сколько раньше ни слышал о нем, изумляет, поражает душу всякого, видящего его в первый раз.

Дивеевская община вся была окружена как бы лоскутьями чресполосного владения многих помещиков. Вот к одному из них, Жданову, которому принадлежала земля, назначавшаяся под собор, отец Серафим и послал Елену Васильевну, вручив ей на покупку триста рублей.

При этом старец объяснил ей: «Когда святой царь Давид восхотел соорудить храм на горе Мориа, то гумно Орны не принял задаром, а заплатил цену. И теперь Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою. Я бы мог выпросить землю. Но Ей не угодно!»

Елена Васильевна поехала в Темников, где жил г. Жданов, и передала ему желание старца.

— Как, — воскликнул Жданов, искренно чтивший великого старца, — вы шутите, вероятно. Неужели вы думаете, что я стану продавать дивному Серафиму этот малый клочок земли, принадлежащий единственно мне! Берите его даром.

Когда же Елена Васильевна объяснила, почему отец Серафим не желает дара, Жданов, хотя с крайней неохотою, принял деньги и совершил на землю купчую крепость.

Деньги отца Серафима оказались счастливыми. До того Жданов, отец многочисленной семьи, сильно бедствовал вследствие крайней запутанности дел. Получив насильно от Елены Васильевны триста рублей, он приобрел внезапную удачу в делах: все дети его хорошо устроились, все дела распутались.

Когда Елена Васильевна вернулась из Темникова и вручила старцу купчую на землю, он пришел в восторг и стал восклицать: «Вот радость-то, матушка, какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!»

Старец оставил купчую крепость на хранение у Елены Васильевны, а в случае смерти ее заповедал передать ее Михаилу Васильевичу и беречь ее пуще ока.

Будучи руководителем брата и сестры Мантуровых в великом их подвиге, старец Серафим имел возможность помолиться еще на земле о упокоении души избранной послушницы своей. И ей, пред кончиной ее, как некогда при первом ее знакомстве со старцем, дано было явить изумительный пример покорности слову старца и безграничной веры в него.

Елена Васильевна скончалась за семь месяцев до кончины дивного своего учителя и наставника.

Видя, как постепенно старец слабеет, предчувствуя, что дни его сочтены, она, еще полная жизни и сил, стала говорить:

— Скоро останемся мы без батюшки. Навещайте его как можно чаще; не долго ему быть среди нас. Я уже не могу жить без

него и не спасусь. Как ему угодно: я его не переживу, пусть меня раньше отзовут.

Эту мысль высказала она раз и самому старцу.

— Радость моя, — ответил ей отец Серафим, — а ведь служанка твоя раньше тебя войдет в Царствие, а скоро и ты за нею.

Действительно, крепостная девушка ее, Устинья, до того при-
вязанная к своей госпоже, что за нею вступила в Дивеев, заболела чахоткой. Ее мучила мысль, что она, больная, бесполезная, занимает лишнее место в тесной келье Елены Васильевны, и все просилась уйти в другую келью. Но Елена Васильевна уложила ее на лучшее место и сама до конца ей служила.

Пред смертью Устинье был сон: видела она чудный сад, с необыкновенными плодами, и кто-то ей сказал: «Этот сад общий, твой с Еленой Васильевной, и вскоре за тобой она придет в этот сад!»

Выше было сказано, как Михаил Васильевич заболел злокачественной лихорадкой и как старец исцелил его.

Немного спустя он послал за Еленой Васильевной, которая пришла к нему в сопровождении послушницы Ксении.

— Радость моя, — сказал ей старец, — ты меня всегда слушала. Можешь ли и теперь исполнить одно послушание, которое я хочу тебе дать?

— Я всегда слушала вас, батюшка, — отвечала она, — слушаю вас и теперь.

— Вот видишь ли, — стал тогда говорить старец, — пришло Михаилу Васильевичу время умереть, он болен, и ему нужно умереть. А он нужен для обители, для сирот Дивеевских. Так вот, и послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича.

— Благословите, батюшка!..

Таков был покорный ответ великой послушницы старца.

Много беседовал с ней в тот раз старец, успокаивая ее и говоря ей о сладости смерти, о безграничном счастье будущей жизни.

— Батюшка, я боюсь смерти, — сказала вдруг Елена Васильевна.

— Радость моя, — ответил ей старец, — что нам с тобой бояться смерти. Для нас с тобой будет лишь вечная радость.

Простилась Елена Васильевна со старцем, стала выходить из кельи, но на пороге упала на руки подхватившей ее послушницы Ксении.

Старец велел положить ее в своих сенях на приготовленный им для себя гроб, вспырынул ее святой водой, дал ей испить, и тем привел ее в чувство. Вернулась она домой и, больная, слегла в постель, говоря: «Теперь я уже более не встану!»

Болезнь ее была непродолжительна, всего несколько дней.

Она оособоровалась и несколько раз приобщалась. Духовник ее предлагал написать ее брату, Михаилу Васильевичу, с которым она жила душа в душу. Но она ответила: «Нет, батюшка, не надо. Мне будет жаль его, и это помутит мою душу, которая не столь чисто уже явится к престолу Божию».

В последние дни ее жизни дивные видения открывались духовному взору подвижницы. Однажды она радостно воскликнула, точно видя перед собою воочию Владычицу мира: «Святая игумения! Матушка, обитель нашу не оставь!»

Исповедуясь последний раз духовнику, она открыла ему, что видела райские обители. Величественная Царица невыразимой красоты сказала ей: «Следуй за Мною!» — и повела ее в сияющие чертоги...

Когда перед самым концом ее преданная послушница Ксения решилась спросить ее, видела ли она среди явленных ей откровений Самого Господа, она сперва тихим голосом запела: «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чини ангельстии взирати», но потом, когда та продолжала умолять свою госпожу открыть ей эту тайну, Елена Васильевна, вся просветлев, с восторженным, чудным выражением в лице, отвечала: «Видела, как неизреченный огонь. А Царицу и ангелов видела просто».

Елена Васильевна велела еще живую «собрать» себя для гроба — одеть и оправить, говоря, что иначе, когда она умрет, в этом помешают.

Тих и мирен был последний вздох подвижницы, и чистая душа ее, освобожденная от уз тела, ликуя понеслась в небесную отчизну.

Совершилось это 28 мая 1832 года, накануне Троицына дня, после семилетнего пребывания Елены Васильевны в Дивееве. Она жила на земле 27 лет.

Внешность великой подвижницы была чрезвычайно привлекательна: высокого роста, с круглым красивым лицом, с черными

волосами, которые она заплетала в косу, черными глазами, сверкавшими умом и волей.

Правду говорила Елена Васильевна, предупреждая, что, если ее не приготовят во гроб раньше, не оповещая о ее смерти, то сестры помешают убрать ее. Только что было это исполнено, как дивеевские сестры, среди которых она пользовалась общим горячим расположением, узнав о ее конце, с воплями наводнили ее маленькую, тесную келию, так что трудно было класть ее во гроб. Гроб за три дня до того был прислан отцом Серафимом — выдолбленный из целого дуба. Вскоре, при звоне к вечерне, ее вынесли в церковь.

Она лежала в рубашечке отца Серафима, в платке и монашеской ряске, в руках ее были четки. Прямо на волосы под платком была надета та шапочка, которую великий старец надел на нее после пострижения и которая была сшита из его поручей.

Дивный Серафим провидел время кончины своей ученицы. Сестер Дивеевских, бывших в ту пору в Сарове, он поспешно посылал домой, говоря им: «Скорее, скорее грядите в обитель. Там великая госпожа ваша отошла ко Господу».

Именем «великая госпожа ваша» отец Серафим в беседах с дивеевскими часто называл Елену Васильевну. Замечательно, что, несмотря на отказ ее от настоятельства — единственно, в чем она до конца противоречила старцу, — отец Серафим считал ее начальницей дивеевской, и в этом определении его было что-то таинственное.

В самый праздник Пресвятой Троицы Елену Васильевну отпевали. Воочию всего народа, во время Херувимской песни, Елена Васильевна в своем гробе три раза улыбнулась как живая.

С правой стороны Казанской церкви покоится первоначальница Дивеевская, Агафия Симеоновна Мельгунова, пред памятью которой благоговел отец Серафим и которую называл «великая жена». Около нее приготовили могилу и для Елены Васильевны.

Передают, что не раз на этом месте хотели хоронить мирян, но всякий раз, как начинали готовить могилу, ее заливало водою. Теперь же могила была суха.

На третий день по кончине Елены Васильевны преданная ей послушница Ксения пришла в Саров, к отцу Серафиму, вся расстроенная и в слезах.

— Что ты плачешь? — сказал ей великий старец. — Радоваться надо! Сюда придешь на сороковой день. А теперь поди в Дивеево: непременно надо, чтобы сорок дней обедня была. Хоть в ногах у священника валяйся.

Ксения ушла в слезах в Дивеев, а сосед по келье отца Серафима видел, как он долго ходил в сильном волнении, говоря сам с собой: «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела! Как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились». На сороковой день, утешая плачущую Ксению, отец Серафим говорил о том, что она угодила Господу, и предсказал, между прочим, что со временем мощи Елены Васильевны будут открыто почивать в Дивееве.

В Дивеевском монастыре хранятся иконы Елены Васильевны: родительское ей благословение — Елецкая икона Богоматери, икона Успения в фольге и икона Спасителя, несущего крест, сработана разноцветным бисером по воску руками Елены Васильевны.

Закончился жизненный великий подвиг избраницы Божией. Созданная для мира и утех его, но рано поняв, что лишь область Божества удовлетворит ту жажду высокого, абсолютного, вечного, что была в душе ее, — с беззаветною искренностью отвергнув все земное, пошла Елена Васильевна по пути, освященному Христом, — по пути самоотречения. Уверовав в святость духовного наставника своего, она принимала всякое слово его как бы из уст Божиих и была послушна ему, «даже до смерти».

С глубоким душевным волнением, поминая эту озаренную столь ярким убеждением, полную одного порыва к Богу, жизнь, — станем просить праведницу, чтоб и нам помогла она не забывать о том небе, которое теперь стало ее неотъемлемым уделом и которое приобретается лишь горячей верой и неослабным подвигом!..

Во время кончины сестры Михаил Васильевич Мантуров находился в Симбирских поместьях генерала Куприянова. Там же был он и во время блаженной кончины старца Серафима, следовавшей через полгода, 2 января 1833 года.

Тяжело было Михаилу Васильевичу зараз лишиться столь дорогих для него людей. И сестра могла оказывать ему нравственную поддержку в несении нищеты; легкою казалась ему бедность

при жизни великого старца, который побудил его к такому самоотречению и в котором он всегда находил отраду и утешение, — теперь приходилось терпеть одному.

Страшные испытания начались для Михаила Васильевича тотчас по кончине старца.

Один из послушников Саровских, Иван Тихонов, замыслил распоряжаться делами Дивеевскими. Желая действовать по-своему, он решил устранить от Дивеева лиц, которым старец сообщил свои намерения и решения по устройству общины. Довольно долго распоряжался Иван Тихонов делами Дивеева, пока после великих смут и раздоров, там возбужденных, не был устранен от Дивеева высшею церковною властью. Его сторонницы, выйдя из Дивеева, основали в нескольких десятках верст Серафимо-Понетаевскую обитель, тоже достигшую теперь полного процветания.

От этого Ивана Тихонова и пришлось Михаилу Васильевичу вынести тяжкое гонение.

По окончании польского похода генерал Куприянов приехал в Саров на поклонение могиле отца Серафима.

Много распространяясь о своей чрезвычайной привязанности к отцу Серафиму, чем и привлекал к себе почитателей старца, Иван Тихонов сумел войти в доверие генерала. Выставляя, что ему, Тихонову, поручено старцем заботы о Дивееве, Тихонов оклеветал пред генералом Мантурова как корыстного человека и просил содействия генерала, чтобы вынудить у Мантурова уступку теперь же в пользу общины 15 десятин земли при селе Дивееве, приобретенных им тогда покупкой.

А о земле этой отец Серафим дал заповедь Мантурову — хранить ее как зеницу ока и лишь по смерти завещать ее Дивееву.

Приехал к себе Куприянов, стал уговаривать передать землю общине или продать. Мантуров, помня приказание старца, отказался наотрез.

— Да знаешь ли, — закричал тогда на него генерал, — что так же просто, как выпить стакан воды, я выпью всю твою кровь за твое упрямство.

— Хоть убейте меня, — спокойно отвечал Михаил Васильевич, — а я также просто не отдам ни за что моей земли, кото-

рую старец приказал мне хранить и не уступать никому до моей смерти.

Раздражила генерала стойкость Мантурова, и он с позором выгнал от себя преданнейшего ученика старца Серафима. Придравшись к чему-то, он даже велел удержать его платье, спальные подушки его жены и не выдал ему заслуженного им жалованья.

Нищим, в полном смысле слова, вышел Мантуров от неблагодарного богача, которому столько сделал добра, устроив его имения.

С женою своей Анной Михайловной он пошел пешком в Дивеево, где указал жить ему старец и откуда вышел он лишь из послушания старцу. Они шли на Москву, кое-как кормясь. Но в Москве они остались без гроша, без возможности купить хоть кусок хлеба.

Анна Михайловна была в полном истощении от усталости и от голода, и невольно роптала. В таком безвыходном положении, не ища помощи от людей, Михаил Васильевич надеялся лишь на помощь Царицы Небесной. Подолгу стоял он в знаменитой московской часовне Иверской, полной с утра до вечера народом, и пред Чудотворной Иверской иконой просил Богоматерь не дать умереть ему с женой с голоду.

Возвращаясь домой, он задел за что-то ногой. Нагнувшись, он увидал на земле 60 копеек. Сперва он подождал, не явится ли владелец этих денег. Но так как никто их не спрашивал, Мантуров, с верою, что эту помощь посылает ему Владычица, взял деньги и понес их домой, где на них накормил жену.

Этот случай повторился несколько раз, и тем Мантуровы поддерживали свое существование. Как-то раз один совершенно неизвестный Мантурову человек подошел к нему и, не глядя на него, сунул ему в руки бумажку и быстро скрылся. Бумажка эта была денежная. В великой радости вернулся Мантуров к жене, и, поблагодарив Бога, они решились продолжать путь в Дивеево. Много видели еще они в этом пути чудесной помощи, и, наконец, дошли до места. Благоговейный почитатель отца Серафима, Дивеевский священник отец Василий Садовский, отдал Михаилу Васильевичу свои последние 75 рублей ассигнациями, сбереженные им про черный день; на эти деньги Мантуров поставил себе

на своей земле маленький сруб и стал жить в нем с Анной Михайловной в скудости, кормясь своим трудом.

Анна Михайловна к тому времени во многом изменилась и была уже далеко не такова, как в те дни, когда жестоко роптала на старца и порицала мужа. Убеждение в святости старца давало ей силы терпеть. Убеждение это создалось в ней опытом. Между прочим, никогда не могла она забыть, как батюшка научил ее славянской грамоте. Почти всякий раз, как она видала старца, старец говорил ей: «Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!» И, сколько ни говорила она, что не умеет читать по-славянски, — старец все повторял свое. Наконец, взяла Анна Михайловна в руки житие преподобной Матроны и, хотя никогда не читала по-славянски, стала читать. Даже там, где были титла, сама догадывалась, как надо произносить, так что вскоре уже бегло могла читать церковнославянские книги.

«Люди злы»: вот печальная истина, в которой Михаилу Васильевичу пришлось убедиться за два последние десятилетия своей жизни.

Грустно было ему видеть, что многое в Дивееве делается не по духу старца Серафима. Но Мантуров хорошо понимал, что где же ему, нищему, выгнанному с позором с места управляющему, противостоять Ивану Тихонову, заручившемуся покровительством многих сильных лиц. При встречах с ним Мантуров старался объяснить ему неправильность его поступков, но напрасно, и за ревность свою о деле Серафимовом Мантуров видел одне неприятности и клеветы. Пришлось ему перенести и новую беду: его домик сгорел. С помощью добрых людей он на своей земле поставил себе другой, в котором и прожил до смерти.

Когда в 1848 году стали выбирать место для закладки большого Дивеевского собора, Михаилу Васильевичу пришлось вынести упорную борьбу с Иваном Тихоновым, отстаивая перед нижегородским преосвященным то место, которое великий старец, через сестру его Елену Васильевну, приобрел под собор за триста рублей у Жданова, тогда как Иван Тихонов употреблял все усилия, чтоб заложить собор на другом месте. Четыре места предлагал Тихонов, и все они по очереди должны были быть

отвергнуты, так что лица, знавшие волю старца, с верой говорили:

— Ну, посмотрим, как отец Серафим доведет собор до своего места.

Когда наконец стечением разных обстоятельств находившийся в то время в Дивееве нижегородский преосвященный Иаков, убедившийся в правоте слов Мантурова, спросил: «А как же в одне сутки (закладка была назначена на другой день) успеют вырыть канавы для фундамента?» — столпившийся вокруг народ отвечал: «Нас здесь собралась не одна тысяча: пособим!» — и под руководством Мантурова, который и на этот раз со свойственной ему пылкостью отстаивал старцеву волю, работа закипела.

Лишь несколько лет прожил Михаил Васильевич после этой борьбы.

За несколько дней до смерти видел он во сне старца Серафима. Старец дал ему в руки хлеб, говоря: «Хлебец этот тебе. Кушай, сколько угодно, а остальное раздай тем, кто нас знает». Затем старец сказал: «Жди меня, я за тобой приду скоро; благовестят, ступай к обедне, мы там вместе помолимся!» А Анне Михайловне старец, в предсказании ее вдовства, сказал: «А ты, матушка, походи здесь еще одна!» Помолясь с Мантуровым на клиросе церкви, старец сказал ему: «Потерпим еще, батюшка, потерпим еще немного!» — и тут сон кончился.

7 июля 1858 года, накануне праздника Казанской иконы, Мантуров заказал обедню в построенной им Рождественской церкви и приобщился; после обедни он стал повторять церковнице некоторые распоряжения отца Серафима относительно этой церкви, что удивило сестер. Вернувшись домой и напившись чая, Михаил Васильевич прошел в сад и, почувствовав сильную усталость, присел на скамейку, и тут же безболезненно предал Богу свою чистую, праведную душу.

С виду Мантуров был очень приятен: у него, как и у сестры его, было открытое, круглое лицо. Нрав его был веселый, простой. Он был чрезвычайно добр и безгранично искренен.

О том, какое впечатление он производил на светских людей, можно судить из письма пензенского помещика, сына знаменитого

военного историографа генерала Михайловского-Данилевского, семья которого издавна имела отношение к Дивееву.

«Михаил Васильевич скончался, — пишет он. — Два или три раза видел я его, но беседа с ним была мне очень впечатлительна. Нельзя ли собрать какие-нибудь хоть краткие, но верные сведения о его жизни: о подвиге бедности Бога ради, о излечении его отцом Серафимом и, наконец, о его блаженной кончине? Я напечатал бы эти сведения в одном из журналов. Право, оно было бы: во 1-х, полезно для ближних, ибо, может, кто из читателей, прочтя о простоте жизни его, и опомнился бы, и во 2-х, главное, было бы многопорочному и греховному миру напоминанием, что есть люди, пренебрегшие благами мира, и что все-таки свет их не забыл».

Пишущему эти строки приходилось посещать Дивеев.

Не в дальнем расстоянии от могил Дивеевской первоначальницы Агафии Симеоновны Мельгуновой и Елены Васильевны Мантуровой лежит, с левой стороны Рождественской церкви, Михаил Васильевич. Простая деревянная доска с крестом из черного дуба покрывает его могилу; на стене церкви против могилы прибита икона его ангела Михаила Архистратига.

Так покоится он у храма, созданного ценою его самоотвержения, его покорности старцу и великой его жертвы.

И сколько дум, когда видишь эти две могилы сестры и брата, теснится в голове! Лишив себя радостей жизни, с верою, что воздаст им Господь в вечном Царстве, не ликуют ли они теперь оба вместе с дивным учителем своим, призывая и нас к той же жизни духа, к той же силе и исключительности веры!

Под духовным руководством отца Серафима находилась крестьянская семья Мелюковых, из деревни Погибловой Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Семью эту составляли: брат Иван Семенович и две сестры, Прасковья и Марья Семеновны.

Старшая из них жила в Дивеевской общине, а младшая, Мария, в ноябре 1823 года «увязалась» за сестрой из деревни в Дивеев.

Когда 13-летняя Мария увидала отца Серафима, старец различил в ней будущую великую подвижницу и велел ей остаться в Дивееве.

Это была избранная душа, ангелоподобная видом, несравнимая ни с кем своими свойствами.

Высокая ростом, она имела прекрасное продолговатое лицо, дышавшее свежестью, голубые глаза, светло-русые брови и густые светло-русые волосы.

Поступив в Дивеево, откровица Божия сразу приступила к столь великим подвигам, что превосходила строгостью жизни опытных сестер. Молитва никогда не прекращалась в ней, и только на самые необходимые вопросы она отвечала с небесною кротостью. Вне этого она не вела никогда разговоров.

Старец особенно заботливо относился к ней, в ее молодых годах почитал в ней созревшую для Царствия Божия душу. Насколько повиновалась она всякому слову старца, видно из следующего. Раз ее родная сестра спросила ее о каком-то Саровском монахе, и она удивленно сказала ей:

— А какие видом-то монахи, Параша, бывают: похожи ли на батюшку?

Сестра ответила:

— Ведь ты бываешь в Сарове часто; как же ты не видала монахов, что спрашиваешь?

— Нет, Параша, — кротко отвечала Мария, — ведь я ничего не вижу и не знаю. Батюшка Серафим приказывал мне никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтоб только видеть у себя под ногами дорогу.

Отец Серафим посвящал ее во многое: говорил ей о будущей славе Дивеевской обители, открывал ей духовные великие тайны, прося ее никому о том не рассказывать. И свято хранила она это приказание, как ни упрашивали ее передать, что слыхала она от старца.

Иван Мелюков, брат Прасковьи и Марии, был близок к старцу, ходил часто в Саров и впоследствии кончил там жизнь иноком, а три дочери его были потом в Дивееве.

Дочь его Елена с пяти лет взята была в Дивеево своей теткою Прасковьею. Когда тетка брала ее с собою в Саров, отец Серафим ласкал ребенка и пророчески называл ее «великая госпожа», говоря, что она будет благодетельницей Дивеева. Он даже приказывал иногда сестрам благодарить девочку за ее будущие благодеяния обители.

Она впоследствии, после кончины старца, вышла замуж за горячего и преданнейшего почитателя старца, неоцененного Николая Александровича Мотовилова, и, ставши барынею, не утратила ни привязанности к Дивееву, ни благоговения к памяти старца. Вместе с мужем она благодарила обители, а по смерти его доживает теперь в Дивееве, столь близком ей, свои дни. В обители хранится память о предсказаниях, которые отец Серафим делал ее отцу, Ивану Мелюкову, о судьбе Дивеева. Так, он слышал от отца Серафима такие слова: «Если кто моих сирот девушек обидит (отец Серафим называл всегда Дивеевских сестер “сиротами”), тот великое получит от Господа наказание. А кто заступится за них и в нужде защитит и поможет, — изольется на того свыше великая милость Божия. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит».

Вот, что еще говорил Ивану Мелюкову старец: «Счастливы всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеев».

По кончине Марии Семеновны старец говорил, что в Царствии Небесном она будет стоять во главе отошедших Дивеевских инокинь.

Марья Семеновна присутствовала при одном необыкновенном молении отца Серафима о Дивееве. Войдя с двумя Дивеевскими инокинями, одной из которых была Мария, в хижину «дальней пустыньки»*, отец Серафим дал им в руки по зажженной свече, велел стать им по обе стороны Распятия, висевшего там у него на стене, а сам, став перед Распятием, долго, долго молился, велел молиться и им. Конечно, эта молитва во мнении старца имела особое значение.

Кое-что из слышанного от старца Мария Семеновна, с позволения старца, который провидел ее раннюю кончину, передавала другим сестрам. Так, слышала она от старца, что Казанская Дивеевская церковь станет монастырскою, что великая участь ожидает Дивеевскую обитель, что впоследствии Дивеев будет единственная лавра в России.

* Дальней пустынькой называется то место в Саровском лесу, в нескольких верстах от Сарова, где отец Серафим проходил подвиг пустынножительства.

Еще передавала она слова великого старца: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это вам не полезно. В последнее время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец».

* * *

Всего шесть лет подвизалась Мария в Дивееве.

К сожалению, мало сведений сохранилось о подробностях ее жизни в обители. Главным образом по тому, какого высокого мнения был о ней великий старец Серафим, да по тому обаянию, которое доселе окружает имя ее в Дивееве, можно судить о высокой степени, ею достигнутой.

О причине смерти ее старец впоследствии говорил одной монахине: «Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы, то девушки сами носили камешки: кто по два, кто по три; а она наберет пять или шесть камешков-то и, с молитвой на устах, молча возносила свой горящий дух ко Господу. Скоро и преставилась Богу!»

Скончалась она 29 августа 1829 года. Старец в Дивееве предупредил ее кончину, и в час ее сказал с плачем своему соседу по келье отцу Павлу: «Павел, а ведь Мария-то отошла. И так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, все плачу».

Старец послал для нее дубовый цельный гроб, утешал ее сестру Прасковью и сказал ей: «Марию я посхимил. Она схимонахиня Марфа. У нее все есть: схи́ма и мантия, и камилавочка моя. Во всем этом положите ее. Не унывайте, — прибавил старец, — ее душа в Царствии Небесном, и весь род ваш по ней спасется».

Послал еще отец Серафим в Дивеево 25 рублей на расходы по погребению, 25 рублей меди, чтоб инокиням и всем, кто ни будет на похоронах, раздать по три копейки; послал на сорокауст колодок свечей, чтоб, не переставая, горели днем и ночью в церкви, ко гробу рублевую свечу желтого воску и для отпевания полпуда 20-копеечных свечей.

На 13-летнюю схимницу возложили те вещи, которые подарил ей отец Серафим. На распущенные волосы одели зеленую

бархатную шапочку, в руки дали кожаные четки, сверху надели черную с белыми крестами схиму и длинную мантию.

Всех, приходивших к нему, старец посылал из Сарова в Дивеев на похороны Марии Семеновны. Сестрам Дивеевским, работавшим в лесу у речки Сарова, старец сказал: «Грядите, грядите скорее в Дивеев. Там отошла ко Господу великая раба Божия Мария». Сестры не знали, о какой Марии говорит старец, и очень удивились, найдя Марию Семеновну умершею.

И шедших к нему крестьян старец толпами посылал на похороны, говоря, чтобы девушки приоделись, расчесали волосы и припали ко гробу Марии.

Когда с похорон приехал к старцу брат Марии, Иван Мелюков, то батюшка несколько раз спрашивал его, брат ли он Марии. Потом, пристально взглянув на него, стал чрезвычайно радостен. Его лицо просветлело, как будто от него исходили солнечные лучи, так что нельзя было вынести этого света, и Иван должен был закрыть лицо руками.

«Вот, радость моя, — сказал батюшка брату Марии, — какой милости сподобилась она от Господа. В Царствии Небесном близ Царицы Небесной предстоит со святыми девами у престола Божия. Она за весь ваш род молитвенница, схимонахиня Марфа: я ее постриг. Когда будешь бывать в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, — говоря: “Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!”»

Покоится Мария Симеоновна, во иночестве Марфа, слева от могилы Агафии Семеновны Мельгуновой.

Старец говорил, что со временем она будет почивать открыто, так как настолько угодила Богу, что удостоилась нетления.

Какая-то великая тайна запечатлела жизнь этой юной обручницы Христовой: внезапный выбор ее великим старцем, шесть лет в Дивееве, равноангельская чистота, младенческая кротость и ранняя, неожиданная смерть...

Старец Серафим благоговел пред высотой непорочной избранницы, и она доселе стоит в памяти чтущих старца, вся окруженная каким-то таинственным светом, полная надземной неувядаемой красоты...

Вступивший в родство с избранным отцом Серафимом семейством Мелюковых, Николай Александрович Мотовилов, помещик Симбирской и Нижегородской губерний, родился в Симбирском поместье в 1809 году. Получив образование на филологическом факультете Казанского университета, он поселился в деревне и служил по дворянским выборам.

Как человек, пользовавшийся в своем округе общим уважением и доверием, он был избираем в должности совестного судии и смотрителя училищ по Корсунскому уезду.

Этот человек был исцелен отцом Серафимом и потом через год получил от него заповедь служить Богоматери, заботясь о Дивеевской обители.

Мотовилов страшно страдал ревматическими и другими болями. Все тело его было расслаблено, ноги отнялись, были скорчены и в коленях опухоль. На спине и на боках были пролежни с ранами. Три года находился он в таком состоянии.

В начале сентября 1831 года из своего имения, сельца Бритвина Лукояновского уезда, Мотовилов велел везти себя к отцу Серафиму. 7 и 8 сентября он имел с отцом Серафимом два первые в его жизни свидания и говорил с ним. 9 сентября Мотовилов привезен был к старцу, находившемуся в «ближней пустыньке»*. Четверо слуг подняли его на руках, пятый поддерживал ему голову, и в таком положении принесли его к старцу.

Отец Серафим был в это время окружен народом и стоял около большой сосны. Мотовилова посадили. Он просил старца исцелить его. Старец отвечал, что он не доктор, что от болезни надо лечиться у докторов. Тогда Мотовилов рассказал старцу, как он страдает и что не один доктор не может ему помочь. Он лечился в Казани у знаменитого хирурга Фукса, лечился на минеральных водах, лечился у ученика основателя гомеопатии Ганнемана, и не получил никакого облегчения. Вся его надежда была на Бога; но, считая молитву свою слабою, он обращался к старцу, чтоб тот вымолил ему от Бога исцеление.

Внимательно выслушал старец тяжелую повесть молодого 22-летнего страдальца и спросил его, как спрашивал некогда

* Место недалеко от Сарова, на берегу речки Саровки, где старец в последние годы жизни проводил большую часть дня, работал на огороде и принимал посетителей. Тут же и целебный Серафимов источник.

Мантурова, над которым впервые проявилась целительная сила старца:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

— Верую, — отвечал твердо больной.

— А веруете ли, что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом или прикосновением Своим все недуги, так и ныне по-прежнему так же легко и мгновенно может исцелить требующих Его помощи? Веруете ли, что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще и что, по Ее ходатайству, Господь мгновенно может исцелить вас?

— Истинно всему этому верую, — отвечал Мотовилов, — а если б не веровал, то к чему бы велел везти себя сюда?

— А если веруете, — произнес старец, — то вы уже здоровы.

— Как здоров, — спросил больной, — когда вы и люди мои держите меня на руках?

— Нет, — возразил старец, — теперь вы всем телом вашим совершенно здоровы.

Отец Серафим велел мотовиловским людям отойти от их барины, взял Мотовилова за плечи, приподнял его и, поставив его на ноги, сказал: «Крепче стойте, не робейте. Вы теперь совершенно здоровы», и потом прибавил: «Видите ли, как вы хорошо стоите».

— Потому хорошо стою, — возразил Мотовилов, — что вы крепко держите меня.

Старец отнял тогда руки от Мотовилова и сказал: «Ну, теперь уж я вас не держу. Вы стоите крепко. Идите же смело, трогайтесь вперед!» И взял одну руку исцеленного, а другую, подталкивая его слегка в плечи, старец повел его по неровной дороге, говоря: «Видите, как вы хорошо пошли!»

Мотовилов утверждал, что старец его ведет, что сам он ходить не может, что, если старец отойдет от него, он упадет и расшибется.

— Не расшибетесь, а пойдете твердо, — уверял старец.

И тогда почувствовал Мотовилов какую-то снисшедшую на него силу, давшую обновление его больному организму; он бодро пошел вперед, как старец остановил его.

— Довольно, — сказал он. — Удостоверились ли вы, что Господь совершенно вас исцелил? Веруйте же в Него несомненно,

всем сердцем возлюбите Его. Вы ослаблены тремя годами болезни: теперь не ходите сразу помногу, приучайтесь постепенно и берегите здоровье, как великий дар Божий.

Побеседовав еще с Мотовиловым, отец Серафим отпустил его. Он, за какие-нибудь полчаса до того еле вынесенный из коляски пятью людьми, теперь свободно сел в нее, и никем не поддерживаемый, поехал в монастырскую гостиницу, люди же его пошли туда пешком.

Это исцеление произошло на глазах народа, который видел, как внесли расслабленного и как этот расслабленный отошел от старца вполне здоровым.

Опередив Мотовилова, некоторые богомольцы, прибежав в Саров, рассказали о дивном исцелении. Когда Мотовилов приехал в монастырь, настоятель и старшая братия на крыльце гостиницы встретили его, приветствуя с великою милостью Божиею.

В течение первых восьми месяцев по исцелении Мотовилов чувствовал в себе такой прилив сил, такой избыток здоровья, какого не испытал еще никогда в своей жизни.

Он стал часто ездить в Саров к своему благодетелю и много беседовал с ним. В одну из этих бесед, в ноябре 1831 года, Мотовилов видел старца в благодатном состоянии, сияющим светлее солнца. Тут старец открыл Мотовилову многое из будущности России.

Чем, как не восторженною привязанностью, благодарностью безграничною, мог отвечать Мотовилов на благодеяние старца?

Быть недвижимым, полутрупом, в годы первой свежей молодости чувствовать себя как бы вычеркнутым из числа живых, отчаяться в помощи человеческой и мгновенно получить утраченное, казалось, навсегда здоровье, стать сильным, бодрым, бодрее прежнего, — получить все это без труда, задаром, верою одного человека: каковы могут быть чувства к этому, призвавшему вас вновь к жизни, возродившему человеку?

Как и Мантурову, Мотовилову не пришлось быть на похоронах целителя своего. Он был в это время в Воронеже, где часто навещал знаменитого архиепископа Антония* 2 января он при-

* Антоний Смирницкий из наместников Киево-Печерской лавры был поставлен епископом Воронежским. Отличался святостью жизни и милосердием. Открыл мощи святого Митрофана и обнаружил нетление святого Тихона Задонского.

шел к архиепископу, который сказал ему, что в два часа пополудни отец Серафим преставился. Так как весть об этом событии не могла дойти в тот же день из Тамбовской губернии — Сарова в Воронеж, — то остается одно объяснение, что старец Серафим сам возвестил это Антонию. В тот же день архиепископ отслужил по отцу Серафиму торжественную панихиду, 4-го Мотовилов выехал в Саров и прибыл туда 11-го, два дня спустя по погребений старца.

В Сарове Мотовилову рассказали, что старец, предвидя кончину свою, приказал написать ко многим преданным ему лицам, чтоб ехали к нему; когда же узнал, что им невозможно прибыть, передавал свои предсказания о них.

Так, Мотовилова велено было предупредить, что он не успеет в намерении своем жениться на Е.М. Языковой и что ему готовится другая жена.

В жажде сохранить все черты жизни великого старца, Мотовилов отправился на родину его, в Курск, чтоб собрать сведения о детстве отца Серафима и о родителях его.

После этой поездки он занемог каким-то недомоганием нерв. Врачи не могли помочь. Тогда он отправился в Воронеж. Архиепископ Антоний объяснил ему, что недуг этот — месть врага рода человеческого за его труд для прославления старца, и стал часто приобщать его, от чего Мотовилов вполне оправился.

В 1840 году Мотовилов женился на родной племяннице избранной послушницы старца Серафима, Марии Мелюковой, в схиме Марфы — на Елене Ивановне, — и поселился окончательно в Симбирском своем имении.

Но, не живя постоянно близ Сарова и Дивеева, всем сердцем Николай Александрович интересовался судьбою этих обителей.

Слишком крепкие связи приковывали его к этим местам. Здесь получил он обновление своей жизни, и телесной, и духовной. Здесь свет благодати озарил его ум, и созрела под влиянием чуда, просиявшего над ним, решимость жить для Бога. В этих же местах выросла и жена его, родные которой, как и он сам, были близкие к отцу Серафиму люди. Тесть его был инок Саровский.

Тетка жены, Прасковья Семеновна Мелюкова, подвизалась в Дивееве.

Большого роста, величественный, с открытым лицом, мужественным светлым взором, с выражением какого-то особого благородства во всем существе, как то можно судить по портрету: все во внешности Мотовилова соответствовало его прямому цельному характеру.

Дивеевские сестры помнят, как в приезды его в обитель он, любивший ставить свечи пред образами, купит, бывало, целый пук их и с высоко поднятой головой, своей величественной походкой, с развевающимися кудрями ходит по церкви, расставляя свои свечи.

Свою любовь к отцу Серафиму ему привелось доказать на деле во время великой распри, возникшей в Дивееве по вине Ивана Тихонова. Тихонов возбудил часть сестер против настоятельницы, сумел обойти местного архиерея, который, вопреки мольбе почти всего Дивеева, решил низвести выбранную сестрами настоятельницу и поставить вместо нее начальницу, угодную Тихонову.

Мотовилов отправился тогда в Москву и сумел довести всю правду до сведения митрополита московского Филарета, который благоговел пред памятью отца Серафима.

Митрополит Филарет принял горячее участие в Дивеевском деле и, при мудрых его мерах, мало-помалу все пришло в Дивееве в тишину.

Так в память старца, быть может, спас Мотовилов старцеву обитель от печальной судьбы...

Дивен Серафим.

Но велики и избранники его: все цельные, крепкие, убежденные люди, которые все могли бы повторить слова поэта:

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь:
Под крестом — моя могила,
На кресте — моя любовь.

Прославление Преподобного Серафима

Прошло 70 лет после блаженной кончины святого старца, а он неизменно продолжал жить в сердцах православных русских людей, которые глубоко чтили его, призывали молитвенно его имя и получали от него благодатную помощь. Дорого было им все, что так или иначе говорило о преподобном: его наставления, различные предметы, освященные его именем, его цельбоносный источник, могила, скрывшая в себе его всечестные останки.

Но вот то тихое, сокровенное благоговение, каким доселе была окружена священная память Преподобного Серафима, сразу же вдруг ожило, заговорило, когда возведено было состоявшееся в январе 1903 года постановление Святейшего Синода. «Благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами». Торжество прославления и открытия мощей Преподобного Серафима было назначено на день его рождения — 19 июля.

Всколыхнулась православная Русь. Отовсюду устремились в Саров тысячи богомольцев. К июлю прибыл в Саровскую обитель главный совершитель торжества, первосвятитель Русской церкви, высокопреосвященный митрополит Санкт-Петербургский Антоний.

3-го числа этого месяца дубовый гроб со всечестными останками Преподобного Серафима вынут был из могилы и, по совершении панихиды, благоговейно перенесен священнослужителями в больничный Зосимо-Савватиевский храм. В алтаре этого храма состоялось переложение святых мощей в новый кипарисовый гроб, причем все присутствовавшие были поражены исходившим от них особенным, необычайным благоуханием.

По переложении мощей кипарисовый гроб был вставлен в новый дубовый, устроенный по образцу гроба, в котором Преподобный Серафим почивал в могиле, и вынесен на середину храма. Церковь Святых Зосимы и Савватия была заперта, окна ее завешены, но народ знал, что тут именно хранится до времени завет-

ная, дорогая святыня, и постоянно молился под открытым небом у стен этой церкви, усердно призывая угодника Божия.

За три дня до прославления преподобного (16, 17 и 18 июля) началось ежедневное торжественное служение заупокойных литургий. Молились о упокоении праведной души старца, молились за его родителей, за почивших Тамбовских архипастырей и Саровских игуменов.

Утром 17-го числа прибыл в Саров величественный соединенный крестный ход из Серафимо-Дивеевского и других женских монастырей Нижегородской епархии при участии собравшихся отовсюду хоругвеносцев, а в 6-м часу вечера восторженно встречен Государь Император, приехавший на богомолье в сопровождении Императриц и других лиц царствующего Дома. Сбылось предсказание Преподобного: «Вот какая радость-то будет! Среди лета запоят Пасху, радость моя! *Приедет к нам Царь и вся Фамилия*». Поздним вечером, в 11-м часу, когда монастырская площадь опустела, особо назначенные архимандриты перенесли в молчании старый дубовый гроб Преподобного Серафима на прежнее место, в могилу, к которой устроен по небольшой каменной лестнице спуск. Могила в настоящее время выложена тонкими мраморными плитами и с одной стороны сделана открытою, так что стоящий в ней за стеклянною перегородкою гроб всегда можно хорошо видеть. Над могилой поставлен прежде стоявший здесь памятник.

18-го числа среди богомольцев было особенно много причастников. Глубоко тронут и обрадован был молившийся в Успенском соборе народ, когда совершенно неожиданно для него явились вдруг к ранней литургии Царь и Царицы. Как обыкновенные, простые паломники, пришли они в храм без свиты и всяких властей и заняли место на левом клиросе. Вместе с народом молились венчанные Богомольцы, с ним вместе и приобщались пречистых Таин Христовых, а исповедывались они вечером накануне у иеросхимонаха пустыни Симеона.

В полдень совершена была последняя, особенно трогательная панихида по приснопамятному иеромонахе Серафиме.

Около 2-х часов пополудни под стенами монастыря загремело вдруг могучее, оглушительное «ура». Это народ приветствовал

Государя, который в сопровождении Великих Князей шел пешком по пыльной дороге под знойными солнечными лучами, шел поклониться местам подвигов благодатного старца. Государь направился сначала к источнику, отсюда к месту, где Преподобный Серафим тысячу ночей молился на камне, а затем к его дальней пустыньке и опять пешком вернулся в обитель. Искренним, неподдельным был шумный восторг народа, который никогда еще не видал своего Царя-Батюшки в такой непосредственной близости и в такой трогательной, умиляющей простоте.

В 6 часов вечера начался благовест ко всеобщему бдению. Это была *первая* церковная служба, на которой Преподобный Серафим стал ублажаться и прославляться в лике святых, и мощи его были открыты для всенародного поклонения. Всенощная в Успенском соборе началась обычным порядком. Но вот запели стихиры литии, и из собора двинулся крестный ход, направившийся к церкви Святых Зосимы и Савватия. Гроб со святыми мощами вынесен был из этого храма и поставлен на зеленые бархатные носилки. Государь, священнослужители, великие Князья подняли носилки на плечи и понесли. Началось величественное и глубоко трогательное шествие. Высоко поднятый гроб отовсюду был виден народу. Все стояли с зажженными свечами в руках. Многие от сердечного умиления плакали. Слышались всюду молитвенные воздыхания, обращенные к Преподобному. Крестьянки полагали по пути шествия куски холста, вышитые полотенца и другие изделия своих рук. Религиозное воодушевление народа достигло высокой степени.

Гроб внесли в собор и поставили посреди его на особое возвышение. Всенощное бдение продолжалось. Начался полиелей. Все служащие вышли на средину храма. Пропели «Хвалите», и в соборе водворилась таинственная, священная тишина. Взоры всех устремлены к заветному гробу. Владыка Митрополит отпер его ключом. Архимандриты подняли гробовую крышку и унесли ее в алтарь. Открылись для всех всечестные, благоухающие останки святого старца. Вот глава его под покровом, в котором сделан круглый прорез, чтобы прикладываться к челу угодника, вот медный крест на груди. Священнослужители громко, вдохновенно запели величание Преподобному. Вся церковь опустилась в благоговении на колена. По прочтении Евангелия началось

целование святых мощей. Служба длилась до конца 11-го часа, но собор и после того был оставлен открытым. Народ непрерывной струей в продолжение целой ночи притекал к гробу Преподобного Серафима, лобызал его мощи и принимал от священнослужителей помазание елеем.

Кончилась всенощная, минула полночь, а там, за монастырской оградой, все еще длилась молитва собравшихся на торжество несметных тысяч народа. Богомольцы разбились на кружки и восторженно, с кротко теплившимися в тишине летней ночи свечами пели одну за другою различные церковные песни. «Среди лета запоют Пасху», предсказывал Преподобный. И что же? Послышались среди других песнопений и эти радостные победные песни, которыми некогда святой старец встречал час своей блаженной кончины.

На следующий день, 19 июля, в соборе была торжественно совершена поздняя литургия. На малом входе с Евангелием архимандриты подняли на плечи гроб со святыми мощами и понесли его со середины храма в алтарь. Медленно обнесли святые мощи вокруг престола, а затем, вынеся из алтаря, опустили в великолепную раку, приготовленную благочестивым усердием Государя и поставленную за правым клиросом.

После обедни опять совершен был крестный ход со святыми мощами вокруг собора. Опять Государь с великими Князьями и священнослужителями нес драгоценный гроб, который теперь уже был открыт; опять народ падал ниц пред святынею со слезами, с рыданиями, с молитвенными обращениями к Преподобному. По возвращении крестного хода в собор гроб со святыми мощами вновь положили в раку. Владыка прочел с коленопреклонением молитву Преподобному Серафиму и произнес отпуст, за которым последовал ряд многолетий. На монастырской колокольне целый день не смолкал торжественный звон.

Утром 20 июля Августейшие Богомольцы, выслушав напутственное молебствие, отбыли из Сарова, а на другой день Владыка Митрополит освятил первый на Руси Серафимовский храм, сооруженный над монастырской келией Преподобного, которая в неприкосновенном виде вошла под кров этой новой величественной церкви.

Светлые дни Саровских торжеств сплотили воедино у гроба смиренного старца в малом объеме всю Русь — от Царя до последнего бедняка. Они воочию показали, что твердая, глубокая вера и сыновняя преданность украшенной новым праведником православной Церкви Христовой — самое драгоценное достояние, самый надежный оплот Русской земли.

Движимые этою верою стеклись во множестве в Саров к дням торжества болящие, страждущие, расслабленные, глухие, слепцы. По молитвенному предстательству Преподобного Серафима очень многие из этих несчастных получили исцеление от своих тяжких недугов.

Так дивно и явно проявил Господь милость Свою чрез новопрославленного угодника Своего.

ИЗ КНИГИ «ДИВЕЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

Четыре удела Божией Матери на земле: Иверия, Афон, Киев и Дивеево. Флоровский женский монастырь в Киеве. Полковница Агафья Семеновна Мельгунова — первоначальница обители на месте четвертого жребия Матери Божией на земле — в селе Дивееве.

В 44 году по Р.Х., когда Ирод Агриппа начал преследовать христиан, обезглавил Иакова, брата Иоаннова, и заключил в темницу Петра, тогда святые апостолы, с соизволения Богоматери, признали за лучшее оставить Иерусалим и положили кинуть между собою жребий, кому отправиться в какую сторону для проповеди Евангельской (Сказания о земной жизни Пресв. Богородицы. СПб., 1869 г.). Пречистой Богоматери досталась земля *Иверская*, нынешняя Грузия. С радостью приняв этот *первый удел*, Она стала готовиться к отправлению в Иверию, но Ангел, явившийся пред Нею, возвестил Ей, что страна, доставшаяся Ей в удел для проповеди, просветится впоследствии времени; что же касается до Нее Самой, то Она должна остаться теперь в Иерусалиме, ибо Ей предназначен труд просвещения другой страны, о которой воля Сына и Бога Ее выскажется в свое время.

Тем временем Лазарь, чудно воскрешенный Господом и впоследствии рукоположенный святым апостолом Варнавою во епископа, проживая на о. Кипре, сердечно сокрушался, что лишен счастья лицезреть Матерь Божию, а сам не смел приехать в Иерусалим, так как Иудеи искали его убить. Матерь Божия, узнав об этом, написала к нему утешительное послание, прося прислать за Нею корабль. Корабль был немедленно снаряжен и отправлен к Пресвятой Деве, Которая со святым апостолом Иоанном и дру-

гими учениками отплыла к о. Кипру. Плавание началось благополучно, и корабль понесся по пучинам Средиземного моря. Уже немного оставалось пути, как вдруг подул сильный противный ветер и корабельщики, при всех усилиях и искусстве, не могли справиться с кораблем. Ветер, крепчая, перешел в бурю, и корабль, не слушаясь более земного кормчего, отдался указанию перста Божия и понесся в другую сторону. Увлеченный в Эгейское море, он промчался между островами Архипелага и пристал у берегов Афонской горы, принадлежавшей Македонии и переполненной идольскими капищами. Пресвятая Дева, видя, что в этом неожиданном случае проявляется воля Божия на предначертанный Ей Ангелом жребий на земле, вышла на берег неведомой Ей страны, возвестила язычникам о тайне воплощения Господа Иисуса Христа, раскрыла силу Евангельского учения. Богоматерь сотворила здесь много чудес, которыми укрепила веру новопросвещенных, оставила на Афоне одного из сопутствовавших Ей мужей апостольских и затем отплыла к о. Кипру. Святая гора Афон — есть *второй жребий* Богоматери на земле.

В XI (1013—1028) веке в Афонском монастыре находился монах Антоний, уроженец м. Любечь Черниговской губернии, сын богатых родителей (Патерик Печерский). Матерь Божия открыла игумену монастыря, что новопостриженному Антонию следует идти в свою землю, в Россию, и послушный Антоний, дойдя до Киева, посетил все монастыри, но ни один из них не понравился ему. Он поселился в пещере, выкопанной в крутом берегу Днепра, и вскоре собрались около него черноризцы. В то время в Царьград ушли четыре мастера каменщика, которые большею частью занимались постройкой церквей. Однажды рано утром к каждому из них пришли какие-то посланцы и сказали, что их зовет Царица во Влахернский храм. Придя, они действительно нашли в храме Царицу, Которая и объявила им, что хочет Себе построить церковь на Руси в Киеве. При этом Она дала мастерам святые мощи, приказывая, чтобы они положили их в основание церкви и сказала, что церковь должна быть — «в Мое Имя, Богородицина»... Царица подала мастерам небольшой образ Успения Божией Матери, тот самый, который и теперь висит над царскими воротами в великой лаврской церкви. Так основался Киево-Печерский монастырь, — будучи *третьим жребием* Божией Матери на земле.

В половине XVII столетия основан в Киеве, на Подоле, женский Флоровский монастырь, при церкви святых Флора и Лавра. К нему присоединен, согласно указу Государя Петра I, в 1712 году другой монастырь, первоначально основанный в 1566 году монахом Киево-Печерской Лавры — Иоанном Богушем-Гулкевичем, против святых врат Лавры, на том самом месте, где ныне возвышается арсенал. Церковь Святых Флора и Лавра была теплая, а холодный собор Вознесения Господня освящен был в 1732 году Киевским митрополитом Рафаилом Заборовским. Ныне этот монастырь именуется Киево-Флоровским Вознесенским I класса женским монастырем.

Приблизительно около 1760 года прибыла в Киево-Флоровский монастырь некая богатая помещица Ярославской, Владимирской и Рязанской (Переяславской) губерний, вдова полковница Агафья Семеновна Мельгунова, урожденная дворянка Нижегородской губернии Белокопытова. Она владела 700-ми душ крестьян, имела капитал и громадные поместья. Сведения о ее жизни были переданы отцом Василием Дертевым, Дивеевским священником, у которого Мельгунова впоследствии жила, а также сестрами-подвижницами ее общины и протоиереем отцом Василием Садовским, заместившим в Дивееве отца Дертева, который оставил после себя записки.

А.С. Мельгунова лишилась мужа еще в молодых годах и прибыла в Киев со своей трехлетней дочерью. Здесь она решила посвятить свою остальную жизнь Богу и приняла монашество в Флоровском монастыре, под именем Александры. Несомненно, мать Александра думала в этом монастыре почить и от земных трудов, но Господу было угодно возложить на нее обязанности первоосновательницы нового монастыря. Подвижническая жизнь ее в Флоровском монастыре продолжалась не очень долго.

«Достоверно одно, — свидетельствуют священники Дертев и Садовский, а также Н.А. Мотовилов, — что мать Александра однажды после долгого полунощного молитвенного бдения, будучи то ли в легкой дремоте, то ли в ясном видении, Бог весть, сподобилась видеть Пресвятую Богородицу и слышать от Нея следующее: — Это Я Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься, Я пришла возвестить тебе волю Мою: не здесь хочу Я, чтобы ты окончила жизнь твою, но так как Я раба Моего

Антония вывела из Афонского жребия Моего, святой горы Моей, чтобы он здесь в Киеве основал новый жребий Мой Лавру Киево-Печерскую, так тебе ныне глаголю: изыди отсюда, и иди в землю, которую Я покажу тебе. Иди на север России и обходи все великороссийские места святых обителей Моих, и будет место где Я укажу тебе окончить богоугодную жизнь твою, и прославлю Имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я осную такую обитель великую Мою, на которую низведу Я все благословения Божии и Мои, со всех трех жребиев Моих на земле: с Иверии, Афона и Киева. Иди же раба Моя в путь твой и благодать Божия, и сила Моя и благодать Моя, и милость Моя и щедроты Мои, и дарования святых всех жребиев Моих выну да будут с тобою!»

И преста видение».

Очнувшись от этого видения, мать Александра хотя и восхитилась духом, но не сразу решилась предаться вере во все слышанное и ею виденное. Слагая все в своем сердце, она сперва сообщила о видении своему духовному отцу, затем другим великим и богодухновенным отцам Киево-Печерской лавры и старицам, одновременно подвизавшимся с нею в Киеве. Мать Александра просила их разобрать, рассудить и решить, что за видения удостоилась она и не есть ли это мечта, игра воображения и прелесть? Но святые старцы и старицы после молитв и долгих размышлений единогласно решили: 1) что мать Александра не может быть в прелести духовной или вражьей; 2) что диавол не в состоянии и не в силах явиться в образе Божией Матери, потому что Она — *язва бесовам*, как о Ней боголепно от смысла чиста воспевают святая церковь; 3) что видение Царицы Небесной было истинное, на самом деле, Божие святое дело, как заступницы всех с верою и любовью к Ней прибегающих, и что мать Александра — в виду того, что удостоилась быть избранницею, первоначальницею и первоосновательницею — *четвертого жребия* Божией Матери во вселенной, — блаженна и преблаженна. Старцы присоветовали матери Александре скрыть свое пострижение и под прежним именем полковницы Агафии Семеновны Мельгуновой безбоязненно пуститься в путь, указанный ей Богоматерью, и ждать снова указания Пресвятой и Пречистой Девы, где и когда повелит Она, то творить с полною верою в истину сказанного и указанного.

Сведения о том, где и сколько времени странствовала мать Александра, утратились с годами и нигде в записках и рассказах не значатся. По показаниям старожил, она в 1760 году шла из г. Муром в Саровскую пустынь. Не доходя 12 верст, мать Александра остановилась на отдых в селе Дивееве, отстоящем от Арзамаса в 55 верстах и от Нижегородского Ардатова в 24-х верстах. Местоположение привлекло ее взоры, так как берег речки, на котором расположилось село, был высок и с возвышенности открывался вид на окружающую местность. Потому ли что она устрашилась разгульного заводского народонаселения, занимающегося добыванием чутунной и железной руды, или просто как подвижница-монахиня, мать Александра выбрала себе местом отдыха лужайку у западной стены небольшой деревянной церкви, где и уселась на стопе лежавших бревен. Усталая, она уснула сидя и в легкой дремоте снова удостоилась увидеть Божию Матерь и сподобилась, по словам вышепереименованных лиц, слышать от Нее следующее:

— Вот то самое место, которое Я повелела тебе искать на севере России, когда еще в первый раз являлась Я тебе в Киеве: и вот здесь предел, который божественным промыслом положен тебе: живи и угождай здесь Господу Богу до конца дней твоих, и Я всегда буду с тобою, и всегда буду посещать место это и в пределе твоего жителства Я осную здесь такую обитель мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете: *это четвертый жребий Мой во вселенной*. И как звезды небесные и как песок морской умножу Я тут служащих Господу Богу, и Меня Приснодеву Матерь света и Сына Моего Иисуса Христа величающих: и благодать Всесвятого Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных, с малыми трудами человеческими, не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!

Когда видение окончилось, мать Александра проснулась, оглядела местность, начала молиться горячими слезами и еле пришла в себя. Она дошла до Саровской пустыни в великой радости, так как этот монастырь процветал тогда святостью жизни многих великих и явных подвижников, постников, пещерников, старцев и затворников. Они могли ей помочь советами и наставлениями.

Агафья Семеновна исполнила советы святых Саровских старцев и поселилась в деревне Осиновке у г-жи Зевакиной. Здесь

вскоре заболела ее 9—10-летняя дочь и скончалась. Мать Александра увидела в смерти своей единственной дочери еще указание Божие и подтверждение всего возведенного ей Царицею Небесною. Порвалось последнее звено, связывающее ее с миром...

Тогда Агафья Семеновна, по благословению Саровских старцев, решила действительно отрешиться от всего своего имущества и окончательно распорядиться своими имениями. Для этого она покинула Осиновку, Саров и отправилась в свои поместья. Немало времени потребовалось ей для устройства дел: отпустив своих крестьян на волю за небольшую плату и тех, которые не желали воли, распродав за сходную и недорогую цену тем добрым помещикам, которых они сами себе выбрали, она совершенно освободилась от всяких земных забот и значительно увеличила свой без того большой капитал. Затем она часть капитала положила вкладами в монастыри и церкви для поминовения родителей, дочери и родных, а главное поспешила на помощь туда, где надо было достроить или возобновить храмы Божии. Мать Александра обеспечила немало сирот, вдов, нищих и требующих помощи Христа ради. Современники ее указывают 12 церквей, построенных и возобновленных Агафией Семеновной.

Нигде не говорится о том, в котором году вернулась Агафья Семеновна в Саров и Дивеево, но надо предполагать, что несколько лет потребовалось для распродажи имений и крестьян. В записках Н.А. Мотовилова значится, что она прожила в деревне Осиновке 3½ года до смерти дочери. Вероятно, возвращение ее произошло около 1764—1766 годов. Саровские старцы благословили ей поселиться у приходского Дивеевского священника отца Василия Дертева, жившего с одною старухою женою, известного своею духовною жизнью, и с которым мать Александра была уже знакома во время своего нахождения в деревне Осиновке.

Таким образом, Агафья Семеновна выстроила себе келию на дворе Дивеевского священника отца Василия Дертева и прожила в ней 20 лет, совершенно забыв свое происхождение и нежное воспитание. По своему смирению она упражнялась в самых трудных и черных работах, очищая хлев отца Василия, ходя за его скотиной, стирая белье и проч.

В 1767 году мать Александра приступила к постройке каменного храма в Дивееве, во имя иконы Казанской Божией Матери,

взамен старого деревянного и приходящего в ветхость храма Святителя Николая Чудотворца. Этот важный для нее вопрос во всех отношениях она порешила, по благословению нового Саровского подвижника отца Пахомия, который отличался необыкновенными духовными дарованиями и особенно пришелся по духу матери Александре.

Иеромонах Пахомий, в мире Борис Назаров Леонов, был родом из Курских купцов и с юных лет посвятил себя на служение Господу. Постриженный в 1762 году в монашество, он был точный исполнитель обетов: кроток, смиренномудр, молитвенник и постник. Воздержание его простиралось до того, что он никогда не имел в своей келии ни пищи, ни питья, а за общей трапезой вкушал мало. Вся братия его любила и уважала.

Мать Александра в постоянной заботе об исполнении ею воли Божией, возвещенной Царицею Небесною, и совершенно свободная от житейских дум и дел, с мудрою осторожностью приступала к созиданию общины, которая впоследствии должна была разрастись в монастырь. Несомненно, во время неустанной ее молитвы Мать Божия открыла ей, что следует прежде всего озаботиться о построении каменной приходской церкви и именно в честь Казанской Ее иконы. Саровские старцы с отцом Пахомием, к которому мать Александра чувствовала особенную духовную любовь, со своей стороны молились, получили внушение и благословили праведницу на построение церкви. Агафия Семеновна подала прошение Епархиальному начальству, и когда получилось разрешение, приступила к постройке на том самом месте, где явилась ей Царица Небесная.

Когда была освящена Казанская церковь, в точности неизвестно, но надо предполагать, что построение ее окончилось, судя по святому антиминсу, через пять лет, т.е. в 1772 году. Антиминс главного престола во имя иконы Казанской Божией Матери священнодействован Высокопреосвященнейшим Палладием Архиепископом Рязанским. Левый придел, в память бывшей на этом месте деревянной церкви Святителя Николая Чудотворца, посвящен имени того же Святителя, и антиминс священнодействован в 1776 году Рязанским епископом Симоном. Правый придел по особому чудному указанию Божию посвящен имени святого первомученика архидиакона Стефана, и антиминс его священно-

действован в 1779 году тем же Симоном епископом Рязанским. Мать Александра недоумевала, какому святому посвятить третий придел, и поэтому однажды всю ночь молила в своей келии Господа указать Свою волю. Вдруг послышался в маленьком окне ее стук и за ним голос: «Да будет престол сей первомученика архидиакона Стефана!» С трепетом и радостью бросилась мать Александра к окну, чтобы видеть, кто ей говорит, но никого не было, а на подоконнике она обрела чудно и невидимо откуда явившийся образ святого первомученика архидиакона Стефана, написанный на простом, почти неотесанном обрубке бревна. Этот образ был всегда в церкви и теперь перенесен в келию первоначальницы Дивеевского монастыря.

Мать Александра по сооружении храма ездила в город Казань, где получила вернейший список с чудотворной и явленной Казанской иконы Божией Матери, и в город Киев для испрошения своей церкви частиц святых мощей. Мощи ей вложили в серебряный и позолоченный крест. Из Москвы она привезла колокол в 76½ пудов и необходимую утварь (Записки отца Василия Садовского). Иконостас в Казанскую церковь был отдан из старого Саровского собора строителем отцом Ефремом, зеленого цвета с позолотой, но впоследствии зеленая краска заменена была красной.

Великая раба Божия Агафия Семеновна, как было упомянуто, подвизалась в своей келии, построенной на дворе приходского священника Дертева, в продолжение 20 лет. Келейные ее подвиги остались неизвестны, но протоиерей отец Василий Садовский записал все, что рассказывали ему о матери Александре — отец Серафим, отец Дертев, сестры Дивеевской общинки, соседи помещики, почитатели ее и Дивеевские крестьяне, сохранившие воспоминание о ее глубоком смирении и тайных благодеяниях. Кроме исполнения самых трудных и черных работ у отца Дертева мать Александра хаживала в крестьянское поле и там сжинала и связывала в снопы хлеб одиноких крестьян, а в страдную пору, когда в бедных семьях все, даже хозяйки, проводили дни на работе, топила в избах печи, месила хлебы, изготовляла обед, обмывала детей, стирала их грязное белье и надевала на них чистое к приходу их усталых матерей. Все это она делала потихоньку, дабы никто не знал и не видал. Однако, несмотря на все старания

и укрывательства, крестьяне стали мало-помалу признавать благодетельницу. Дети указывали на мать Александру, а она с удивлением смотрела на благодаривших ее и отказывалась от своих поступков и действий. Бедным невестам Агафия Семеновна вышивала головные уборы — сороки и красивые полотенца... Один образчик ее вышивания поныне сохраняется в монастыре как святыня.

В течение 12 лет в праздники и воскресные дни Агафия Семеновна никогда не уходила из церкви прямо домой, но по окончании литургии всегда останавливалась на церковной площади и поучала крестьян, говоря им о христианских обязанностях и о достойном почитании праздничных и воскресных дней. Эти духовные беседы Агафии Семеновны с народом вспоминались с благодарностью прихожанами села Деева даже много лет спустя после ее смерти.

Мать Александра провела всю свою жизнь в таких великих трудах и подвигах, что исполнилась благодати и даров Духа Святого. К ней стекались со всех сторон не только одни простые люди, но и высокопоставленные лица, купечество и даже духовенство, чтобы послушать ее наставления, получить благословение, совет и удостоиться ее привета. Богато одаренная редким природным умом, она была чрезвычайно образованна, начитанна и тонко воспитанна. Затем, она столь твердо изучила все уставы, законы и положения церковные, что во всех важных случаях к ней обращались за указаниями и разъяснениями. Если матушка удостоивала согласиться быть распорядительницею какого-либо особо важного церковного торжества, то это считалось величайшею честью. В семейных делах, спорах и ссорах к ней обращались как к праведному судии и, конечно, беспрекословно подчинялись ее приговорам и решениям.

Милостыня матери Александры была всегда тайная; она служила всем, чем только умела и насколько могла. Многообразные подвиги ее настолько умягчили сердце ее и так угодили Господу Богу, что она удостоилась высокого дара благодатных слез, яже по Бозе (об этом часто вспоминал отец Серафим). В Саровском соборе она становилась всегда против чудотворной иконы Живоносного Источника, и из ее глаз текли не слезы, а источники слез. Смирение ее было неисповедимо и любовь ко всем нели-

цемерная. Она носила самую простую, многошвейную одежду и опоясывалась кушачком с узелком.

Духовниками великой старицы матери Александры были отец Пахомий и казначей отец Исаия.

Строго исполняя все трудности Саровского устава, она во всем руководилась советами отца игумена Пахомия. Она и сестры, кроме того, шили свитки, вязали чулки и работали все нужное из рукоделья для Саровской братии. Отец Пахомий, в свою очередь, выдавал малой общине все необходимое для их земного существования; так что даже пищу привозили сестрам раз в сутки с Саровской трапезы. Общинка матери Александры была как бы плоть от плоти и кость от костей Саровской пустыни. Жизнь матери Александры и ее сестер вполне соответствовала идее нищенства, работающего на насущное пропитание. Все свои остальные средства Агафья Семеновна передала отцу Пахомию, и каждая из живущих в общине зарабатывала себе пропитание от Саровской братии. Так, в 1789 году в первой половине июня месяца отец Пахомий с казначеем отцом Исаием и иеродиаконотом Серафимом отправились, по приглашению, в село Леметь, находящееся в 6-ти верстах от нынешнего города Ардатова, Нижегородской губернии, на похороны богатого благодетеля своего помещика Александра Соловцева и заехали по дороге в Дивеево навестить Агафью Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над нею таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала отцу Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. По свидетельству жившей с нею девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику протоиерею отцу Василию Садовскому, матушка Агафья Семеновна передала строителю отцу Пахомию мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться.

Матушка Александра умоляла отца Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попещись в свое время об обители, обетованной ей Царицею Небесною. На это старец отец Пахомий ответил:

«Матушка! послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь, также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодетелей твоих не забудет, а впрочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и братья за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна и он молод, доживет до этого; ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить отца Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13-го июня в день святой мученицы Акилины. Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз успели к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не оставалось сухой нитки, но отец Серафим по своему целомудрию не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Н.А. Мотовилов пишет, что мать Александра перед смертью говорила послушнице Евдокии: «Молись Богу, Господь не оставит тебя, я уж скоро отоюду от сего света, а ты еще долго проживешь и то, что сбудутся слова мои, т.е. что соберется на месте ее большая обитель, увидишь на деле, будет большое смятение; ты и до него доживешь». Предчувствуя приближение своей кончины, мать Александра пожелала воспринять на себя ангельский образ и посылала она Евдокию Мартыновну с другой какой-то девушкой в Саров, и отец Исаия, бывший тогда казначеем сей обители, прибыв в Дивеево, постриг ее во время вечерни в великий ангельский образ и нарек ей имя Александры. Пострижение это было за неделю или за две до кончины, в Петровский пост. А в день кончины приобщалась Св. Таин, которые она принимала за не-

сколько времени каждодневно, и лишь только священник ушел из кельи, то она и скончалась в самую полночь. При кончине матушки была только Евдокия Мартыновна и еще другая старушка Фекла. Пред кончиною своею матушка изволила говорить Евдокии Мартыновне: «А ты Евдокиюшка, как я буду отходить, возьми образ Пресв. Богородицы Казанския, да и положи его мне на грудь, чтобы Царица Небесная была при мне во время отхода моего, а пред образом свечку затепли». Матушка скончалась в одной рубашечке и платочек был на голове.

По смерти первоначальницы Дивеевской общинки, матери Александры, осталось три послушницы, а именно две девицы: Евдокия Мартыновна и Анастасия Кирилловна и третья — вдовица Фекла Кондратьевна, из села Дивеева. Выбирая между собою старшую, они поставили на место первоначальницы *Анастасию Кирилловну*, которая в продолжение семи лет собрала в общинку до 52-х сестер. Управление ее ничем особенным не отличалось, но прошло прекрасно, тихо, с соблюдением установлений матери Александры. Ничего так не боялась Анастасия Кирилловна, как малейшего нарушения Саровского устава, и поэтому она относилась, согласно свидетельству Евдокии Мартыновны, невозможно строго к исполнению молитвенных правил и Саровского устава. Во всем она благословлялась у духовника общинки, настоятеля пустыни отца Пахомия, который до последнего дня своей жизни продолжал отечески заботиться о послушницах Дивеевской общинки. Пища привозилась по-прежнему раз в день с Саровской трапезы, а сестры работали шитьем и вязаньем для братии обители. С кончиною отца Пахомия общинка потеряла своего заботливого отца. Игумен Исаия сделался духовным отцом Дивеевских сестер, но уже не занимался ими, как отец Пахомий.

В числе вновь поступивших послушниц была из г. Тулы вдова оружейного мастера Ксения Михайловна Милованова, по мужу Кочеулова, с малолетнею дочерью Ириною Прокопьевною. До чего матушка Анастасия Кирилловна была исполнительна и строга, можно судить по ничтожному эпизоду, переданному сестрами. Однажды она увидела вдову Ксению Михайловну, собирающую сухие корки каши от трапезы для своей малолетней дочери Ирины; Ксения хотела их размочить водою и дать лишний раз голодавшей девочке, но матушка Анастасия Кирилловна сурово выго-

ворила ей и даже определила наказание, запретив наистрожайше раз навсегда, ни даже ради детей, не нарушать заведенный устав их: однажды только в день вкушать пищу и в назначенный, без исключения, для всех равно, час общей трапезы.

В 1796 году скончалась Анастасия Кирилловна и ее похоронили на кладбище Казанской церкви, вблизи первоначальницы матери Александры.

Начальницею общинки, по выбору сестер, была поставлена *Ксения Михайловна Кочеулова*. Маленькая, сухая, крайне подвижная и деятельная, но плохенькая на вид, она проводила жизнь настолько сурово, неся подвиги, посильные только монахам, что о ее правлении сохранилось воспоминание, как о времени невыносимо трудном, подвижническом, но которое выработало великих стариц для будущего Дивеевского монастыря и наставниц истинной духовной жизни. Не допуская никакого исключения, снисхождения и малодушия, она даже казалась некоторым жестокой. Совершенно равная ко всем сестрам, она не жалела и своей слабой и хилой дочери Ирины Прокопьевны. Так, например, однажды кто-то подарил Ирине Прокопьевне чайник и чашечку, зная, что она под названием чая любит пить вообще горячее, как-то целебную травку или сухую малину. Узнала это матушка Ксения Михайловна и страшно огорчилась; запретила наистрожайше употреблять этот чайник и чашку. Ирина Прокопьевна обещалась не дотрагиваться до них, но Ксения Михайловна не успокаивалась и с истинным сердечным огорчением и крайним сокрушением сказала: «Что ты, что ты! Из них хотя пить-то не будешь, Оря, все же я непокойна, соблазн-то какой! Утешь ты меня старуху, Орюшка, разбей ты их, матушка, да от соблазну-то и черепки их в землю зарой! Можно ведь пить и из деревянной или чугунной посуды, а то глядику-сь грех-то какой! Какое малодушие!» Только тогда она успокоилась, когда дочь ее, уже старица также, за святое послушание начальницы-матери, разбила чайник и чашку и зарыла глубоко в землю все черепки.

Чрезмерно суровая строгость Ксении Михайловны настолько не понравилась сестрам, собранным покойною Анастасиею Кирилловною, что из 52-х выбыло в первый год ее управления 40; тогда всего в общинке осталось 12 сестер, но затем стали прибывать новые, так что к 1825 году, когда батюшка отец Се-

рафим, окончив все свои внутренние, духовные благоустроения, достиг совершенства и мог, по заповеди матушки Александры, обратить все свое внимание на устройство Дивеевской обители, обетованной Божиею Матерью, в названной общинке снова собралось до 50-ти сестер. Стало не хватать земли для общины и соседка-помещица графиня Толстая поэтому пожертвовала на огород 32 десятины.

Монахиня Ермиония, старица, определенная в обитель самим отцом Серафимом, рассказывала, что когда она пришла к отцу Серафиму, то, посылая ее жить в Дивеево к родной тетке, послушнице Евдокии Ефремовне (впоследствии монахине Евпраксии, удостоенной в день Благовещения видения Божией Матери в Серафимовой келии), батюшка сказал последней, держащей ее за руку и приведшей на благословение: «Отведи ее к матушке Ксении Михайловне». «Во, матушка! — сказал старец, обращаясь к отроковице. — Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!» «И действительно, — рассказывает монахиня Ермиония, — и вправду она была строга; станет выговаривать, думаешь вот-вот убьет, сейчас тут умрешь, а кончит — делается прещедрая; скажет бывало: “Ну-ка, ну-ка. Оря (так звали ее дочь), прочти-ка вот ей такое-то житие!” Она сама была неграмотная. И прочтет Ирина Прокофьевна, что велит матушка. “Вот видишь ли, Евдокиюшка, скажет Ксения Михайловна, как трудно идти-то в Царствие Небесное, ведь от того так-то я и выговариваю. Ну, матушка, иди! Погляди-ка, Оря, нет ли тут у нас чего, не принес ли кто чего-нибудь, дай ей!”». «И мне же бывало чего сунув отпустит, — говорила Евдокия Ефремовна. Последняя жила одно время у Ксении Михайловны келейной и у нее были две красненькие тесемочки; раз подпоясалась она ими. Увидала это матушка... “Что это, говорит, вражью-то силу ты на себя надела!” Взяла Ксения Михайловна, сняла тесемочки с нее и сожгла их в печке. Не терпела она, чтобы носили хорошую одежду». «Было это с Евдокией — повествует монахиня Ермиония. — Раз как сшили ей первую рясу, матушка ее не видала. Пришла она в церковь, стоит, а она, наша голубушка, своею клюшкою-то и достает. “Кто это? кто это?” — спрашивает Ксения Михайловна. “Ах! это всечестная Евдокия! Что это ты делаешь, матушка: на что это ты восемь-то бесов себе посадила! (т.е. восемь клиньев). Выпори,

выпори, говорит матушка, четыре-то беса!” В другой раз идет тетка Евдокия двором, надев сарафан из посконного холста, только что выкрашенный, новый. Увидала матушка, кричит: “Стой! стой!” Подошла она. “Ай, ай, матушка, — говорит она, — Бога ты не боишься, Евдокиюшка всечестная! Что надела плисовый-то сарафан! Подбери, подбери все кругом, матушка, подрежь, чтобы рубашка была бы видна, чтоб не до полу было!” Так была строга матушка Ксения Михайловна».

Все начальницы и сестры Дивеевской общины ходили в трудные часы испытаний, горей и борьбы духовной подкрепляться молитвой на могилку незабвенной и великой старицы матери Александры. По свидетельству сестер первой общинки, переданному протоиерею отцу Василию Садовскому, и также согласно показаниям священника обители отца Александра Филиксова, все жившие при Казанской церкви священнослужители и многие другие видели по ночам на могиле матери Александры огонь и горящие свечи, по временам слышали необычайный звон, а некоторые ощущали необыкновенное благоухание, исходящее из могилы ее. Затем в могиле слышалось какое-то журчание, и поэтому сложилось поверье в народе, что источник, открывшийся под горою, исходит из могилы матери Александры. Так называемый дальний источник матери Александры великая старица сама вырыла, когда для создаваемой ею Казанской церкви ломали камень для извести. Она приходила носить камни и для утоления жажды рабочих и прохладения от трудов и жары вырыла этот колодезь. Народ считает этот источник целебным и приносит купать в нем больных детей.

Как было уже сказано, старец отец Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно: *молчальничество*. «Паче всего должно украшать себя молчанием, говорил он, ибо святой Амвросий Медиоланский говорит, что молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же — орудия суть мира сего». Отец Серафим стал руководиться деяниями двух древних подвижников — Арсения великого и Иоанна молчальника и пустытника. К посетителям он более не выходил.

В 1815 году Господь, по новому явлению отцу Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келия его освещалась всегда одной только лампадой и возженными у икон свечами.

Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в родовом своем имении село Нуча, жили сироты брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии в военной службе и женился там на Лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его святой церкви. Молва о святой жизни батюшки отца Серафима, обещавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решил ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к отцу Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени кельи старца затворника. Когда Михайло Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка отец Серафим вышел и милостиво спросил его:

— Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его отец Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! если ты так веруешь, то верь

же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, — помолюсь». Затем Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоящего в сенях, а сам удалился в келию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись потерять их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к отцу Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг по слову святого старца нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в ноги отцу Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? что ты, батюшка! Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем отец Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к отцу Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа... И только он приехал в Саров и вошел к отцу Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда отец Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все что ни имеешь, отдай Го-

споду и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился Евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий и мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословиению батюшки отца Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в селе Дивееве 15 десятин земли, на указанном ему отцом Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам, молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя в общем хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием по любви и необычайной вере своей к святому

старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки отца Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником отца Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка отец Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его как «Мишенька» и все, все касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Анны Михайловны, когда она жила в Дивееве вдовой и тайною монахиней. «Часто и почти непрестанно, — говорила Анна Михайловна, — я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я бывало: ну, можно почитать старца, можно любить его и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку отца Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит, да вздыхает... Вдруг слышу какой-то треск... Смотрю, Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю... Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать и как ни трудно бывало, а все терпела». (Записки Н.А. Мотовилова и тетрадь № 1 рассказов, записанных за монахинями.)

Отец Серафим после исцеления М.В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному отцу Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некото-

рых послушниц к начальнице Ксении Михайловне, и ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины, что видно из поручений, даваемых им Михаилу Васильевичу Мантурову. Последний довольно часто уже ездил в Дивеево.

В 1823 году однажды потребовал к себе батюшка отец Серафим Михаила Васильевича и, взяв колышек, перекрестился, поцеловал его, то же самое велел сделать Мантурову, потом поклонился своему Мишеньке в ноги и сказал: «Ступай ты, батюшка, в Дивеево; как придешь, стань там напротив самого среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шагов (число забыто) и как отсчитаешь их, батюшка, тут будет межка; вот от нее ты еще, батюшка, отсчитай столько-то шагов (число забыто) и придет пахотная земля; потом отсчитай еще столько-то шагов (число забыто) и придет луговина; тут как придешь, по глазомеру рассчитай, батюшка, где придется самая срединка, да в срединке-то самой этот колышек и вбей, чтобы хоть немного, а видно бы его было; вот, батюшка, что прошу тебя, сделай это!» Поехал Михаил Васильевич в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заглазно месте, пришел просто в ужас от удивления. Это было только поле и все его шаги сошлись с батюшкиными размерами. Мантуров исполнил все в точности и вбил колышек в назначенном месте. Когда Михаил Васильевич вернулся с докладом к батюшке, то отец Серафим опять молча поклонился ему в ноги и был необыкновенно радостен и весел. Целый год отец Серафим ничего не вспоминал о колышке и отмеренном поле в Дивееве, так что Михаил Васильевич, ровно ничего не зная и не понимая в притче великого старца, порешил, что отец Серафим забыл уже это. Но вдруг батюшка, потребовав Михаила Васильевича к себе, дал ему на этот раз уже четыре небольших колышка, перекрестившись, поцеловав их и заставив Мантурова сделать то же, поклонился ему в ноги и сказал: «Теперь, батюшка, сходи опять туда же в Дивеево, на то место, где помнишь ты в прошлый год вбил колышек и там, по равному же размеру, по четырем углам, около большого-то колышка и вбей эти четыре; а чтобы как-либо не затерялись они, батюшка, ты возьми камешков, да и положи на них по кучке, чтобы после не спутаться, а заметно бы место их было!» Исполнив в точности, Мантуров вернулся с докладом к батюшке. Отец Серафим

опять молча, но весело и радостно встретил его и поклонился ему в ноги. Терялся Михаил Васильевич в догадках, что это все значило и что должно совершиться, а спросить не осмеливался. Наконец, в 1826 году на этом самом месте возникла мельница питательница Дивеевских сирот.

Сестре Михаила Васильевича, Елене Васильевне, в 1822 году едва минуло 17 лет и она сделалась невестою. Успокоенный с этой стороны, Михаил Васильевич не видел препятствия удалиться от мира и служить всецело Господу и отцу Серафиму. Но жизнь Елены Васильевны как-то вдруг непонятно странно изменилась. Искренно и горячо любя жениха своего, который ей чрезвычайно нравился, она неожиданно отвергла, сама того не понимая. «Не знаю почему, не могу понять, — говорила она брату, — он мне не дал повода разлюбить себя, но, однако, страшно мне опротивел!» Свадьба расстроилась, и крайне веселый характер ее, любовь к светской, общественной жизни, молодость, стремление к веселью и забавам пугали родных и не предвещали хорошего, при семейной ее обстановке. О духовном она, конечно, не имела ни малейшего понятия.

Вскоре скончался единственный богатый родственник Мантуровых, давно из виду потерянный, отец их матери. Находясь при смерти, дедушка через газеты вызывал их к себе, дабы передать им свое состояние. Михаила Васильевича в то время не было дома, а потому, чтобы не замедлить, Елене Васильевне пришлось ехать одной с дворовыми людьми. Не долго думая, она отправилась, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, она заболела горячей, и как только немного окрепла, пустилась в обратный путь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, и Елена Васильевна вздумала напиться в ней чаю, для чего послала людей распорядиться, а сама осталась сидеть в карете. Хотя человек отговаривал свою барышню и настаивал, чтобы она отдохнула в почтовой комнате, но Елена Васильевна уступила только, обещав пить чай на станции, а пока его готовят, осталась сидеть в карете. Не смея далее прекословить своей госпоже, люди поспешно занялись приготовлением чая, и когда пришло время, горничная выслала лакея просить барышню кушать. Едва успел лакей спуститься по

лестнице на подъезд станции, как вскрикнул при виде Елены Васильевны и замер на месте. Она стояла во весь рост, совершенно опрокинувшись назад, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты и на лице выражался такой ужас и страх, что немыслимо передать его словами. Немая, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах, казалось — еще момент, и она упадет на землю запертво. Лакей и все сбжавшиеся на его крик люди кинулись на помощь к Елене Васильевне, бережно взяли ее и внесли в комнату. Пробовали узнать, в чем дело, спрашивали ее, но Елена Васильевна лишилась языка и оставалась в бессознательном положении, или, вернее, в оцепенении от охватившего ее ужаса. Горничная, предполагая, что барышня умирает, сказала: «Не позвать ли вам священника, барышня?» После того как она несколько раз повторила этот вопрос, Елена Васильевна точно начала приходить в себя и даже с радостной улыбкой, уцепившись за девушку и как бы боясь ее отпустить, прошептала: «Да... да...» Когда явился священник, Елена Васильевна была уже в сознании, и язык и рассудок действовали по-прежнему; она исповедовалась и причастилась Святых Таин. Затем целый день не отпускала от себя священника и все еще в страхе держалась за его одежду. Пробыв таким образом в Княгинине и успокоясь от всего произошедшего с нею, Елена Васильевна поехала домой, где и рассказала брату и невестке следующее:

«Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела я над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя, и пасть эта казалась такою большою, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мною вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: “Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!” Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез... но я не могла прийти в себя от ужаса!...»

Михаил Васильевич долго не мог опомниться от случившегося с его сестрою, а Елена Васильевна, как бы чудно спасенная от врага человечества, совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезная, духовно настроенная и стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к отцу Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка крайне удивил ее, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь, — нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» «Что это вы, батюшка! — испуганно сказала Елена Васильевна. — Ни за что не пойду замуж, я не могу, дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня!» «Нет, радость моя, — продолжал старец, — отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты и не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!» — «Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж!» — возражала Елена Васильевна. Но старец стоял на своем и твердил одно: «Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!» Елена Васильевна уехала недовольная, разогорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение творений святого отца. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к отцу Серафиму, и он все твердил одно, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года готовил ее батюшка отец Серафим к предстоящей перемене в ее жизни и к поступлению в Серафимову общину, которую он начал устраивать в 1825 году, и заставлял работать над собою, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Она, конечно, этого не понимала и, невзирая на просьбы, желание и мольбы Елены Васильевны, отец Серафим однажды сказал ей в духовном смысле следующее: «И даже вот что еще скажу тебе, ра-

дость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скоро; ты слишком скоро, радость моя; а это не годится, будь тогда ты потише. Вот как ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а все потихонько, да потихонько! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь!» — и, показав при этом видимым примером, как должно ходить осторожно, продолжал: «Во, радость моя! Также и поднимать, если тебе что случится, не надо так, вдруг, скоро и сразу, а во так, сперва понемногу нагибаться, а потом, точно так же все понемногу же и разгибаться». Снова видимым примером показал отец Серафим и прибавил: «Тогда благополучно снесешь!» Этими словами старец довел Елену Васильевну до отчаяния. Сильно негодуя на него, она решила не обращаться к нему и съездить в Муром в женский монастырь. Там ей игуменья, конечно, сказала только приятное, и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келию. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем отцом Серафимом. Каково же было ее удивление и каков ужас, когда вышедший к ней навстречу отец Серафим, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!» Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждого приходящего к нему и действовавшего по своей воле. Сердце невольно привязывалось к такому праведнику, и Елена Васильевна почувствовала, что без отца Серафима все-таки нельзя ей жить, тем более что в Муроме не у кого будет и спрашивать наставления и совета. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю данные за келью деньги и не ездить больше туда. Но Елена Васильевна на этот раз не почувствовала отчаяния, а напротив, вполне смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами. Она опять заперлась в свою комнату, из которой почти не выходила уже целые три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешенная от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась, никому не было известно, но неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько она трудилась уже на пути духовного со-

вершенства. Разразилась страшная гроза вблизи дома, в котором жили Мантуровы; раскаты и удары молнии были ужасны, так что все решительно собралось в комнату Елены Васильевны, где теплилась лампада, горели свечи и она покойно молилась. Во время одного из страшных ударов со стороны двора вдруг в углу, под полом и под образами, раздался совершенно неестественный и отвратительный крик как бы кошки. Но крик этот был настолько силен, неожидан и неприятен, что Михаил Васильевич, жена его и все бросились невольно к киоте, перед которой молилась Елена Васильевна. «Не бойтесь, братец! — сказала она покойно. — Чего испугалась сестрица; ведь это диавол!» «Вот, — прибавила она, сотворив знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик, — вот и нет его; разве он что-либо может!» Действительно, тотчас водворилась полная тишина.

Через полгода после последнего свидания с отцом Серафимом Елена Васильевна опять поехала в Саров. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвиг монашества. На этот раз отец Серафим сказал ей: «Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойдй вот, за 12 верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в неизреченной радости и неопisanном восторге поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и совсем поселилась в Дивееве. За теснотой помещения Елена Васильевна заняла крошечный чуланчик около маленькой келии, которая выходила крылечком к западной стене Казанской церкви. Часто на этом крылечке сживала подолгу молча Елена Васильевна, погруженная будто в думу и в немо созерцании храма Божия и премудросозданной окружающей природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Ей было тогда 20 лет от роду (в 1825 г.).

Через месяц после переезда Елены Васильевны в Дивеево ее потребовал к себе батюшка отец Серафим и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но отец Серафим успокоил ее, говоря: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то Ксении Михайловне, что отец Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежду одеться... Ведь вот как замуж-то

выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!» Много и усладительно беседовал с ней отец Серафим, говоря: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей так же, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут трите года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда Акафист, Псалтирь, Псалмы и Правила с утренею отправляй. Сиди, да пряди, а пусть другая сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидит возле тебя, да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы и то “аки с трудом”, а станут много спрашивать, отвечай: я не знаю! Если случайно услышишь, что кто не полезное между собою говорит, скорее уходи, “дабы не внити во искушение”. Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешную! а от обеда до сна: Пресвятая Богородица, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся; так молитвою, вечно-неразлучною молитвою и приготовляй все, Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; чрез три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благо-

вестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: “Се раба Господня! буди мне по глаголу Твоему!” Тогда вот и ты скажи так же: “Буди мне по глаголу Твоему!” Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!» (Записки протоиерея отца Василия Садовского и записки Н.А. Мотовилова).

Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев все монашеское, простое, начала с живейшею любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании. Так как маленькая келья ее была беспокойна, переполнена сестрами, то батюшка отец Серафим благословил Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей ее. После смерти Устиньи, с Еленой Васильевной жили две послушницы, Агафия и Ксения Васильевна.

К отцу Серафиму было еще весьма близко семейство крестьян Нижегородской губернии Ардатовского уезда деревни Погибловой — Мелюковы. Это праведное семейство состояло из брата Ивана Семеновича Мелюкова и двух сестер, Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны. Прасковья Семеновна поступила в общину матери Александры по благословению батюшки отца Серафима и была высокой жизни. В 1823 году 21 ноября, в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы, она пришла к отцу Серафиму со своею 13-летней сестрою Мариєю Семеновной, которая, как рассказывала Прасковья Семеновна и за нею записано в документах, хранящихся в Дивееве, «увязалась за нею». Великий старец, провидев, что девочка Мария есть избранный сосуд благодати Божией, не позволил ей возвратиться домой, а приказал оставаться в общине. Таким образом 13-летняя Мария Семеновна поступила в число избранных Серафимовских сирот. Это была необыкновенная, не виданная доселе отроковица, ни с чем не сравненная, ангелоподобная, дитя Божие. Избранница и раба Божия с таких лет вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестер общины, отличавшихся строгостью жизни, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Непрестанная

молитва была ее пищею, и только на необходимейшие вопросы она отвечала с небесною кротостью. Она была почти молчальница, и батюшка отец Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполняла она свято, не взирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от батюшки отца Серафима, то вся сияла неземною радостью. Как увидим вскоре, Мария Семеновна только шесть лет прожила в общине и 19-ти лет отошла ко Господу, как бы мирно и тихо уснула.

По сестре своей Прасковье Семеновне, удостоенной от Господа дара прозорливости, брат ее, Иван Семенович, стал близок к отцу Серафиму. Он ходил работать к батюшке и впоследствии его дети — три дочери — поступили в Дивеевскую общину, а сам он кончил жизнь монахом в Саровской пустыни. Дочь его, Елена Ивановна, с 5-летнего возраста жила у тетки Прасковьи Семеновны и изредка бывала у батюшки отца Серафима, который занимался ею, ласкал, заигрывал и пророчески сказал, что она будет «великая госпожа», благодетельница Дивеева. Приходившим с нею сестрам отец Серафим приказывал кланяться малютке и благодарить за будущие благодеяния ее для обители. (Действительно, выйдя замуж за друга и горячего почитателя отца Серафима, Николая Александровича Мотовилова, она до сих пор продолжает оказывать помощь монастырю и, живя ныне в Дивееве, по смерти мужа, напоминает собою блаженные прошлые времена управления Ксении Михайловны, возрождение обители при отце Серафиме, святые дни наставничества великого старца, любовь к Дивееву искреннего и любвеобильного Николая Александровича Мотовилова и наконец дополняет личными духовными качествами и добродетелями чудный ряд сирот-молитвенниц отца Серафима.) За покойным старцем Саровской пустыни Иваном Семеновичем Милюковым, имевшим послушание привратника, записан был следующий рассказ (№ 78). «Будучи еще мирским крестьянином, — говорил он, — я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он мне предсказывал о Дивееве и всегда говорил: “Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание; а кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Бо-

жия свыше. Кто даже сердцем вздохнет, да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!" Помня заповедь батюшкину, я всегда это говорил и всем говорю».

Кроме Милюковых, была очень близка к батюшке отцу Серафиму и любима им сестра Ксения Васильевна Путкова, постриженная в монашество под именем Капитолины. Она ходила к отцу Серафиму часто, еще будучи крестьянскою девушкою, и осталась в Дивееве «почти насильно», полагаясь на слова батюшки. Однажды отец Серафим стал уговаривать ее поселиться в Дивеевской общине. Молодая и красивая Ксения никак не ожидала себе такой судьбы, так как жила в родительском доме в довольстве и мать сильно любила ее. У Ксении был, кроме того, жених, которому она платила взаимною любовью. С другой стороны, Дивеевская община еще не устроенная, без церкви и без земли, не нравилась ей. Ксении не хотелось променять домашний покой и удобства на суровость и нужду обители. «Нет, батюшка, не хочу! Не смогу никак!» — ответила ему Ксения. «Послушай, радость моя! — продолжал отец Серафим (“да так-то сладостно, хорошо”, — прибавляла Ксения), — я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная не возможет; все будет у Ней! Вот она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их. Потом благословила Матерь-то Божия и церковь им свою выстроить, матушка! Во, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до время». Ксения хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, как все это может возникнуть, когда ничего нет у обители и сама земля — чужая кругом. Тогда отец Серафим, провидя ее мысли, взял за руку, потрясая ее, и произнес: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!» Вид отца Серафима при этом был чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлел... Ксения не могла более колебаться, смотря на чудного старца, и согласилась

поступить в общину. Чтобы не огорчить жениха и родителей совершенным отказом, она стала жаловаться на нездоровье, затем просила отсрочить свадьбу на год, а сама все чаще и чаще отпрашивалась к батюшке отцу Серафиму. По его молитвам совершилось так, что родители согласились отдать Ксению в общинку к начальнице Ксении Михайловне.

Вера ее в силу молитв батюшки укрепилась после следующего случая (тетрадь № 1, ее рассказ № 15). Через год пришла она однажды с другою сестрою вечером к батюшке отцу Серафиму за приказанием. Отпуская их до утра в гостиницу, он сказал им вслед: «Кто бы к вам ночью ни взошел, не вставайте, не откликайтесь и не говорите, и не пускайте никого!» Они обещались и ушли. В гостиницу, когда сестра заснула, а Ксения еще только собиралась заснуть, действительно, вдруг взошел незнакомый монах и спросил: кто тут? Ксения ответила, что Дивеевские, но так как она ходила еще в мирском платье, то он полюбопытствовал, кто она такая. Он оказался земляком Ксении, и она заслушалась его, забывая приказание батюшки. Увлекаясь в разговоре, она, однако, вспомнила отца Серафима. Когда монах ушел, она начала горько плакать, и от страха, что ей придется отвечать батюшке, она не спала всю ночь. Утром у батюшки застала того самого монаха, и отец Серафим разговаривал с ним очень любезно. Ксения отвернулась, а когда ушел монах, то упала батюшке в ноги и стала просить прощения. «То-то вот, — сказал отец Серафим, — не послушала меня, а знаешь ли, что я ныне всю ночь только за тебя одну молился, и если бы не молитва моя, пропала бы ты; вот как надо быть осторожною и хранить себя, потому ведь вы глупые сами не видите и не знаете, как погибаете. Ведь секунда одна... ну, да полно, полно, радость моя, встань, Господь тебя простит; ведь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя ныне ночью “аки добычу у льва из зуб вырвал!”».

Не менее близок к отцу Серафиму был второй священник Казанской церкви отец Василий Никитич Садовский, который с годами достиг высшей духовности и сделался истинным отцом и другом Серафимовых сирот. Родившись в 1800 году, он определился по окончании воспитания в Нижегородской семинарии около 1825 года в Казанскую церковь и 28 лет состоял приходским священником, а затем переведен в Дивеевский монастырь.

30 лет он был благочинным. Н. А. Мотовилов много говорит о нем в своих записках и называет его высокодобродетельным человеком, несомненной чистейшей совести, исполненным крепчайшей веры и Евангельской правды, глубоко уважаемым всеми, известным батюшке отцу Серафиму, которого святой старец всегда лично руководил.

Как известно, с 1825 года к отцу Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл: *«огненный столб от земли до неба»* и *«терпуг духовный»*. Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала отца Серафима, но, однако, она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как отцу Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения, но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка отец Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» — говорил отец Серафим, но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда отец Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великою старицею матерью Александрою более не лежит на его совести или же что не пришел тому еще час воли Божией. Временно отец Серафим не входил в дела общинки и только, по дару предвидения, посылал избранных Божию Материю сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь поблизости матушки-то полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божий и столпу, матушке Ксении Михайловне, она всему тебя научит!»

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители отца Серафима говорится (тетрадь № 6):

«Когда 1825-го года 25-го ноября на день святых угодников Божиих Климента папы Римского и Петра Александрийского, как-то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим постоянно говаривал, пробираясь по обычаю сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидал он ниже

того места, где был некогда богословский колодезь и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его, и где тогда была лишь трясына), а дальше и позади Нее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и Апостола Евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив землю жезлом так, что ископел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: “Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафьи — монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее: ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве: и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер”. И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления своего, устроенного монахиною Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом: и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле: для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветреную мельницу и келии первые, а потом по времени соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего Дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый, и нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за неперменное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он и потом навсегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение, и обещалась Сама быть всегдашнею Игуменьею сей обители Своей. Изливая на нее все милости свои и всех благодатей Божиих благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы Ног Ее и где от удара жезлом Ее ископел из земли источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оного большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимские».

Далее Н.А. Мотовилов пишет, что «батюшка отец Серафим основал обитель не по простой своей человеческой мысли и по примеру, где-либо до него существовавшему, но решительно лишь по одному “особенно нарочито на счет этой обители его, бывшему ему личному явлению Самой Божией Матери; и не только устав сей обители и молебны правило, и житейское законоположение для оной опять-таки не сам придумал, а все по единственной воли Ее, из уст в уста возвещенной ему, установил; но даже и не одной девицы в оную по своему личному желанию, избранию или усмотрению не принял, а хотя и принял иных, но когда Матерь Божия не одобряла его выбора, возбраняла ему в том, то он уже не держал их более тут, а отсылал в другую общину к Ксении Михайловне, чем самым и мне объяснены и явственны различие между ними и их несметную раздельность и полную друг от друга независимость и всецелую каждой из этих общин фундаментальную самостоятельность”».

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 года устроен колодезь, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи него, существует прежний богословский колодезь.

Через несколько дней после этого явления Матери Божией, а именно 9 декабря, пришли к отцу Серафиму две любимые им Дивеевские сестры, Параскева Степановна и отроковица Мария Семеновна. Не без устройства Божия и воли Богоматери явились именно они в этот день. Отец Серафим объявил им, что они должны с ним идти в дальнюю пустынку. И вот, как записано (в тетради № 6) за рассказывавшей Параскевой Степановной, они втроем вышли из Сарова, как только ударили к утрени, и пришли к источнику Матери Божией, когда заблиговестили к поздней обедне. Дорогою батюшка упоминал о том, что уже 12 лет, как он вышел из своего затвора (т.е. открыл дверь келии для приходящих) и не ходил этими местами. Подойдя к источнику, он объяснил, что колодезь и столбики сделаны им самим. Из этого можно заключить, что с 25 ноября по 9 декабря отец Серафим работал у источника этого, вырывал колодезь, обкладывал срубом и т.д. Тут же отец Серафим совершил чудо целебною водою источника. Как рассказывала Парасковья Степановна, она давно, постоянно кашляла, и батюшка, видя

это, обратился к ней со словами: «Зачем ты кашляешь, брось, не надо!» — «Не могу, батюшка!» — ответила больная. Тогда отец Серафим почерпнул воды из источника своей рукавичкой и напоил Прасковью Степановну, которая немедленно перестала кашлять и навсегда излечилась от этой надоедливой болезни. От источника они прошли в лес и к дальней пустынке. Когда они вошли в хижину, то отец Серафим подал им две зажженные восковые свечи, из взятых с собою по его приказанию вместе с елеем и сухарями, и велел стать Марии Семеновне с правой стороны распятия, висевшего на стене, а Прасковье Степановне — с левой. Так они стояли более часа с зажженными свечами, а отец Серафим все время молился, стоя посредине. Помолясь, он приложился к распятию и им велел помолиться и приложиться. После этого сестры целый день чистили вместе с батюшкою погреб возле пустынки и вечером пошли обратно в Саров.

Некоторые полагали, что в этот знаменательный день первого выхода в дальнюю пустынь отец Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил *первую мысль* об устройстве для нее мельницы (см. Саровское изд. 1893 г. стр. 84), но это ошибочное мнение. Мы видели, что отец Серафим не допускал иметь *своей мысли* и в таком важном и необыкновенном деле, как основание обители? и руководствовался лишь приказами Пресвятой Игумении, Матери Божией. Нам думается, что отец Серафим перед началом построения мельницы и основания новой общины хотел где-нибудь наедине помолиться с такими сестрами, которых Матерь Божия избрала на особое служение Ей и обители. Как известно, Прасковья Степановна была назначена первою старшею мельничихой Дивеевской обители, а Марья Семеновна, вскоре как 19-летняя схимонахиня Марфа представившаяся пред Господа, была назначена, по слова отца Серафима, начальницею над Дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Божией Матери. Позволяем себе думать, что и во взаимной молитве — основателя обители и двух ее начальниц, на земле и на небе, был великий и сокрытый в то время смысл, понятный лишь одному святому старцу.

Начиная с этого дня (т.е. 9 декабря), рассказывала Прасковья Степановна, батюшка весь год сам трудился, готовил столбы и лес для мельницы и Дивеевские сестры работали у него, для чего

в своей дальней пустынке он сложил печь, чтобы они здесь отдыхали после трудов.

В 1826 году в тот же день, 9 декабря, Зачатия Божией Матери, были привезены в Дивеево на Саровских лошадях столбы и бревна к месту, предызбранному для нового поселения сестер. Весь материал был приготовлен отцом Серафимом, а затем и самим сестрам дано благословение вывозить Саровский лес для мельницы. Так как земля, предназначенная для постройки мельницы, принадлежала г-ну Баташеву, то отец Серафим посылал Прасковью Степановну на Илевский завод к его приказчику. Прасковья Степановна рассказывала, что она пятнадцать раз ездила на завод с сестрою Марьею Семеновною, но не могла добиться милости. Царица Небесная устроила так, что генеральша Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, приехала в Саров к отцу Серафиму. Старец стал просить у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью обещала уступить ее, взяв этот участок на свою долю, но, однако, позабыла заявить о том главной конторе, в ведении которой была земля. Тогда батюшка просил из конторы отнестись к генеральше Постниковой и вскоре получилось письменное заявление Веры Андреевны о пожертвовании ею одной десятины земли. Затем впоследствии генеральша Постникова вместо одной десятины подарила три. Отец Серафим несказанно утешился таким милосердием Божиим и приказал сестре Елене Васильевне Мантуровой написать ей от него благодарственное письмо и послал в благословение сухариков. Только зимою 1829 года была отмежевана эта земля, и тогда, весною, отец Серафим приказал сестрам этот участок земли обрыть канавкою.

О радости батюшки отца Серафима, когда он получил в подарок три десятины земли, свидетельствует нам и любимая батюшкой сестра Ксения Васильевна. Когда она пришла к отцу Серафиму, он весь сияющий, воскликнул: «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы, вот мы тут мельницу-то и поставим!»

Только что повествовавшую нам сестру Ксению Васильевну, весьма молодую в то время, отец Серафим послал в город Арзамас купить жерновые камни для мельницы. Боялась неопытная девушка браться за такое непосильное поручение, но отец Серафим приободрил ее, вперед рассказал, как ей следует ехать,

кто встретится, к кому придется обратиться и т.д. Созная, что они живут постоянными чудесами, Ксения Васильевна решила поехать и исполнила приказание святого отца. Но только она вернулась, как батюшка объявил ей, что Царица Небесная приказала иметь два постава на мельнице, один во имя Господа Иисуса Христа, а другой в Свое имя, а потому ей следует отправиться в село Хохлово, к знакомому ему торговцу, чтобы там купить по случаю большого размера камни. Ксения опять смутилась, ибо не знала дороги в село Хохлово, проходящей все время по лесу, и никогда не встречала у батюшки этого торговца, но, послушная слову старца, она со страхом направилась к означенной деревне. Дорогой, никого не встречая, Ксения сомневалась, так ли идет она, но затем заметила, что перед нею летало несколько желтых птичек, которые отлетят и сядут, а когда она подойдет к ним, снова вспорхнут и сядут на известном расстоянии по дороге. Тут она поняла, что птички посланы ей указывать путь, и продолжала идти уже весело и радостно. Придя в село Хохлово, она обратилась с вопросом к крестьянину, который смазывал свою телегу и приготовлялся в путь. Оказалось, что перед ней стоит именно тот торговец, к которому послал ее батюшка. Так исполнила Ксения и второе поручение.

Михаилу Васильевичу Мантурову отец Серафим приказал вести всеми работами. С 1825 года стал посещать батюшку и отец Василий Садовский, которого великий старец очень полюбил и затем постепенно вел по пути духовного совершенства. В своих записках отец Василий рассказывает, что когда он в первый раз пришел к отцу Серафиму, то старец начал поучать его, как следует руководить духовных детей и сестер обители, а затем, прося его, в свою очередь, их не оставить, сказал восторженно: «Как нам оставить великое это Божие дело и тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна! Ведь она была великая жена, святая, смирение ее было неисповедимо, слез источник непрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная! Одежду носила самую простую, и то многослойную, и опоясывалась кушачком с узелком; а как идет бывало, то госпожи великие ее ведут под ручки, столь за жизнь свою была всеми уважаема! Так как же нам презреть ее прошения! Я ведь теперь один остался из тех старцев (разумеая строителя

Пахомия и казначея Исаию), коих просила она о заведенной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!»

Отец Серафим в духовно-назидательных беседах своих с приходскими часто говорил: «Матушка Агафья Семеновна великая жена и всем нам благотворительница была и столь изобиловала благодатию Божиею, скажу вам, что удостоилась дара духовного, имея слез источник непрестанный такой, что в бытность ее здесь в Сарове, во время служб церковных, становясь в теплом соборе, против чудотворной иконы Живоносного Источника, из глаз ее текли не слезы, а источники слез, точно она сама соделывалась тогда благодатным источником этих слез! Великая и святая жена была она, матушка Агафья Семеновна, вельми великая и святая!»

Сестра обители Дарья Зиновьевна свидетельствовала (Летопись, тетрадь № 4), что отец Серафим говорил ей лично, в присутствии старицы Анны Алексеевны и отца Павла, соседа своего по келии в монастыре, передавая два больших пука свеч, белых и желтых: «Вот, батюшка, смотри, — я им даю свеч в воспоминание матушки Александры! Она святая была! Я и сам доныне ее стопы лобызаю! Теперь пока ничего у вас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет, тогда все у вас явится; как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!»

Отец Серафим, по свидетельству многих лиц, говорил о будущем Дивеева, заповедуя всегда ходить и служить Казанской церкви и никогда не называть ее приходскою, так как со временем она присоединится к монастырю и будет теплым, зимним собором обители. Он положительно предрекал, что со временем, по Божиему изволению, должны в обители почивать открытыми святые мощи матери Александры, и приказывал всем каждый день утром и вечером ходить кланяться ее могиле, произнося при этом: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мне было прощено, как ты прощена, и помяни меня у престола Божия!»

Известно, что отец Серафим говорил также Елене Васильевне Мантуровой, Марии Семеновне Мелюковой, Дарье Зиновьевне, Екатерине Егоровне о том, что матушка Александра почивает в

мощах, ныне же мы имеем обратное свидетельство лишь от престарелой Ксении Васильевны Прутковской, т.е. монахини Капитолины, которая не подтверждает показаний покойных сестер и, в свою очередь, свидетельствует, будто отец Серафим ей говорил, что мать Александра достигла великого и находится вблизи Святой Троицы, но не почивает в мощах. Будущее покажет, чьи слова были справедливы.

Старица Екатерина Егоровна, впоследствии монахиня Евдокия, рассказывала (Летопись, тетрадь № 4), что отец Серафим на слова ее, «что гроб матери Александры у приходской церкви», так заметил ей: «Что это ты, матушка, говоришь, чего выдумала, какая там приходская церковь?! Нет у нас приходской церкви и никогда не могли так говорить, матушка! Церковь Казанская наша церковь, нам матушка Александра и созидила, она и мощами своими тут почивать будет; и никогда так не можете называть ее — приходскою!»

Старица Прасковья Ивановна, впоследствии монахиня Серафима, показала, что отец Серафим не задолго до своей кончины говорил ей (Летопись, тетрадь № 4): «У вас, матушка, первоначальница-то мать Александра больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобызаю! Вот она обитель заводила, а я возобновлю! Она почивать в мощах у вас будет, матушка!»

Старице Устинье Ивановне, впоследствии монахине Иларии, отец Серафим говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Если бы ты знала только, матушка, какая великая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители, ты бы не скучала! Одежда ее была многосвешная, плат ветхий, и зеницы ее не просыхали от слез! Я сам и доньше стопы ее лобызаю! Каждодневно ходи на ее могилу и проси ее помянуть тебя у престола Божия!»

Старице Евдокии Ефремовне, впоследствии монахине Евпраксии, удостоившейся с отцом Серафимом посещения и видения Матери Божией в день Благовещения, батюшка так говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Теперь будете скорбеть, да скорбеть, никакой отрады, а после зато, как Господь мощи-то откроет, радость будет великая!»

Мы привели здесь все эти показания покойных сестер ввиду существующего разногласия о предсказаниях отца Серафима на-

счет открытия мощей матери Александры и чтобы охарактеризовать этот почему-то спорный вопрос.

Из беседы отца Серафима с отцом Василием Садовским в 1826 году, находящейся в записках последнего, явствует, что батюшка лично желал назначить начальницею своей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову. Так пред постройкою своим девушкам «мельницы-питательницы», как всегда выражался старец, призвал он священника отца Василия, который застал отца Серафима сидящим у своего источника грустным, скорбным. Вздыхая, батюшка произнес: «Старушка-то (т.е. матушка Ксения Михайловна) у нас плоха! Кого бы нам вместо нее-то, батюшка?!» — «Кого уже вы благословите...» — ответил недоумевающий отец Василий. «Нет, ты как думаешь?! — переспросил старец. — Кого? Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?» Но отец Василий и на этот вторичный вопрос батюшки ответил: «Как вы благословите, батюшка». — «Вот то-то, я и думаю Елену-то Васильевну, батюшка; она ведь словесная! Вот потому я и призвал тебя. Так ступай-ка ты, да и присылай ее ко мне», — сказал отец Серафим.

Когда к нему пришла Елена Васильевна, батюшка в восторге объявил ей, что она должна быть начальницей его обители. «Радость моя! — сказал отец Серафим. — Когда тебя сделают начальницей, то тогда, матушка, праздник будет великий и радость у вас будет велия! Царская Фамилия вас посетит матушка!» Елена Васильевна страшно смутилась. «Нет, не могу, не могу я этого, батюшка! — ответила она прямо. — Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницею — не желаю, и не могу я быть, батюшка!»

Несмотря на это, отец Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и перевел в нее семь первых девушек, приказал во всем им благословляться и относиться к Елене Васильевне — начальнице их, хотя она так и осталась до самой смерти своей жить в Казанско-церковной общинке. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что даже и перед смертью своей она твердила, как бы в испуге: «Нет, нет, как угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, как буду от-

вечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, и послушать его в этом никак не могу!» Однако отец Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, называл всегда: «Госпожа ваша! — Начальница!» Вообще начальствование Елены Васильевны было и осталось загадочным и непонятным, так как вскоре она чудесно скончалась.

Весною 1827 года начали строить мельницу, а летом 7 июля, накануне праздника Казанской Божией Матери, она замолоча.

В этом же, 1827 году отец Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказаниями и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины, да свадьбы, не приходится, ведь они девушки; Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафья Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Ее Единородного, сиротам моим!» У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать все свое достояние Господу, и такие деньги были несомненно угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создавалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

— Благословите, батюшка! — ответил Михаил Васильевич и тотчас приступил к хлопотам о разрешении постройки и по приготовлению материалов, на что требовалось в такой глухой местности много времени.

Отцу Серафиму предлагали несколько раз выстроить Дивеевским сестрам храм, но он отвергал приносимые деньги, как «не чистые и не угодные Царице Небесной».

«Запомни раз навсегда: не всякие деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери! И не всякие деньги попадут в обитель мою, матушка! Мало ли что, другие бы и рады дать, только возьми, да не всякие-то деньги примет Царица Небесная. Смотря какие

деньги; бывают деньги обид, слез и крови! Нам такие не нужны, мы не должны принимать их, матушка!»

Построив мельницу-питательницу сирот своих, как батюшка отец Серафим называл ее, он перевел в нее, по приказанию Божией Матери, семь сестер из общины матери Александры. Восьмой батюшка считал Елену Васильевну, как сказано в прошлой главе. До глубокой осени жили эти семь сестер на мельнице, не имея еще келии. Вот список этих семи сестер: первая — Прасковья Степановна Шаблыгина, с которой молился отец Серафим 1 декабря 1825 года в дальней пустынке. Она была девушка из крестьян деревни Вертьяново (впоследствии монахиня Пелагея); вторая — Евдокия Ефремовна, девица из крестьян села Аламасова (впоследствии монахиня Евпраксия) высокой жизни, удостоившаяся быть в 1831 году в день Благовещения при посещении отца Серафима Царицей небесною со святыми; третья — Ксения Ильинична Потехина, крестьянская девица деревни Вилейки (впоследствии последняя начальница мельничной общинки и благочинная Дивеевского монастыря, монахиня Клавдия); четвертая — Ксения Павловна; пятая — Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима); шестая — Дарья Зиновьевна и седьмая Анна Алексеевна. Для духовного руководства отец Серафим поручил их всех новому Дивеевскому священнику отцу Василию Садовскому, которого назначил быть и духовником для них, говоря, что на это есть воля Божия, Царицы Небесной и его благословение. Избранные сестры были из числа тех дев, которые в прежнее время самим старцем определены в общину Агафии Семеновны Мельгуновой. Не имея еще келии, сестры до глубокой осени жили на самой мельнице и занимались работами. В конце же октября построили свою келию, в которой одной и поместились все. Через непродолжительное время отец Серафим приобрел для них житницу и поставили ее против келии. После сего он благословил им строить и другие келии для вновь приходящих сестер. Строения отец Серафим распорядился вести в две линии, так, чтобы мельница приходилась в середине или против промежутка. Около года, по заведении мельничной общины, сестры ходили за трапезу в прежнюю обитель и не мало им было скорби от таких странствований. Потом отец Серафим благосло-

вил им печь хлеб и варить квас у себя, отдельно от Дивеевских, и сам пробовал их стол, который изредка приносили ему, по его желанию. Раз сестра Параскева Ивановна, после трудов в лесу, вкушала вместе с отцом Серафимом в обеденное время сухой хлеб с водою. Старец заметил: «Это еще, матушка, хлеб насущный; а когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячею водою, так и вкушал. Это пустынная пища и вы ее вкушайте». С тех пор по благословению старца в общине стали готовить снить, отваривая ее в воде с солью. Сверх того, когда сестры бывали у него, он, после духовного утешения, отпускал их обратно не иначе, как с ношею сухарей или толокна. Одна из сестер, имя ей Мария Ивановна, назначена была для приготовления трапезы.

Вскоре одна из семи мельничных сестер Ксения Павловна скончалась, и отец Серафим через три года начал присылать в свою обитель новых сестер, но не иначе как девиц. Н.А. Мотовилов свидетельствует в своих записках, что отец Серафим ему объяснил это установленное им правило поступления в мельничную обитель так: «Как я и сам — девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одне девушки!» Вдовиц, желающих поступить в обитель, отец Серафим посылал к начальнице Ксении Михайловне. В то же время батюшка отец Серафим, считавший начальницею мельничной обители Елену Васильевну Мантурову, добавил сестер до 12-ти; так, восьмой определил Прасковью Семеновну Мелюкову, крестьянскую девицу деревни Погибловой, старшую сестру Марии Семеновны; девятой — любимицу свою Ксению Васильевну Путкову (впоследствии монахиня Капитолина); десятой — Анисю Семеновну; одиннадцатой — Агафию Ивлеву и двенадцатой — Екатерину Егоровну. «Вино новое вливаю в мехи новые!» — сказал отец Серафим (записки Н.А. Мотовилова) и повел жизнь своих мельничных сестер на новых началах, по уставу, данному Самой Царицей Небесной. Сестры должны были вести строгую жизнь и заниматься кроме духовных подвигов физическими трудами. Для работ, непосильных девице, при мельнице находился еще старец работник. Найдя правило Саровских иноков, которого со всею строгостию держались в общинке матери Александры, непосильным, трудным, отец Серафим дал повсед-

невное правило, преподанное ему Богородицею. Встав утром, следовало прочесть: один раз Достойно, трижды — Отче наш, трижды — Богородице Дево радуйся, Символ веры, потом два поясных поклона с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!, поклон поясной с молитвою; Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!; после сего два поясных поклона с молитвою: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Госпожою Девою Мариєю, Богородицею помилуй мя грешную! и поясной же поклон с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Госпожою Девою Мариєю Богородицею помилуй нас грешных! В заключение этого правильца: стоя на коленях, двенадцать поясных поклонов с молитвою: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас грешных! и точно так же на коленях, двенадцать поясных поклонов с молитвою: Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси нас грешных! Затем читать утренние молитвы. Для трудящихся сестер можно прочитывать все это даже на ходу, в работе.

До обеда постоянно читать про себя молитву Иисусову, а после обеда — до ночи: Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси нас!

Вечернее правило: прочитать 12 избранных (изобразительных) пустынными отцами псалмов, потом помянник, поучение и 100 поясных поклонов с молитвою: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас грешных! и сто же поясных поклонов с молитвою: Владычица наша Пресвятая Богородице, спаси нас грешных! Затем повторить утреннее правильце.

На ночь должны читать опять это же правильце с молитвами на сон грядущий.

Божия Матерь запретила отцу Серафиму делать обязательным чтение Акафиста, дабы этим самым не наложить тяжести и лишнего греха на чью-либо душу.

В воскресенье дана заповедь отцом Серафимом служить пред литургией *неопустительно* Параклис Божией Матери, весь нараспев, по нотам.

Затем отец Серафим приказал неопустительно исповедоваться и приобщаться во все посты и, кроме того, Дванадцатые праздники, не мучая себя мыслию, что недостойн, «так как не следует пропускать случая, как можно чаще пользоваться благодатию,

даруемое приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь, по возможности, сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступить к искупляющему все и всех Святому Таинству».

На все начальнические послушания отец Серафим приказал назначать только девиц и никоим образом не вдов; также и в церковные должности, которые обязательно должны все быть исправляемы сестрами мельничной обители.

В заключение отец Серафим еще повелел, чтобы сестры кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью, но никогда не жили в одиночку, не были одни ни в келии, ни в дороге.

Этот устав целиком помещен в записке Н.А. Мотовилова, который несомненно и сам его исполнял, по любви к отцу Серафиму и привязанности к Дивеевской обители, но в саровских изданиях жизнеописания отца Серафима он изложен кратко, неправильно и ровно ничего не выясняет (1843 г., стр. 109).

«Говоря вообще о будущем и о всеобщей слабости к концу рода человеческого, особенно же о нашей женской-то немощи, не приказывал батюшка изнурять себя непосильными ныне подвигами поста, по древнему обычаю; батюшка велел более всего бояться, бегать как от огня, и храниться от главнейшего — уныния. “Нет хуже греха, матушка, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния!” — говорил батюшка Серафим, почему и приказывал всегда быть не только сытой и кушать вволю, но и на труды брать с собою хлеба. “В кармашек-то свой и положи кусочек, — говорил он, — устанешь, умаешься, — не унывай, а хлебца-то и покушай, да опять за труды!” Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеба. “Найдет на тебя уныние, да раздумье, матушка, — говорил отец Серафим, — а вы хлебушка-то выньте, да и кушайте, уныние-то и пройдет, хлебушек-то и погонит его, и сон после труда вам хороший даст он, матушка!” Поэтому батюшка строго воспрещал когда-либо и кому-либо отказывать в хлебе. Вот и случилось следующее: У нас в трапезе была стряпухой строгая-престрогая сестра; и всем она была хорошая сестра, да как еще то было при матушке Ксении Михайловне в старой обители, а матушка-то Ксения Михайловна, не тем будь помяну-

та, была очень скупенька, то всегда и бранила и выговаривала ей, что все скоро выходит, что всего много надо, так бывало и не было того, как впоследствии у нас, чтобы после трапезы да кому дать кусочек и Боже упаси! Так строго заведено было, что, по правде, частенько сестры-то друг у друга хлебец тихонько брали. Вот и узнал это батюшка Серафим, да и потребовал ее к себе. Пришла она, и я в то время была у батюшки. Отец Серафим разгневался на нее и так страшно, строго и грозно ей выговаривал, что страх и ужас охватил меня. “Что это, матушка, — говорил он, — я слышу ты вволю поесть не даешь сиротам!” — и пошел... а она-то, так и сяк оправдывалась перед ним, объясняя, что-де начальница не велит и строго с нее спрашивает! А батюшка все свое: “Нет, говорит, нет, матушка, нет тебе от меня прощения! Так что ж, что начальница, не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю! Пусть начальница-то говорит, а ты бы потихоньку давала, да не запирала, тем бы и спаслась! Нет, матушка, нет тебе моего прощения! Чтoб сиротам моим, как хочешь, а всегда бы хлебушко был и кушали бы они вволю! И делать того не моги!” Бедная сестра так и ползала на коленках у ног батюшки, но он со скорбью грозно говорил: “Сиротам хлеба не давать! — нет, матушка, нет тебе от меня прощения!” С тем и ушел батюшка, не благословив сестру. Выговор этот, видно, так запал ей в душу, что как пришла она бедная домой, вскоре начала хворать, зачахла и потом умерла.

«А как батюшка Серафим не терпел, чтобы кто трогал, либо обижал кого из Дивеевских, — говорила сестра Ксения Васильевна (рассказ № 28). — Как сейчас помню, был в Сарове монах Нафанаил, лучший иеродиакон. Келию он имел в монастыре возле самой батюшкиной келии. Часто требовал к себе Дивеевских-то, батюшка; не разбирая, бывало, ни дня, ни ночи, только и знаем мы, то к батюшке, то от него ходим в Саров или в Дивеево. Придешь, бывало, к нему утром, да и стоишь ждешь, дверь-то заперта, а Нафанаил-то увидит, выйдет и скажет: “Что старик-то морит, да морозит вас! Чего стоять-то, когда еще дождешься, зайдите-ка вот ко мне, да обогрейтесь!” Ну, иные, по простоте-то, и ходили было, слушая его уговоры. И дошло это до батюшки и растревожился же он и страшно разгневался! “Как, говорит, как, он хочет сироточкам моим вредить! Не диакон же он после этого нашей

обители. Нет, нет, от сего времени он не диакон нашей обители!» Долго повторял батюшка, растревоженный, каким я его никогда еще и не видала, ходя по своей келейке. И что же, ведь чудо-то какое! стал вдруг с этого времени пить иеродиакон Нафанаил, да все больше и больше; недели через три и выслали его, отдали под начало, да так и пропал совсем. Вот сколько, сколько раз, за долгую жизнь мою вспоминаю я всегда батюшку; как только кто тронет ли Дивеево или кого-нибудь из нас Дивеевских, то не минует того, непременно кончит больно дурно и в беду попадет».

Эти факты только подтверждают, что отец Серафим защищал обитель Самой Царицы Небесной, в которой Она считается Владычной Игуменьей. За оскорбление Самой Царицы Небесной или Ее избранных люди должны быть наказуемы; того требует правда и справедливость Божия. Прозорливость отца Серафима излечивала сестер от посылаемых искушений, а пророчества старца заставляли их терпеть нужды, неустройство обители и надеяться на хорошее будущее. Так свидетельствует старица Ирина Семеновна (Летопись № 6, рассказ 53-й), что однажды она с сестрою (Евдокия Трофимовна, или монахиня Евстолия) работала у батюшки отца Серафима, и вечером, после работы, он отпустил их домой, с приказанием возвратиться наутро; следовательно, им пришлось, усталым, еще пройти 24 версты. Одна из сестер возроптала на батюшку и сказала: «Что это он нас гоняет. Это нестерпимо, уйду я в другой монастырь!» Другая сестра, заразаясь ее примером, также сказала: «И я с тобою уйду!» Но несмотря на это смущение, сестры побоялись послушаться батюшки и наутро возвратились к нему. Приходят, а он на берегу речки Саровки сажал картофель в грядки; благословил их и сел на колоду. «Вот, матушка, — начал отец Серафим, — что я вам скажу: шел старец с послушником, сам смутился, да и молодого послушника смутил!» Сестры, пораженные его прозорливостью и обличаемые своею совестью, упали ему в ноги, со слезами признались ему во всем и просили прощения. С отеческою любовью простил их батюшка и, посадив возле себя на колоду, продолжал свою беседу. «Вот, матушка, — говорил он, — когда у нас будет собор, тогда Московский колокол Иван Великий сам к нам придет! Когда его повесят, да в первый-то раз ударят в него и он загудит, — и батюшка изобразил голосом, — тогда мы с вами проснемся! О! во, матушки вы

мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то, со всех сторон, со всех сторон!» Помолчав немного, продолжал батюшка: «Но эта радость будет на самое короткое время; что далее матушки, будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!» — и светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение. Опустя голову, он поник долу и слезы струями полились по щекам.

Великий прозорливец все-таки утешил сестер, бедствующих в мельничной обители, тем, что у них будет собор, и придал им силы. Остальное пророчество касалось состояния обители к концу мира, и много раз повторял он его сестрам, еще с большими подробностями в последние два года своей жизни.

Ввиду важности следующего рассказа, приведем еще подлинные выражения старицы Устиньи Ивановны (тетрадь № 1). «Однажды сестра обители нашей, Мария Семеновна, говорит мне, — начала она, — что батюшка Серафим многое предсказывал о нашей обители, что случится в последствии времени. Предвидя раннюю ее кончину, он приказывал слышанное от него передать мне. Очень много чудного, утешительного в устройстве обители говорил ей батюшка в то время, когда только сделано было основание ее — мельница и одна келия поставлены. Мария Семеновна рассказывала мне так, как приняла это от батюшки Серафима, но по моей плохой памяти и давно прошедшем времени (25 лет), я не могу все рассказать, а вот что хорошо помню: в один летний день Мария Семеновна привела меня к Казанской церкви, тут стояли и другие сестры, и, показывая на все это место, сказала: “Вот помните, церковь эта будет наша, приходская же церковь будет выстроена на другом месте; при ней построятся и духовенство прихожан”. Здесь же, говорил батюшка Серафим, будет Лавра, а где канавка — там киновия. Церковь ваша кладбищенская будет во имя Преображения Господня. Я, говорит Мария Семеновна, сказала: «Батюшка, кажется, на кладбищах более бывают церкви во имя всех Святых?» Еще батюшка сказал Марии Семеновне: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно вам, мог бы и золу превратить в золото, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее же время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец».

Построение церкви во имя Рождества Христова в Дивееве. Официальное уведомление о пожертвовании трех десятин земли генеральшею Постниковой и праздник по этому случаю в Дивееве. Отмежевание земли зимою и опахивание ее весною. Приказание вырыть канавку и объяснение отцом Серафимом значения ее. Целебный лук. Обучение отцом Серафимом Анны Михайловны Мантуровой чтению славянского письма. Чудо с лампадами в келии отца Серафима. План будущих построек в Дивееве, начерченный самим отцом Серафимом, и предсказания по нем. Приготовление к освящению храма: поездка М.В. Мантурова в Нижний Новгород. Освящение церкви Рождества Христова 6 августа 1829 года. Желание отца Серафима выстроить в низу этой церкви другую, во имя Рождества Богородицы и переговоры о том. Жизнь, кончина и погребение Марии Семеновны Мелюковой — схимонахини Марфы. Поездка отца Василия Садовского и Е.В. Мантуровой в Нижний Новгород в 1830 году за разрешением освятить церковь Рождества Богородицы. Освящение церкви Рождества Богородицы 8 сентября 1830 года.

Все, что касается построения и освящения церковей Дивеевской обители во имя Рождества Христова и Рождества Богоматери, нам известно из записок духовника обители протоиерея отца Василия Садовского и отчасти из рассказов, записанных за стариками того времени.

«Зиждителем церкви, — пишет отец Василий, — с благословения батюшки Серафима, был Михаил Васильевич Мантуров, муж богобоязненный и боголюбивый, весь горевший к Царице Небесной любовью. Исцелив его от смертельной болезни, в отблагодарение за то Богу, приказал ему батюшка, взяв на себя самопроизвольную нищету, продать все имение свое и на полученные за то деньги выстроить церковь для мельнично-девической общины. Тут же и занялся этим делом Михаил Васильевич; а так как в то время еще и места на заготовление всего для того нужного в Дивееве не было, то и кирпичи и все припасы для постройки церкви привозились и складывались в моем доме».

Летом 1829 года церковь во имя Рождества Христова должна была окончиться постройкой, так как закладка состоялась по благословению преосвященного Афанасия, епископа Нижегородского, в 1828 году. Храм этот строился в связи с колокольною

Казанской церкви с западной стороны и предполагался сперва одноэтажный, на высоком фундаменте.

В посту 1829 года наконец пришло официальное распоряжение Баташевской конторы о жертве трех десятин земли, по просьбе батюшки Серафима и обещанию генеральши Постниковой, Дивеевской обители. Отец Василий свидетельствует, что отец Серафим был в таком восхищении и в такой радости, что и сказать нельзя. Михаилу Васильевичу Мантурову, бывшему тогда в Сарове, он дал кадочку меда и приказал, чтобы все сестры собрались и когда обойдут эту землю, то скушали бы мед с мягким хлебом. Когда же начнут обходить эту землю, то ввиду глубокого снега запастись камешками и класть их между колышками, расставляемыми землемером. Отец Серафим говорил, что, когда растает снег, колышки упадут и некоторые затеряются или на другое место вода снесет, а камешки останутся на своем месте. Приказание его было, разумеется, исполнено в точности. На торжестве присутствовали начальница церковно-Казанской обители Ксения Михайловна, М.В. Мантуров, отец Василий и Саровский послушник Иоанн Тихонов.

В XIV главе Летописи мы ознакомимся с послушником Иоанном Тихоновым, выдававшим себя впоследствии за келейника и ученика батюшки Серафима, который никогда не имел ни келейников, ни учеников, но пока приведем подлинные слова отца Василия о нем:

«Саровский послушник Иоанн Тихонов, когда узнал о сем торжестве, попросил М.В. Мантурова, дабы он попросил отца игумена Нифонта об увольнении его в Дивеево, ибо у него в общине при мельнице была двоюродная сестра, как бы для свидания с нею, а не то чтобы собственно на торжество отвода земли, как то неправильно им печатается».

После этого отец Серафим приказал сестре обители Елене Васильевне Мантуровой от имени его и Дивеевской общины написать письмо генеральше Постниковой и поблагодарить. Батюшка послал ей от себя в благословение сухариков. Весною отец Серафим велел опахать эту землю сохой, по одной борозде три раза, причем должны были присутствовать Михаил Васильевич Мантуров, отец Василий и старшие сестры. Землю спихивали по положенным по меже камешкам, так как многие колышки дей-

ствительно затерялись или оказались на других местах. Когда же земля высохла совершенно, то отец Серафим приказал обрыть ее канавкою в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать во внутрь обители, чтобы образовался вал также в три аршина. Для укрепления вала он велел на нем насадить крыжовник. «Когда так сделаете, — говорил батюшка, — никто чрез канавку эту не перескочит».

Далее отец Василий Садовский говорит в своих записках: «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так, что канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придет, везде пройдет, и канавки этой не перескочит! Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали; огонь брызгал от земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказал хоть на один аршин или хотя бы и на пол-аршина рыть, только бы почин сделали, а там после дороют!»

Первая старшая мельничной обители Прасковья Степановна свидетельствует (тетрадь № 6), что много чудного про эту канавку говорил батюшка Серафим. «Вот, матушка, — говорил он мне, — знаете, что место это сама Царица Небесная избрала для прославления имени своего. Она всегда, во веки будет вам стена и защита, и Антихрист не сможет перейти ее!»

Старица Анна Алексеевна, одна из первых двенадцати сестер, рассказывает (тетрадь № 6): «Шесть лет жила я на мельнице, куда нас семерых избрал батюшка Серафим, где и поместил жить нас. Тут была я самовидицею следующего чуда. Самое это место, где теперь канавка, ровное и хорошее было место и на немею и приказывал батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коею прошла Матерь Божия Царица Небесная, в удел Свой взяв Дивеево! Слушать-то сестры все это слушали, да все и откладывали исполнить приказание батюшкино и не зарывали канавку. Раз одна из нас, чередная, по имени Мария, родная сестра покойной Акулины Ивановны Малышевой, ночью, убираясь, вышла зачем-то из келии и видит, батюшка Серафим в

белом своем балахончике сам начал копать канавку. В испуге, а вместе и радости, не помня себя, вбегает она в келию и всем нам это рассказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидав батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыжка лежит перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта; поэтому-то самому и называется это *началом канавки*, так сам батюшка, видя нерадение и небрежение наше к исполнению заповеди его, начал и закопал ее. Тут уже все приложили старание, и так как очень торопил этим делом батюшка, то даже и лютой зимой, рубя землю топорами, всю своими руками, как приказывал он, выкопали сестры эту святую, заповедную нам канавку; и лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого).

«Была я у батюшки, — рассказывает Екатерина Егоровна (монахиня Евдокия), одна из двенадцати первых сестер, — и, поработав, ночевала в пустынке, не пустил он меня, а на утро-то, чуть свет, и посылает: “Гряди, гряди, говорит, матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают канавку рыть; я был там и сам начал ее!” Иду дорогой, да думаю: как же это батюшка-то говорит, что был? Должно быть ночью ходил. Прихожу, и рассказать-то еще не успела, а сестры встречают меня, рассказывают друг дружке, как на заре видели батюшку-то, как, обрадовавшись, бросились было к нему, а он и пропал, вдруг стал невидим! А я-то свое рассказываю им. Мы с канавкой-то все медлили, а тут уже дивясь все такому чуду уразумели, что сам батюшка назначил этот день, потому сам и начал. И уже не откладывая более, тут же принялись все рыть заповедную канавку».

Старица Прасковья Ивановна (монахиня Серафима) подтверждает вышеприведенный рассказ. «В числе семи переведенных из старой обители матушки Александры, что при Казанской церкви, на мельницу сестер, — повествует старица, — была батюшкой Серафимом переведена и я грешная. Жили мы все в маленькой при мельнице батюшкой же построенной келейке. Рано утром чередная, оставшаяся готовить пищу, сестра Марья Ивановна Малышева пошла в погреб и, увидав позади нашей келии стоявшую и горевшую свечу, с испугом разбудила она нас спящих. Мы скоро вышли и пошли вместе к тому месту, где огонь виделся.

Подходим ближе, да к величайшей радости нашей и видим батюшку Серафима; стоит он у горящей свечи с лопаточкой в руках и взмотыживает землю. Вне себя от восторга, думая, что пришел сам батюшка навестить нас, мы с криком все ему бросились в ноги, чтобы принять благословение, но, поднявшись, к удивлению нашему, батюшка стал невидим, и только вскопанная земля подтвердила нам его видение! Это было в тот самый день, в который благословил он нас начать рыть канавку, перед самым днем праздника Святые Троицы и сам таким образом освятил почин этого дела» (тетрадь № 6).

«О канавке говорил мне батюшка, — говорит сестра Ксения Васильевна (монахиня Капитолина) (тетрадь № 6, рассказ № 33), — да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел Себе обитель. Тут стопочки Царицы Небесной прошли! “Стопочки Царицы Небесной, матушка!” — так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. “Она, Матерь-то Божия, все это место обошла, матушка! Вы и землю-то когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет, да полтора ста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим и Киев!”».

В другом месте старица Прасковья Ивановна повествует: «У вас канавку вырыть надо!» — раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины и три же аршина вышины, корыто и не перелезут! На что, говорю, батюшка, нам ограда бы лучше! Глупая, глупая! говорит, на что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать, да монастыри разорять и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»

Старица Домна Фоминишна (монахиня Дорофея, тетрадь № 6, рассказ № 35) говорит, что еще мирскою она была на Пасху в Сарове у батюшки. Благословив ее, он послал жить к своим Дивеевским девушкам на мельницу, говоря: «Во, матушка, скажу я тебе, какая будет у нас там радость! Земля будет у нас своя и канавку оброем мы кругом обители! А когда мы ее оброем, бу-

дут к нам приезжать посетители, глинную с нее брать будут у вас на исцеление и будет нам она вместо золота! Потому радость-то такая, что эту самую землю-то, матушка, ведь Сама Царица Небесная избрала и нам исходатайствовала! В обитель мою много отослал я разных семян моим девушкам, также и много цветов; посеют они их и будут питать те семена, а цветы утешать и не о чем унывать вам будет!»

Старица Феодосия Васильевна сообщила следующее (тетрадь № 6, рассказ № 56): «Страдая падучею болезнью, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне: ступай, радость моя, в Дивеево рыть канавку; эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда и Антихрист-то придет, то канавка эта не допустит его туда! Батюшка, говорю я ему, я ведь больна, вот так-то и так-то! Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув голову мою, прочитал молитву. Тут же почувствовав себя совершенно здоровою, я поступила в обитель и болезнь не возвращалась ко мне уже более никогда».

Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) подтверждает рассказ о том, как отец Серафим сам ночью начал рыть канавку (тетрадь № 1).

Елена Васильевна Мантурова, несмотря на то, что считалась начальницею мельничной обители, трудилась наравне с прочими и рыла канавку. Отец Серафим говорил приходящим к нему сестрам, указывая на старание и труды ее: «Во, матушка, начальница-то, госпожа-то ваша, как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Михаил Васильевич Мантуров, строя для обители Рождественский храм, никогда ничего без благословения батюшки отца Серафима не делал. Так однажды нужно ему было о чем-то спросить отца Серафима и он, собравшись в Саров, зашел за отцом Василием Садовским, чтобы позвать его идти вместе. Было это во время Петровского поста. «Придя в Саров, — пишет отец Василий, — и узнав, что батюшка находится в ближней пустынке, что близ его источника, мы отправились сейчас же туда. Он нас встретил у самого источника, и Михаил Васильевич, приняв благословение, спросил о чем было нужно. Шагах в 6-ти от источника виднелась грядка недлинная, но широкая в пол-аршина выши-

ны, с зеленым луком. Батюшка и говорит: “Этот лук уже поспел, вырвите его!” Мы оба начали рвать, но батюшка, видя, что мы рвем с осторожностью, дабы не запачкаться, так как земля была сыровата, зашел в середину и стал между нами на коленочки, начал вырывать обеими ручками лук, приговаривая: “Вот как надо, батюшка!” И так серединой грядки прополз до конца, вырывая лук обеими руками, с обеих сторон, и по краям, сколько его на грядке ни было. Потом заставил омыть луковки, находившиеся в земле, у желоба, из которого текла вода, и когда это было сделано, то, навязав нам обоим этого луку по не малой ноше, приказал отнести в Дивеевскую обитель сестрам на трапезу, прибавив, чтобы и сами кушали сколько угодно, так как этот лук целебный. Что же? По приходе домой узнал от сестры Евдокии Трофимовны, что на эту грядку прошлый день они с батюшкой кузовами носили мох, лишь за несколько часов до нас, а по утру на ней увидели уже лук и мы вырывали этот лук во время вечерни. Какого он был вкуса, об этом и сказать невозможно; не теряя вкуса лука и душист он, и сладок, и приятен необыкновенно; чудный во всех отношениях лук и целебный, как оказалось это на жене моей, которую, вернувшись, нашел крайне больною и дав ей кстати принесенного лука, сказал: “Батюшка говорит, что это целебный лук, на-ка, поешь-ка!” Как только она вкусила этого за одну ночь выросшего лекарства, так и стала здорова).

Анна Михайловна Мантурова, жена Михаила Васильевича, сообщила много фактов из жизни отца Серафима и своего мужа. Между прочим она рассказывает (тетрадь № 1), как батюшка научил ее читать по-славянски. «Почти каждый раз, — говорила она, — как я бывала у батюшки, он мне говаривал: “Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!” — “Батюшка, бывало, отвечу я, да ведь я не умею читать по-славянски”, а он все свое, да свое, не внимая моим словам. “Читай, матушка, читай преподобную Матрону”. И это до тех пор твердил мне батюшка, пока я раз думаю себе, да надо же посмотреть-то хотя кой-как, что это за преподобная Матрона, что все толкует батюшка. Вот, достав книгу, я села читать. Диковинное дело, я немка природой, по-русски-то плохо читаю, по-славянски же никогда не читала, стала читать, да притом как легко, точно ученая, сама собою, не иначе как батюшкиными молитвами, потому что и теперь еще

помню, что-нибудь, бывало, в каком-нибудь сокращении, и потом не знаю почему вдруг мне покажется, что это не так я читаю, или выговариваю, а вот как надо, поправлюсь сама собою, скажу и выйдет действительно так. Вот таким-то образом и выучил меня читать батюшка по-славянски, а без него я бы, может быть, и теперь еще не знала бы читать».

«Раз, — рассказывал мне Михаил Васильевич, — быв у батюшки Серафима, они долго беседовали с ним, и во время беседы-то этой Михаил Васильевич вдруг видит, что сперва одна лампадка перед образом у батюшки сама собою зажглась, а потом и другая, и обе светло сами собою затеплились. Михаил Васильевич не мог в себя прийти от удивления и даже несколько испугался, что прозрел в нем батюшка. “Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся, то так должно быть”, — сказал отец Серафим».

О дальнейшей судьбе Дивеева батюшка отец Серафим говорил во время построения Рождественского храма следующее Елене Васильевне, Михаилу Васильевичу и Анне Михайловне Мантуровым, протоиерею отцу Василию Садовскому и еще многим старицам:

«Еще не было и нет примеров, чтобы были женские Лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве Лавра, — сказал батюшка. — Лавра-то будет кругом, т.е. за канавкою, в обители матушки Александры, потому что, как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а киновия будет только в канавке, и так как я, убогий Серафим, был девственник, то и в обители моей будут одне лишь девицы. Выстроится большой, холодный собор и будет и теплый. Эта Казанская церковь и место все будет монастырское, прихожанам дадут другое место, а так Казанская церковь, как есть и Рождественская, как есть, останутся как бы в центре, а кругом нее еще много места захватят приделами другими, и из нее большой, теплый собор выйдет и большая это будет пристройка наподобие Иерусалимского храма. С левой стороны Рождественской церкви будет непременно придел во имя Михаила Архангела. Каменная ограда, как есть, так и останется, только Казанская церковь войдет в ограду и стена продолжится вплоть до берега, где, пройдя немного берегом, пойдет к западу и тут, как раз против дома Мишеньки (Михаила Васильевича Мантурова) выстроится колокольня и будут под ней

святые ворота. Кругом обоих соборов будут каменные корпуса в следующем порядке».

Батюшка даже набросал первоначальный план, который, сохранный в подлиннике, вставлен в рамку и хранится у игуменьи Марии. Этот план батюшка писал в своей келии, на обрубке, что служил ему стулом; писал с Михаилом Васильевичем Мантуровым, стоя на коленках.

«С юга, против собора Св. Троицы, — говорит старец, — будет корпус треугольником; в этом корпусе одна из царского роду жить будет, батюшка. С севера собора Св. Троицы, напротив его точно такой же треугольником корпус, должен быть трапезой. Возле жилого треугольного корпуса с юга же корпус начальнический, правильным продолговатым четырехугольником. Напротив его с севера точно таким же правильным продольным четырехугольником должен быть корпус клиросный. С юга против Казанского собора, рядом с начальническим корпусом такой же продольный четырехугольный корпус — просто жилой. С севера против Казанского собора и напротив жилого такой же точно продольный четырехугольный корпус и тоже просто жилой. Опять с одной стороны корпус правильным треугольником, которого половина будет окнами в ограду; это будет жилая монастырская половина, а другая, отделенная стеной, окнами наружу, за, ограду, будет служить гостиницей. С другой стороны напротив точно такой же треугольный корпус, разделенный надвое и для того же употребления. Вот так-то у нас все и устроится, батюшка, и Лавра и киновия у убогого Серафима в обители-то и будет!»

Вернемся теперь к запискам протоиерея отца Василия Садовского о построении Рождественской церкви.

«В 1829-м году церковь эта была уже готова, — пишет отец Василий, — что поистине замечательно! Церковь во имя Рождества Христова, а освящалась в день Преображения Господня! Так пожелал батюшка Серафим, которому представили мы все препятствия к выполнению этого желания, так как: а) нет того положения, а потому и не знаем, неизвестно, как сочетать три службы — двух двенадцатых праздников и обновления храма; б) что в церкви нет еще ни одного образа и входа еще даже не сделано. На все это батюшка только отвечал: “Если церковь не будет освящена в этот день, то так и останется не освященною вплоть

до будущего года и опять же до праздника Преображения Господня, в который должна она быть освящена, потому что Господу так угодно, батюшка! А ты знаешь, что человеку невозможно, то Господу всегда и во всем!" И приказал батюшка от его же имени ехать Михаилу Васильевичу в Нижний, прося там Благовещенского монастыря архимандрита Иоакима приехать и непременно в этот день Преображения Господня освятить храм. "Скажи ему, батюшка, моим именем, — говорит убогий Серафим, — что так Господу угодно, батюшка!" Михаил Васильевич поехал, и что же? Как же то не чудо! Ведь знал дивный батюшка Серафим, кому и поручить столь затруднительное дело. Архимандрит Иоаким был первый что называется уставщик, а потому и нашел действительно возможным все исполнить по батюшкиному желанию, т.е. совокупив все три службы вместе, освятить храм в положенный на то батюшкой день, и так как устава на такой случай не было, он сам написал и составил его на эти службы, дабы соединить стихиры двух двенадцатых праздников вместе и с обновлением храма. Михаил Васильевич, по благословению батюшки Серафима, выхлопотав разрешение у Нижегородского преосвященного Афанасия, возвратился доложить батюшке. Приехал и о. архимандрит, а в храме-то нет ни иконостаса, ни даже входа!.. Как быть? Привезли уже наскоро два местных образа из села Лемети, кое-как приделали вход в храм, по приставленной лесенке, а батюшки Серафима желание и приказание было исполнено. Храм освятили Рождеству Христову и в самый день Преображения Господня! Таково было основание и сооружение верхней Рождественской церкви, по благословению Нижегородского Преосвященного епископа Афанасия и по опробованному плану строительного комитета, в связи с колокольною Казанского храма. План этот находится в монастырском архиве. Но этим храмом еще не все чудеса батюшки Серафима кончились; нет, вот что дальше было. Почти тут же, только уехал о. архимандрит, потребовал батюшка Серафим к себе Михаила Васильевича Мантурова и говорит ему: "Худо мы, батюшка, с тобой сделали; ведь мы храм-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас с тобой и нет! А Царица-то Небесная, батюшка, прогневалась на меня убогого Серафима и говорит: "Сына Моего почтил, а Меня позабыл!" Так вот что и удумал я, батюшка, нельзя ли нам

это исправить; нельзя ли внизу-то нам с тобою под церковью еще церковь сделать?” — “Уж и не знаю как?!” — отвечал совершенно озадаченный Михаил Васильевич... “К тому и места мало, да и ход туда, под крыльцо, как лазейка!.. Разве подкопать землю?” — “Во, во, батюшка! — воскликнул радостно отец Серафим. — Как ты хорошо удумал! Схлопочи-ка, батюшка, и будут у нас две церкви с тобою и Царица-то Небесная не прогневается на нас; да вот возьми-ка, я тебе и меру приготовил!” Батюшка Серафим подал ему нитку. “Если место как раз по ней выйдет, батюшка, то можно будет устроить придел и Царице Небесной!” Перетолковав вместе с батюшкой обо всем, уехал Михаил Васильевич. Мы с рабочими дивились только батюшке Серафиму, но видя, что иначе нельзя ничего сделать, как подкопать землю под церковью, Михаил Васильевич приказал копать. Когда же был готов подкоп и Михаил Васильевич стал по мерке, данной батюшкою Серафимом, вымеривать подкоп, то он пришелся как раз в раз по этой мерке. Мантуров поехал о том доложить батюшке. Радостно, в восхищении благодарил его старец и благословил строить эту новую церковь. Но так как свод потолка был очень полог и низок, то все увидали, что ему иначе нельзя держаться будет, как поставив четыре четырехугольных же здоровых, каменных столба, которые своею массивностью весьма утеснят церковь и без того маленькую, низенькую, почти что в земле вырытую. Михаил Васильевич поехал в Саров объяснить это батюшке Серафиму, а батюшка, как услышал это, преисполнился весь радостью неизреченною и в духовном восторге воскликнул: “Во, во, радость моя! Четыре столба — четверо мощей! Четыре столба — четверо мощей! Радость-то нам какая, батюшка! Четыре столба — ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!” И с неизъяснимою, неземною радостью и мне грешному и всем, кто лишь ни приходил к нему, восклицал батюшка угодник Божий: “Четыре столба — четверо мощей!”».

21 августа 1829 года Дивеевская обитель лишилась чудной, святой жизни отроковицы Марии Семеновны Мелюковой.

Мы говорили уже, что отец Серафим передавал этому своему духовному другу все тайны, касающиеся будущей славы обители, и даже откровения, получаемые им от Царицы Небесной со

строгим заповеданием молчания. Эта чудная отроковица была всегда погружена в ничем не рассеивающуюся молитву и во всем была руководствуема самим отцом Серафимом. Как примеры ее безусловного послушания рассказывали, что раз при вопросе родной сестры ее Прасковьи Семеновны о каком-то Саровском монахе, она удивленно и ребячески невинно спросила: «А какие видом-то монахи, Параша, на батюшку, что ли, похожи?» Удивленная в свою очередь вопросом сестры, Прасковья Семеновна ответила ей: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видала, что спрашиваешь?» — «Нет, Парашенька, — сказала смиренно Мария Семеновна, — ведь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафим мне приказывал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу».

Вот какова была этот ребенок-подвижник, проживший всего 6 лет в обители и 19-ти лет от рождения мирно и тихо отошедшая ко Господу. Предугадав духом час кончины ее, старец отец Серафим вдруг заплакал и с величайшею скорбью сказал отцу Павлу, своему соседу по келии и приятелю: «Павел! А ведь Мария-то отошла, и так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, все плачу!»

Батюшка отец Серафим пожелал ей дать от себя гроб, дубовый, круглый, выдолбленный. За ним поехала Прасковья Семеновна с Акулиною Васильевною. Сестра Прасковья Семеновна была сильно огорчена, и батюшка принял ее отечески, обласкал и приободрил. Затем, сложив вместе руки Прасковьи Семеновны и Акулины Васильевны, он им сказал: «Вы будете теперь родные сестры, а я вам отец, духом вас породил! Мария же схимонахиня Марфа, я ее посхимил! У нее все есть: схима и мантия и камилавочка моя, во всем этом ее и положите! А вы не унывайте, матушка, — произнес отец Серафим, обратясь к Прасковье Семеновне, — ее душа в Царствии Небесном и близ Святые Троицы у Престола Божия и весь род ваш по ней спасен будет!»

Кроме того, батюшка отец Серафим дал 25 рублей на расходы по похоронам и 25 рублей меди для того, чтобы оделить всех сестер и мирских, кто бы ни находился при погребении ее, по 3 копейки каждому. Дал также два полотенца за престол, колоток желтых свеч на сорокоуст, чтобы день и ночь горели бы в

церкви, а ко гробу рублевую желтую свечу и на похороны белых 20-копеечных свеч с полпуда.

Таким образом, по благословению отца Серафима положили Марию Семеновну, схимонахиню Марфу, в гроб: в двух свитках (рубашках), в бумажном подряснике, подпоясанную шерстяной черною покромкою, сверх сего в черной с белыми крестами схиме и длинной мантии. На головку надели зеленую бархатную, вышитую золотом шапочку, сверх нее камилавку батюшки Серафима и наконец еще повязали большим драдедамовым темно-синим платком с кисточками. В руках она держала кожаные четочки. Все эти вещи дал ей отец Серафим из своих рук, приказав всегда в них ходить к причастию Святых Таин, что в точности и исполнялось Марией Семеновной каждый двенадесятый праздник и все четыре поста.

Отец Серафим всех, кто только приходил в эти дни к нему, посылал в Дивеев на похороны Марии Семеновны. Так ничего не знаящим о том сестрам, работавшим на Сатисе (лесистая местность на берегу р. Сатис), Варваре Ильинишне с прочими старец сказал: «Радости вы мои! Скорее, скорее грядите в Дивеев; там отошла ко Господу великая раба Божия Мария!» Сестры не могли понять, какая Мария могла скончаться, и удивились, найдя Марию Семеновну в гробу. Также Екатерину Егоровну и Анну Алексеевну, собиравших ягоды в Саровском лесу, и других он посылал скорее домой, говоря: что кто будет на погребении Марии Семеновны, тот получит отпущение грехов! Даже Саровских монахов и целую толпу народа, шедшую к нему, отец Серафим посылал на погребение, приказывая мирским девицам и сестрам приодеться, расчесать волосы свои и припасть ко гробу ее!

Во время отпевания старица Прасковья Семеновна, родная сестра покойной схимонахини Марфы, явно увидела в царских дверях Царицу и Марию Семеновну, стоящих на воздухе. Придя от восторга в исступление, она громко закричала на всю церковь: «Царица, не остави нас!» Вдруг она стала юродствовать, пророчествовать, говорить окружающим необыкновенные вещи, раздавать все носимые на себе одежды, потом сразу сильно ослабела. Бесы заклинали, зашумели и стали кричать. Это происшествие сильно повлияло на собравшихся. Когда старица Акулина Васильевна после похорон поспешила к батюшке отцу

Серафиму и передала ему случившееся, то он произнес: «Это, матушка, Господь и Царица Небесная захотели прославить мать нашу Марфу и Госпожу Марию. А если бы я, убогий Серафим, был бы на погребении ее, то от духу ее было бы многим исцеление!»

Затем прибыл к батюшке родной брат Марии Семеновны, Иван, который также ездил на похороны сестры и спросил: выздоровеет ли заболевшая после видения Прасковья Семеновна? Зорко осмотрев знакомого ему Ивана Семеновича, батюшка вдруг сказал: «Да разве ты брат Марии?» — «Да, батюшка», — ответил он. И еще вторично глядя на него, спросил батюшка: «Ты родной брат Марии?» — «Да, батюшка», — опять ответил Иван Семенович. После этого старец долго-долго думал и, еще пристально взглянув на стоящего пред ним Ивана, вдруг сделался так радостен и светел, что от лица его как бы исходили лучи солнечные и Иван должен был закрыться от отца Серафима, не будучи в состоянии смотреть на него. Затем батюшка воскликнул: «Вот, радость моя! Какой она милости сподобилась от Господа! В Царствии Небесном у престола Божия, близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит! Она за весь ваш род молитвенница! она схимонахиня Марфа, я ее постриг. Бывая в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: “Госпоже и матери наша Марфо, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!”» Отец Серафим так побеседовал часа три с Иваном Семеновичем.

После этого отец Серафим вызвал к себе церковницу, сестру Ксению Васильевну Путкову (монахиня Капитолина), которой он всегда приказывал записывать разные имена для поминовения, и сказал ей: «Во, матушка, запиши ты ее, Марию-то, монахиною, потому что она своими делами и молитвами убогого Серафима там удостоилась схимы! Молитесь же и вы все о ней, как о схимонахине Марфе!»

По свидетельству сестер и лиц, близких Дивееву, Мария Семеновна была высокого роста и привлекательной наружности; продолговатое, белое и свежее лицо, голубые глаза, густые, светлорусые брови и такие же волосы. Ее похоронили с распущенными волосами. Она покоится по левую сторону матушки Александры, первоначальницы Казанской общинки.

Из рассказов стариц о Марии Семеновне сохранилось немного. Так Мария Илларионовна (монахиня Мелетина) свидетельствует следующее. «Живя в миру и слыша от всех о батюшке Серафиме, — повествует она, — я пожелала быть в Сарове и принять его благословение. Первым делом, как пришла в Саров, пошла я к батюшке в его пустынку; он сам вышел ко мне навстречу, благословил и с улыбкой говорит: “Ты, матушка, знаешь ли Марию Семеновну?” “Знаю, говорю, батюшка; она через три двора живет от нас”. “Вот, матушка, — продолжал батюшка, — я тебе про нее скажу, как она ревнива была к трудам. Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, то девушки сами носили камушки, кто по два, кто по три, а она-то, матушка, наберет пять или шесть камешков-то и с молитвою на устах, молча, возносила свой горящий дух ко Господу! Скоро с больным животиком и представилась Богу!” Сказав это, пристально посмотрел на меня батюшка и сказал: “Матушка, ведь это я тебе говорю! Как у нас заболит животик, никто не рад нам будет!”». Мать Мелетина и была впоследствии долго больна (тетрадь № 1).

Старица Устинья Ивановна (впоследствии монахиня Илария) говорит (тетрадь № 1), что «покойную сестру нашу Марию Семеновну, высокой жизни, особо против всех любил батюшка Серафим. Он говорил и предсказывал ей об обители многое, по большей части запрещая кому-либо рассказывать, но некоторое завещал ей помнить и передать мне грешнице. Из того вот что я помню. Раз, выведя меня к Казанской церкви и показывая на все это место кругом, сказала она мне и тут же бывшим сестрам: вот помните, церковь эта будет наша и священники тут жить не будут; приходская же церковь выстроена будет в другом месте, там будут при ней жить и священники, тут же будет Лавра; а где канавка, там будет киновия!» И еще, по благословию же батюшки Серафима, говорила она мне: «Батюшка Серафим сказал, что кладбищенская церковь у нас будет во имя Преображения Господня, запомни!» — «А я на это возразила ей, что ведь на кладбищах, кажется, всегда строятся церкви всем святым». Так, ответила она, но батюшка Серафим сказал, что престол всех святых будет еще ранее устроен. (Предсказание сбылось, ибо в 1847 году выстроена была ныне теплая церковь Божией Матери Тихвинской и в ней

придел с левой стороны всех святых, а кладбищенская церковь построилась уже после, в 1855 году во имя Преображения Господня.) А о стесненных средствах обители всегда ей говаривал батюшка: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно; я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу; у вас многое не умножится, а малое не умалится! В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!»

Говорилось уже о том, что церковь во имя Рождества Богородицы была окончена постройкой летом 1830 года. Поэтому отец Серафим поручил Елене Васильевне Мантуровой и священнику отцу Василию съездить в Нижний Новгород для получения разрешения от Архиепископа освятить новый храм Рождества Богородицы. Об этом пишет отец Василий в своих записках.

«И чудной только был батюшка! Год был холерный, ну, куда и как мы поедem... Бог весть! А послушаться его не смели. Елене Васильевне, положив просфор и приказав изготовить прошение, сказал: “Поклонитесь Владыке в ножки и просфоры от меня отдайте; он вам все и сделает!” Мне же наказывал так: “Ты, батюшка, приехав, закажи теплый хлеб в булочной, да так, чтобы он у тебя был горячий, от меня и подай ему, он вам все сделает!” Делать нечего, заложили мы свою лошадку и потихоньку в повозочке поехали в Нижний. Как приехали, остановились в Крестовоздвиженском женском монастыре и рассказали свое дело. Бывшая в то время игуменья, мать Дорофея, выслушала нас с сердечным прискорбием, объявила и объяснила нам совершенную невозможность исполнить все желаемое, так как Владыка по случаю холеры (то была первая холера) никого не принимал, о чем дал даже Указ из Консистории. Выслушав, мы говорим, что все это так, да батюшка Серафим послал и приказал, а послушаться его мы не смеем. Подумав, игуменья мать Дорофея написала и послала Владыке письмо, прося разрешения по весьма важному делу видеть его, но Владыка прислал ответ: “Чтобы старица не беспокоилась, я сам у нее буду!” Этот ответ поставил игуменью еще в большее затруднение. Прошло несколько дней, а Владыка не ехал и как ни жалела нас матушка Дорофея, но сама ехать после ответа Владыки не осмеливалась и писать ему уже не решалась. Как быть?! Посоветовавшись с Еленой Васильевной, не взирая на предостережения, но помня слова батюшки: “Поклони-

тесь Владыке в ножки, он вам все сделает!”, что значило, чтобы мы лично были у Архиерея, а батюшке же Серафиму все хорошо было известно; мы, перекрестясь, решились с Еленой Васильевной прямо сами идти к Владыке. Будь что будет! Все нас уговаривали, останавливали и в страхе и трепете за нас были. Елена Васильевна взяла просфоры, батюшкой присланные, и прошение, я из булочной горячий, только что испеченный хлеб, как приказал мне батюшка, который держал под полою, и также прошение о перемене обветшалого антиминса. Что же, как батюшке угодно было, все так и случилось! Пришли в дом Архиерея, беспрепятственно вошли и стали в прихожей. Решительно никого не было, пустое дом и везде на окнах хлор. Стояли мы более получаса, нарочно кашляли, авось кто-либо услышит и выйдет; но никого не было в этом мертвом доме. Мы было уже хотели уходить, да вдруг слышали какой-то шорох, остановились, опять нарочно закашляли... Отворилась дверь, и к нам вышел сам преосвященный Афанасий. Мы ему поклонились в ноги. “Это что, говорит, каким образом, что за люди”?! Я, весь дрожа, объяснил ему в чем дело, а Елена Васильевна подала прошение и просфоры. Владыка ласково выслушал и принял все, но, взяв от меня хлеб и чувствуя, что он горячий, невольно улыбаясь, воскликнул: “Просфоры-то так, а уж хлеб-то никак не из Сарова, а здешний, ибо теплый!” Тогда, совсем ободрившись, я осмелился объяснить Архиерею, что хлеб этот действительно здесь печен и только что мною взят из булочной, но что так приказано мне самим батюшкой Серафимом, который без того не велел и являться к Владыке. “А, теперь понимаю, это по Златоустовски!” — воскликнул восхищенный преосвященный. И написав тут же резолюцию на прошение об освящении храма, он послал свечей для молитвы батюшке Серафиму, благословил нас и отпустил, говоря: “На счет всего этого обратитесь к архимандриту Иоакиму в Консисторию, он уже вам все это устроит!” Возвратясь таким образом в женский монастырь, где в трепете и страхе ожидали нас, никто не хотел верить нам, зная строгость вообще преосвященного Афанасия, и все дивились, явно уразумевая в этом единое лишь чудо угодника Божия, батюшки Серафима! Когда же я на другой день отправился на счет всего этого к о. архимандриту Иоакиму, представляя ему указ о новом освящении, он в удивлении меня спросил: “Да ведь я

недавно освятил вам церковь, где же еще-то освящать"?! — “Тут же и другую!” — сказал я. “Как же! — воскликнул он. — Что вы, батюшка, где же тут-то?” Когда же я объяснил ему чудное устройство этой новой церкви, по желанию батюшки Серафима, то, дивясь и всплеснув руками, о. архимандрит воскликнул: “О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!” В это самое время прибежали сказать о. архимандриту, что Владыко его немедленно требует. “Погодите, — сказал он мне, — что такое, погодите-ка меня здесь, не по вашему ли делу зовет... Кстати, — продолжал он, — я скажу вам, отпустит ли меня Владыко освящать церковь-то, как батюшка Серафим того желает и как вы мне передали!” Я остался, а архимандрит уехал. Возвратясь, еще при входе произнес архимандрит: “Ну, уж Серафим! Дивный Серафим! Вот, судите сами, что наделал-то... Прихожу я к Владыке, а он меня спрашивает: что же, говорит, как же я резолюцию-то сдал? Где же церковь и что за храм?! Хорошо, что вы уже у меня побывали, да все объяснили; ну, и успокоил я Владыку, все передал ему. Скажите дивному Серафиму, что как желает, так и приеду; разрешил Владыка. Ну, дивный же, дивный Серафим!” Так я и ушел. Стали мы собираться домой, и надо заметить, что по случаю страшной в то время холеры в Нижнем был карантин и весь город был оцеплен войском, так что ни почта, ничто, ниже никто не пропускаться без выдержки карантина. Вот и думаем: как-то поедem мы; вдруг не пропустят! Но как ни останавливали и ни уговаривали все, мы, помолившись и заложив свою лошадку, потихоньку поехали... Едем мимо караульных солдат и никто не остановил и не опросил даже нас, точно будто и не видал никто. Так и приехали мы домой, и не взирая на страшную холеру, пользуясь тем, что все фрукты поэтому были необыкновенно дешевы, покупали их много и кушали не разбирая, а за молитвы батюшки Серафима возвратились целы и здоровы и ничем невредимы. К этому же кстати скажу, батюшка Серафим говорил, что в обители никогда не будет холеры, что со временем и оправдалось, потому что когда была эта эпидемия повсеместно в округности, даже в д. Вертьянове и селе Дивееве, в монастыре ее не было, так что даже кто из мирских заболел и приносил в обитель, тот выздоравливал и выхаживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сестры, напротив, заболели и умирали.

Приехав домой, явились мы к батюшке дать отчет во всем нами по его приказанию сделанном; батюшка был рад, благодарил и тут же приказал, чтобы церковь новая во имя Рождества Богородицы была бы и освящена 8-го сентября». В этот день и было в 1830 году совершено освящение Благовещенским архимандритом отцом Иоакимом, по желанию батюшки Серафима.

«После освящения церкви о. архимандрит, Михаил Васильевич и я по приглашению батюшки отправились все к нему в Саров и, не найдя его в монастыре, пошли в дальнюю пустынку его. Батюшка, увидя нас, был чрезвычайно нам рад и много благодарил отца архимандрита, потом, обратясь ко мне, сказал: “Как же, батюшка, чем же угощать нам на радостях такого гостя? А нельзя не угостить, батюшка, надо угостить, надо!.. Ну, да я и угощение-то приготовил для такого праздника, пойдем-ка!” И, взяв меня за руку, отвел батюшка Серафим в угол пустынки своей. Неизвестно откуда и когда тут вдруг вырос из полу куст малины и батюшка сказал, показывая на три крупные, спелые и прекрасные ягоды: “Сорви-ка их, батюшка, и угости наших гостей!” Растерявшийся от этого чуда, я с трепетом снял чудные ягоды и подал батюшке, а он стал потчевать ими, говоря: “Кушайте, кушайте, чем убогий Серафим рад угостить вас!” И, положив каждому из нас по ягоде, прибавил: “Это сама Царица Небесная вас потчует, батюшки!” Отец архимандрит, Михаил Васильевич и я, все мы были поражены этим чудом батюшки Серафима, и таким образом чудно угощенные в сентябре месяце внезапно в пустынке из полу родившимися ягодами, не могли да и не сумели бы выразить их необыкновенной сладости, аромата, вкуса и вместе сознались, что подобных ягод еще никогда не едали».

Таковы были чудеса, совершившиеся у отца Серафима в обители, в его келии, пустынке, и для убеждения во всем этом необходимы подлинные выражения и описания участников событий, которые поэтому и приводятся здесь в точности.

Деятельность Елены Васильевны Мантуровой. Назначение ее церковницей и ризничей. Пострижение в рясофор. Заповедь отца Серафима о церковном порядке. Заботы отца Серафима о церкви и рассказы сестер, касающиеся церковных послушаний. Распоряжения отца Серафима по приобретению земли под будущий собор и посылка Е.В. Мантуровой к владельцу земли г-ну

Жданову. Покупка земли под собор самим отцом Серафимом на свои деньги. Просьба его к М.В. Мантурову о сохранении этой земли. Предсказания отца Серафима о соборе.

Елена Васильевна Мантурова исполняла все трудные поручения отца Серафима как образованная особа, но не занимала должности начальницы. Необыкновенно добрая от природы, она явно или видимо ничего не делала, но зато, насколько лишь умела и могла, творила добро тайно, непрестанно и много. Так, например, зная нужду многих бедных сестер, а также нищих, она раздавала им все, что имела и что получала от других, но невидимым образом. Бывало, идет мимо или в церкви и даст кому-нибудь, говоря: «Вот, матушка, такая-то просила меня передать тебе!» Вся пища ее заключалась обыкновенно в печеном картофеле, да лепешках, которые так и висели у нее на крылечке в мешочке. Сколько их ни пекли, всегда не хватало. «Что за диво! — говорила, бывало, ей сестра-стряпуха. — Что это, матушка, ведь я смотри-ка сколько лепешек тебе наложила, куда же девались оне? Ведь эдак-то и не наготовишься!» — «Ах, родная, — кротко ответит ей Елена Васильевна, — ты уже прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что же делать, слабость моя, уж очень я люблю их, вот все и поела!» Спала она на камне, прикрытом лишь плоским ковриком.

Со времени освящения храмов, пристроенных к Казанской церкви, батюшка отец Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризницей, для этого он попросил Саровского иеромонаха отца Иллариона постричь Елену Васильевну в рясофор, что и было исполнено. Отец Серафим надел ей под камилавочку шапочку, сшитую из его поручей. Затем, призвав духовника обители отца Василия, Елену Васильевну и послушницу ее Ксению Васильевну, батюшка отец Серафим строго заповедовал им следующий церковный порядок (см. записки этих лиц):

1) Чтобы в обители все, как ризнические, пономарские, дьяческие и церковниц должности, также клиросы навсегда исправлялись бы только одними сестрами, но непременно девицами. «Так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передав и другим», — сказал батюшка.

2) Пономарки и церковницы должны неопустительно, сколько возможно чаще, приобщаться во все четыре поста, все двенадеса-

тые праздники, не смущаясь мыслию, что недостойны; не пропускать случая сколь возможно более пользоваться благодатию, даруемую приобщением Святых Христовых Таин, стараясь лишь по возможности, сосредоточившись в смиренном сознании всецелою греховностью своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, умственно говоря: согрешила, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами! приступить к святому, всех искупляющему Таинству.

3) Как пред службою, так и по службе, пономарящие должны, взойдя в алтарь, испросить благословение служащего священника. Никогда и ни в чем не прекословить в храме служащему священнику. Он служитель есть Самого Господа, кроме разве исключительно чего-либо могущего случиться особо недолжного. И даже как бы незаслуженно ни оскорбил священник, все перенести молча, смиренно, лишь поклонившись ему.

4) Никогда при какой-либо купле не должно торговаться из церковных вещей: «Скажи лишь, матушка, за сколько хотелось бы тебе что купить! Дадут тебе, — благодари; не дадут, никогда не настаивай и не торгуйся; без торгу отдай все, ибо все лишнее от церкви никогда не пропадет. Сам Господь видит и знает, и все возвратит!»

5) Зная, кто из сестер пострижен или не пострижен, в случае какой-либо особой нужды никак и никогда не позволять входить в алтарь не постриженным сестрам.

6) Пречистую от литургии носить в трапезу не иначе, как непременно за литургиею же служившей пономарки, вследствие освящения и ее самой от токмо даже присутствия ее постоянного прислуживания при наивысочайшем служении престолу Божией славы.

7) Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было, кроме молчаливого знака согласия или отречения, не разговаривать в алтаре, как месте присутствия всегда Самого Господа и Сил Его; не позволяя того и другим, кто бы то ни был, если бы даже пришлось и потерпеть за то. «Сам Господь тут присутствует! и трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия! Кто же возглаголет пред лицом Его!» — говорил батюшка.

8) Ни под каким видом, предлогом, либо делом, ниже щетки, ниже ничего, никогда не брать церковного, боясь за то прощения Божия, ибо во храме все наималейшее принадлежит токмо Единому Богу! И все, хотя и малое, взятое оттуда, есть как бы износимый огонь все и вся пополюющий!

9) Не смущаться и не огорчаться малым молением или невозможностью исполнить все монашеству положенное по действительно крайнем недосуге церковной уборки и дела; стараясь лишь непременно и на ходу, никогда не прерывая умственной молитвы, прочитывать утром среди дня и на ночь им данное правило, да если возможно, всем положенное общее правило, а если уж нельзя, то как Господь поможет! Но 200 поясных поклонов Спасителю, Богоматери, как бы то ни было, каждодневно исполнять обязательно.

10) При освящении храмов неопустительно всегда 40 дней (6 недель) служить в нем все службы.

11) Вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, ниже никогда не бросать его так, с небрежением «токмо прах Храма Божия свят уже есть!», а бережно собрав его, сжигать в печи или бросить в реку проточной воды, или же откидывать в какое-либо особое, а не общее проходное, либо сорное место; точно так же поступая и при мытии чего-либо церковного, мыть токмо в проточной же воде, или же в особой, нарочито только для сего держимой и свято хранящейся посуде; и воду эту сливать тоже в особо на то чистое или уготованное место.

Отец Серафим говорил им: «Нет паче послушания, как послушание церкви! и если токмо тряпкою притереть пол во дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога! Нет послушания выше церкви! И все, что не творите в ней и как входите и исходите, все должно творить со страхом и трепетом и никогда непрестающею молитвою и никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви ничего не должно говориться в ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви! И кого бо токмо убоимся в ней и где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где сам Владыко Господь наш, с нами всегда соприсутствует!» Говоря это, батюшка сиял от восторга неземною радостью.

Тогда же дал он заповедь насчет Рождественских церквей. «В верхней церкви Рождества Христова постоянно, денно и ночью гореть неугасимой свече у местной иконы Спасителя, а в нижней Рождества Богоматери церкви неугасимо же денно и ночью теплиться лампаде у храмовой иконы Рождества Богоматери. Денно и ночью читать Псалтирь, начиная с Царской Фамилии, за всех благотворящих обители в этой же самой нижней церкви, 12-ю на то нарочито определенными и переменяющимися по часу сестрами, а в воскресение неопустительно всегда перед литургией служить Параклис Божией Матери весь нараспев, по ноте». И сказал отец Серафим: «Она вечно будет питать вас! И если эту заповедь мою исполните, то все хорошо у вас будет и Царица Небесная никогда не оставит вас. Если же не исполните, то без беды беду наживете».

Сведения о построении церквей и о заботах отца Серафима дополняются рассказами Ксении Васильевны, послушницы Елены Васильевны Мантуровой. Так она свидетельствует (тетрадь № 1):

«При жизни батюшки мы не знали, что такое покупать свеч, — говорит монахиня Капитолина, — потому ему много всего приносили, а он-то, родименький, бывало и блюдет все для своего Дивеева, так что даже и по смерти его у нас еще много осталось запасного елею и целые три сундука свеч, что он подавал. Много также заботился о Рождественской церкви, много жертвовал для нее; сам посылал купить колокола на нее и диво, да и только: колокола-то маленькие-маленькие, вовсе маленькие, а зазвонят-то так звонко, точно музыка будто подобранная, и весело на душе как подымется этот сладкий серебряный звон их. И образов много в церкви батюшкиных; есть и сосуды; все это батюшка нам давал и много кой-чего в ризнице. И все бывало придешь к нему, особенно за последнее время, а он только говорит и заботится о своей церкви: “Да все ли у нас есть-то, матушка, все ли есть-то, не надо ли чего?” Все, батюшка, бывало ответишь ему. “Ну, и слава Богу, радость моя, возблагодарим Господа!” — заговорит он, крестясь торопливо. А после смерти-то батюшки много тоже кой-чего осталось у нас после него, родимого; вся одежда, что была, нам досталась: епитрахили две, нарукавники, шуба, кафтан, камилавка, шапочка, вот больным-то и надевают на голову,

ну и проходит боль-то, полумантия, сапоги, башмаки, лапти, рукавицы и топор и все, все после батюшки. Есть у нас также четки им самим сделанные из дерева, так вот мы все на бесноватых-то их надеваем и много раз случалось, как наденут их на них-то, они и не смогут выносить их, так и разорвут и бросят, а потом и выздоровеют; оттого вот много из них потеряно, а уж как бережем. А как раз батюшка на меня рассердился, вот я расскажу. Послали меня к нему за деньгами; я прихожу, да и говорю: “Батюшка, пожалуйста нам денег, больно нужно!” — “На что это? — спрашивает. “Да вот, говорю, нужда была, так заняли, отдавать надо, батюшка!” Вот он и дал, что нужно, а я-то и говорю: “Еще, батюшка, пожалуйста!” Вот как он родименький-то услышал, да как глянет на меня-то, да так это серьезно: “Да что уж это ты говоришь, посмотри-ка сколько!” — и так это горячо сказал. “Да ведь нужно, говорю, батюшка; ибо всего уж и так вам не говорим, а вот нужда-то была, так из церковных брали, где ж взять-то, батюшка, взять-то ведь негде!” — “Нет, нет, радость моя, — сказал батюшка заботливо и мягко, — не надо брать, что дадено в церковь, не подобает брать, матушка, не подобает, не надо!” — и сейчас же дал мне денег, приказывая отдать все, что из церковных взято. Раз стала я жаловаться сама на себя, на мой горячий, вспыльчивый характер, а батюшка и говорит: “Ах, что ты, что ты говоришь, матушка, у тебя самый прекрасный, тихий характер, матушка, самый прекрасный, смирный, кроткий характер!” Говорил-то он это с таким ясным видом и так-то смиренно, что мне это его слово: тихий-то, да кроткий, пуще всякой брани было и стыдно мне стало так, что не знала, куда бы деваться-то, и стала я смирять свою горячность-то все понемногу. А как батюшка-то любил нас, просто ужас да и только, и рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда эдакая суровая, серьезная была, ну, вот и приду, а он уставится на меня, да и скажет: “Что это, матушка, к кому это ты пришла-то?” — “К вам, батюшка”, — отвечу я. “Ко мне, — скажет он, — да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу-то, что ты, что ты, матушка!” — “Да как же, батюшка, — бывало скажу я, — как же”. — “А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуйте, матушка!” — ответит он. Бывало и скажешь: “Ах, да как же это, батюшка, да разве я смею!” — “Да как же не смеешь-то; ведь не

к чужому, ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят, да где бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна прийти и поцеловать, а то что стоишь, как чужая!” А еще раз наказывал нам батюшка, чтобы всем ты, а не вы говорить. “Что это за вы, матушка, это все нынешний-то век, нынешние-то люди придумали, а надо всем ты говорить, вот и вы, матушка, всем без различия ты говорите, так сам Господь указал нам”, — сказал батюшка. “Кто паче Бога и выше Его, а и Господу ты говорим и кольми паче так же должны говорить и человеку!” Батюшка запрещал мне быть слишком строгою с молодыми; напротив, еще приказывал бодрить их. Не дозволяя сверкнословие или что-либо дурное, он никогда, никому не запрещал веселости. Вот, бывало, спросит: “Что, матушка, ты с сестрами-то завтракаешь, когда они кушают?” — “Нет, батюшка”, — скажешь. “Что же так, матушка; нет ты, радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за стол с ними, оне, знаешь, придут усталые, унылые, а как увидят, что ты сама села и ласкова, и весела с ними и бодра духом, ну и они приободрятся и возвеселятся, и покушают-то более с велиею радостью; ведь веселость не грех, матушка, она отгоняет усталость, и от усталости ведь уныние бывает и хуже его нет оно все приводит с собою. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже был и какой веселый-то был, радость моя, бывало, как не приду на клирос-то, братья устанут, ну и унынье нападает на них и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют, ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо и в храме Божиим не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое, да веселое, чтобы у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был, — вовсе не грешно, матушка”, — говорил так батюшка Серафим. “Молишься ли ты, радость моя?” — раз спросил меня батюшка. “Ах, батюшка, уж какая молитва-то, грешница, иной раз и время-то нет!” — ответила я. “Это ничего, — сказал батюшка, — я вот и хотел сказать тебе, ты не огорчайся этим, есть время, так в праздности не будь, исполняй все и молися, а если нет времени, так ты, радость моя, только правильце-то мое прочти утром, среди дня, да на ночь хоть и ходя на работою, да еще вот правило-то, если можно, а уж если нельзя, ну, так, как Господь тебе поможет,

только вот поклоны-то Спасителю и Божией Матери уж хоть как-нибудь, а исполняй, непременно исполняй, матушка!”»

Старшая в мельничной обители отца Серафима Прасковья Степановна говорит (тетрадь № 1), что ей сообщил сосед по келии с батюшкой отец Павел, будто он звал отца Серафима на освящение Рождественской церкви, которую Михаил Васильевич выстроил на свои деньги, а батюшка ответил ему: «Нет, зачем их смущать, не пойду! И ты не ходи. Им лучше дать, что нужно, они сами все сделают и распорядятся всем, как следует, а ходить нам к ним не надобно».

В жизнеописании отца Серафима (Саровское изд. 1893 г., с. 112) говорится, что за колоколами для Рождественской церкви отец Серафим посылал нарочно на нижегородскую ярмарку, а за священными сосудами — в Москву, дав на них свои деньги. Другой прибор он дал церковнице Ксении Васильевне из своих рук, третий прислала из Москвы княгиня Голицына, еще до освящения церкви. Некоторые вещи из облачения отец Серафим передал через отца Василия Садовского. Кроме того, в разное время присланы были от него в благословение обители следующие иконы: 1) небольшой образ Казанския Божией Матери, 2) средней величины образ Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, 3) образ Преподобного Кирилла и Марии и 4) складни в серебряной ризе, с изображением Спасителя, Божией Матери, святого Иоанна Предтечи и некоторых других угодников Божиих. Все сии иконы сохраняются в обители до сего дня в Рождественской церкви.

Старица Устинья Ивановна повествует так (тетрадь № 1): «С моего поступления батюшка благословил мне послушание петь на клиросе и чтобы я твердо знала весь устав церковный и его святыми молитвами я успела в этом. Пению учили нас всех Саровские иеромонахи о. Назарий и о. Корнилий. Параклис Божией Матери тоже они учили, и батюшка приказывал мне, чтобы у нас так же, как в Сарове, пели попеременно оба канона, а обиходной ноте учил нас священник о. Василий. Труды, нужды и скорби приводили меня в уныние, хотела уже выйти из обители. Вся в духе расстроенная прихожу однажды к батюшке о. Серафиму и призналась откровенно, что у меня в мыслях. Он не соизволил нетерпению моему и сказал: «Никакой нет дороги тебе оставлять обитель, это твой единый путь. Если бы ты знала, матушка, какая

раба Божия заводила то место: одежда ее была многошвейная, плат ветхий, а зеницы не пересыхали от слез; и доньне я стопы ее лобызаю. Ходи, матушка, на ее гроб каждый день и, поклонившись, говори: “Госпожа наша и мать, прости меня и помолися о мне, как ты прощена от Господа, так бы и мне быть прощенной и помяни меня у престола Божия”.

Старица Екатерина Егоровна (впоследствии монахиня Евдокия) говорит (тетрадь № 1), что начальница в Казанской общинке Ксения Михайловна назначила ее печь просфоры для Рождественской церкви. «Я пошла к батюшке просить на это его благословения, — повествует она. — Батюшка ответил мне: “Давно бы так, матушка! Я говорил Ксении Михайловне, что просфорня у меня готова”. И начал мне петь громко на ухо тропарь Введению во храм Пресвятыя Богородицы. “Так-то и ты, — продолжал батюшка, — прилепись всем сердцем к церкви Божией, служи ей с любовью, всеми своими силами, а для черных работ у нас много будет сестер”. С тех пор и доньне молитвами батюшки прохожу я это послушание».

Все эти уставы и заветы отца Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивеевской общины. Уклонения же от них влекли за собою весьма неприятные последствия для обители. Так мы знаем уже заветы отца Серафима, чтобы в созданном им храме Рождества Христова читался всегда Псалтирь, по обычаю обители неусыпаемая, пред иконою Спасителя горела неугасимая свеча, а пред образом Матери Божией — лампада, и что если это будет в точности исполняться, община не потерпит ни нужды, ни беды, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. И точно, Ангел мира охранял обитель, пока соблюдалось это заветное, с особенною силою и условием данное. Но в один день церковница Ксения Васильевна, бывшая в послушании у Елены Васильевны Мантуровой, по благодати Божией и доньне пребывающая в живых, вылила, сколько было, последнее масло в лампаду и откуда получить его более — не предвиделось. Это было во время богослужения. Когда все вышли из храма, она, приблизившись к иконе, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла. С горестными чувствами она отошла от лампады и, вспомнив неволью заветное отца Серафима, подумала: «Если так несправедливыми оказались слова отца Серафима, потому что для лампады нет те-

перь ни масла, ни денег, то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнения которых мы несомненно ожидали». Тысячи сомнений волновали душу сестры, и вера в прозорливость старца начала оставлять ее. В столь неприятном расположении духа Ксения Васильевна, закрыв лицо руками, на несколько шагов отступила от иконы Спасителя. Вдруг слышит треск... Восклонив голову, она увидела, что лампада загорелась; подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампы полон масла и на нем два серебряных рубля. В смятении духа она заперла церковь и спешила поведать дивное видение старице своей Елене Васильевне. На пути ее застигла одна сестра, с которою был крестьянин, искавший церковницу и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидевши Ксению Васильевну, спросил: «Вы, матушка, здесь церковница?»

— Я, — отвечала сестра Ксения. — А что тебе нужно?

«Да вот, батюшка отец Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 рублей ассигн. и денег на масло для лампы, чтобы она горела за упокой родителей моих».

При сем он назвал имена усопших родителей своих и подал деньги.

Сомнения сестры в прозорливость старца и в истинность его завещания тотчас рассеялись: она устыдилась их и поскорбела о своем неверии.

Впоследствии, когда в Дивееве выстроен был новый храм, церковь отца Серафима заперли, Псалтирь вынесли из нее, свеча и лампада не горели. Обитель после этого случая потерпела много искушений, и между ее подвижницами существует убеждение, что Господь попустил это за несохранение уставов отца Серафима. Отступление это было следствием вмешательства в управление Дивеевскою обителью стороннего лица.

По построении Рождественских церквей в Дивееве, отец Серафим занялся приобретением земли под будущий собор, о котором он столько предсказывал сиротам своим. Для этого он опять призвал своего верного послушника и друга, Михаила Васильевича Мантурова, и приказал ему вымерить и пометить землю, принадлежавшую в чресполосном владении г-ну Жданову, не далеко от Казанской церкви. Затем дал поручение Елене Васильевне съездить к г-ну Жданову и купить у него эту землю за триста рублей,

которые батюшка и передал ей. «Святой царь Давид, — сказал он Елене Васильевне, — когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мории, то гумно Орны туне не принял, а заплатил цену; так и здесь. Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить. Я бы мог выпросить земли, но это Ей не угодно! Поезжай в город Темников к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный акт на землю!»

Елена Васильевна поехала в Темников со старицею Ульяною Григорьевною и отыскала там г-на Жданова, которому и передала желание батюшки отца Серафима. «Как?! — воскликнул он в удивлении. — Вы хотите, чтобы я продал этот столь малый и единственно мне принадлежащий клочок земли дивному Серафиму! Полноте, матушка, вы шутите, вероятно, берите даром!» Но выслушав все рассказанное Еленою Васильевною и знаменательные слова старца, Жданов, крайне удивленный, хотя и нехотя, но беспрекословно, не смея ослушаться, принял присланные ему деньги и выдал на землю купчую (Записки отца Василия).

Тут произошло чудо. Сам Егор Иванович Жданов впоследствии лично рассказывал (игуменье Марии Ушаковой) следующее: в то время, после смерти родителей, у него осталась большая семья, так что он был принужден, как старший, выйти в отставку, чтобы воспитать всех и добыть им насущный кусок хлеба. Все дела были страшно запутаны и пришлось переживать большую нужду и бедность. Как раз в это время приехала от батюшки Серафима Елена Васильевна Мантурова и насильно вручила триста рублей за землю. Непонятно, сверхъестественно начали с этих денег устраиваться дела его и Бог помог всех устроить. Кто вышел в люди, кто женился, кого замуж выдали и т.д.

Когда Елена Васильевна возвратилась к отцу Серафиму с купчею, то он пришел в неописанный восторг и, целуя бумагу, воскликнул: «Во, матушка, радость-то нам какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!» И приказал батюшка списать с нее для него копию, а настоящую бумагу хранить бережно Елене Васильевне до ее смерти, а потом передать Михаилу Васильевичу. Предвидя все прозорливым оком, он умолял Михаила Васильевича всеми силами сберечь и сохранить эту землю для постройки собора, когда придет тому время. «На то она так

и драгоценна, батюшка, что в то время нам крайне понадобится!» — сказал отец Серафим (Записки отца Василия).

Чудны правдивые рассказы и свидетельства необыкновенно праведных и простых стариц Дивеевских, так называемых сирот Серафимовых, с которыми сам великий старец беседовал просто, мудро, откровенно и любовно. Старица Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима) повествует нам следующее (тетрадь № 6):

«Батюшка говорил мне: “У вас матушка-то первоначальница, мать Александра, больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобзаю! Вот она обитель заводила, а я ее возобновлю! Там будет Лавра... Она почивает в мощах! Много ли их там, матушка?” Я молчала, недоумевая... Склонил батюшка голову, минутку спустя сказал твердым голосом: “Там? — три”. Потом опять спросил: “А что, матушка, много ли места-то от Казанской церкви, от самого алтаря ее, до мельницы?” — “Да тут десятины три будет, батюшка, — ответила я, — но земля-то эта ведь чужая, только в серединке место ваше, что под собор купили, а кругом живут церковники, да хлеб засевают мирские”. Он опять спросил: “А от соборного-то места, матушка, до мельницы, далеко ли и хороша ли тут земля?” Я говорю: “Земля-то хороша, батюшка, да ведь она не наша!” А он будто и не слышит, — говорит мне: “Ну, вот, матушка, по правую-то сторону будет трапеза...” Я перебила его и опять говорю: “Батюшка, да место-то хотя тут и очень большое, и земля-то хороша, но ведь она засеяна мирскими!” За молчал батюшка, склонил голову, потом вдруг и сказал: “Надобно променять!”».

Впоследствии это сбылось; благодетели Дивеева и верные слуги батюшки отца Серафима Михаил Васильевич Мантуров и Николай Александрович Мотовилов частью скупили чрепослосные владения и частью променяли их.

Великая старица Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) рассказывала (тетрадь № 1, рассказ 17), что однажды батюшка ей сказал: «Вот этот лес, что Горячев ключ-то называется, это наш лес будет, матушка (что и исполнилось в 1869 году)! Тут могут быть и пчелки у нас, потому что хороший приют тут будет, и вода близко, и всякий цвет! А воск-то понадобится нам, матушка, свечки Богу будем работать. А жители-то, жители-то, все вокруг нам

служить будут, радость моя! И какая радость-то будет, но мы не доживем и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет! Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится! А будет-то он в середине двух церквей, против Казанской церкви, а тут напротив нее будут святые врата, и какая радость-то будет, какая радость-то будет! Казанскую церковь вам отдадут, а приходскую-то на селе поставят, где Полуешкин-то живет; и священнослужителей тут уже не будет, и пойдет ограда каменная вплоть до речки, и все наше будет! А на приходском кладбище трапеза будет и мост, с Пречистой-то туда так прямо и будут ходить, как у нас в Сарове. Во, что будет-то, матушка! Хоть ты и не доживешь, как собор-то совершится, а ведь какая радость-то тогда будет! Четверо мощей будут у нас, матушка! Вот какая радость-то будет, матушка! Какая великая радость-то будет! Среди лета запоят Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то Лавра будет, Вертяново — город, а Арзамас — губерния! Станут все приходить к нам, матушка, запираяться для отдыха-то будем; станут деньги давать, только берите; в оградку станут кидать, а нам уже не нужно, много своих тогда будет, матушка!»

Другая старица Евдокия Трофимовна, впоследствии монахиня Евстолия, свидетельствует, как высоко ставил батюшка отец Серафим свой Дивеев, избранный Царицей Небесной себе в четвертый жребий на земле. «Я пришла еще мирскою с товарками получить лишь благословение батюшкино, — говорила старица, — а вместо того, увидав меня, отец Серафим приказал мне прямо бросить все и идти к его девушкам в Дивеев. Не полюбились мне это ужасно, но, не смея ослушаться, пошла я, и так не понравился мне Дивеев, что ушла я к себе домой не сказавшись. Через год некоторые собирались идти на богомолье в Киев; пошла и я с ними. Прежде мы зашли в Саров к батюшке Серафиму. Я полагала, что батюшка позабыл меня совсем за год-то. Напротив, тут же благословляя, он узнал меня, сказав: “Ступай в Дивеев, нет тебе другого пути! У меня в Дивееве, матушка, и Киев, и Лавра, и Киновия”».

Это же отец Серафим говорил многим: «Кто в Дивееве у меня живет, не для чего ему никуда ходить, ни в Иерусалим, ни в Киев, пройди по канавке-то с четочками, прочти полтора ста Богородицу, — тут у меня Иерусалим и Киев!»

Та же Евдокия Трофимовна рассказывала (тетрадь № 6, рассказ № 52), что однажды она работала с сестрою Ириною Семеновною у батюшки в пустынке и он, любя ее, очень много пророчески говорил. «Вот, матушка, — начал о. Серафим, сев у источника, — скажу вам, придет время у нас в обители все будет устроено; какой собор будет! Какая колокольня! А келии и ограда будут каменные и во всем будет у вас изобилие!» После этого отец Серафим вдруг заплакал и сказал: «Но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать будет ей и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее; она за вас возопиет ко Господу и стеною до небес станет и не впустит его! А колокол-то Московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится».

«Знаешь ли ты, матушка, где Мишенька-то (Мантуров) живет?» — спросил отец Серафим сестру Акулину Ивановну Малышеву (тетрадь № 6, рассказ 61). «Знаю, кормилец!» — ответила она. «Ну, вот, — продолжал старец, — мы его снесем на угол, а тут, где он теперь-то живет, против него будет Собор! Видишь ли вот эдак будет порядок, на четыре угла, Акулинушка, а Собор-то у нас в середочках! А где мирское-то кладбище, знаешь, что ли, матушка?» — «Знаю, — говорит она». — «Так вот это-то самое место, матушка, будет у нас коренная трапеза; а это-то, что кривая у вас, гостей принимать будет! А мы, матушка, как Собор-то состроим и балясы голубые у нас будут, так прямо из Собора в трапезую и пойдем. Вот как будет у нас, Акулинушка!»

Ничего тогда в Дивееве не было, и удивлялась старица, о какой-то такой трапезе говорил батюшка, указывая как бы уже на имеющуюся, называя ее «кривою», но впоследствии иеромонах Иосаф, выдававший себя за ученика Серафимова, выстроил в Дивееве трапезу, которая по поспешности постройки вышла кривая.

Протоиерей отец Василий Садовский говорит в своих записках (тетрадь № 6, рассказ 74), как он однажды посетил батюшку Серафима, который его спросил: «Как, батюшка, думаешь, хорош ли Саров?» — «Как не хорош, батюшка, — ответил отец Васи-

лий, — чего же еще лучше!» — «Во, во, батюшка! — воскликнул отец Серафим в восторге. — Ведь Саров-то только рукав, а Дивеево-то — целая шуба!» И до трех раз повторил это отец Серафим, а затем спросил: «А хорош ли Собор-то у нас, батюшка?» — «Хорош, батюшка», — ответил отец Василий. «Хорош, батюшка, как не хорош, очень хорош! — продолжал отец Серафим. — А я тебе говорю, что у нас в Дивееве еще лучше того Собор будет! И в моем-то Соборе у нас-то в Дивееве все иконы, какие только ни есть на всем свете и даже на Афоне, всех явлений Матери Божией, у меня-то в Соборе все оне, батюшка, будут!»

«Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника иконы Успения Божией Матери, пошел я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келии, без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: “Есть ли у тебя, батюшка, платочек?” Я ответил, что есть. “Дай его мне!” — сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посуды пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что сроду я таких не видывал. “Вот и у меня, батюшка, была Царица, так вот после гостей-то и осталось!” — изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал: “Ну, гряди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые и близ обители живут в келиях; они все наши будут!” Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: “Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима и во, радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благодатию покрыла убогого Серафима”. “Любимиче мой! — рекла Преподобно-

ная Владычица, Пречистая Дева. — Проси от Меня чего хочешь!» — «Слышишь ли, батюшка? Какую нам милостью явила Царица Небесная!» И угодник Божий, весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. «А убогий-то Серафим, — продолжал батюшка, — Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! — при этом светлый лик старца затуманился — одна сгорит, одну мельница смелет, а третья...» (сколько ни старался я вспомнить, никак не могу, видно уж так надо).

«Вот, матушка, — сказал мне батюшка Серафим, — во обитель-то мою до тысячи человек соберется и все, матушка, все спасутся, я упросил, убогий, Матерь Божию и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима; и кроме трех, всех обещала Милосердая Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка (продолжал немного помолчав батюшка), там-то, в будущем все разделятся на три разряда: *сочетанные*, которые чистотою своею, непрестанною молитвою и делами своими, чрез то и всем существом своим сочетованы Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге и вечно они с ним будут! *Избранные*, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И *званные*, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это не-радивые и ленивые, матушка, а которые общее-то дело, да послушание не берегут и заняты только своими делами, куда как мрачно и тяжело будет им; будут сидеть все качаясь из стороны в сторону на одном месте!» И взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. «Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! — продолжал батюшка. — Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты так сказывай всем!» Затем, благословив, отпустил меня».

Ксении Васильевне отец Серафим так рассказал (тетрадь № 6, рассказ 30): «Скажу тебе, посетила Царица-то Небесная убогого Серафима и вот что скажу тебе, радость моя, рекла Матерь Божия: «Любимиче мой! Проси у меня чего хочешь?» Слышишь ли, ма-

тушка, как возрадовала Мать-то Божия убогого Серафима, как неизреченно возрадовала! А я-то убогий молил Владычицу, да спасутся все, кто в обители моей будет! И задумалась Царица-то Небесная, матушка, и излила всю благодать Своей милости на убогого Серафима! И все спасутся, матушка, обещала нам Сама Пречистая Владычица; только три погибнут: одна сгорит огнем, другую мельница смелет, а третью (забыла; странно, видно не нужно нам помнить!). Еще говорил мне батюшка Серафим, что будут в обители его три разряда сестер: *сочетанные*, что паче всех возлюбили Господа и так Ему угодили, что и здесь всегда с Господом только были и там вечно же в блаженстве с Господом будут! *Избранные*, которых батюшка избрал и они его чтут, все его дела делают и заповеди его сохраняют и всегда исполняют; зато с ним в его обители всегда же и будут. *Званные* — все прочие, разного рода живущие так себе, нерадиво, непослушливо, лишь бы прожить. «Нам до них дела нет, матушка, пусть до времени хлеб наш едят!» — сказал отец Серафим.

За год и 9 месяцев до своей кончины отец Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: “Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!” — “Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим”, — отвечаю я. Но батюшка приказал: “Повторяй, матушка, несколько раз сряду: “Радуйся Невесто-Неневестная! Аллилуйя!” Потом начал говорить: и слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает! Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна, а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: “Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться!” И сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; кано-

ны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: “Не убойся, не устрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!” И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: “О, преблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородица!” И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними сама Владычица наша. За Богородицей шли 12 дев, потом еще св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: “Кто это у тебя лежит на земле?” Батюшка ответил: “Это та самая старица, о которой я просил тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!” Тогда Пречистая изволила взять меня недостойную за правую руку и батюшка за левую и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к св. Иоанну Крестителю; он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же св. Иоанн Богослов. Подошла к девам и их спросила каждую об имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала — пойду, упаду к ножкам Царицы Небесной и буду просить прощение в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит: что это явление продолжалось четыре часа. Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: “Ах, батюшка, я думала, что умру от страха и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих”, но батюшка отвечал мне: “Я, убогий, просил о вас Божию Матерь и не только о вас, но о всех любящих меня и о тех,

кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я, отец ваш, испекусь о вас и в сем веке и в будущем, и кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю и роды ваши не оставлены будут. Вот какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!” Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: “Вот как молитесь: Господи, сподоби мне умереть христианскою кончиною, не остави меня Господи на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня! После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: “Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь”».

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны (тетрадь № 6, рассказ № 23) встречаются еще большие подробности. Так она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа один в правой, а другой в левой руке по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и Апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета — сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шею большою круглою пряжкой — застежкой, убранной крестами, разнообразно разукрашенными, но чем — не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, зеленое, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку-застежку и на самое лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее Ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами; они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келия батюшки сделалась просторная и весь верх исполнился огней, как бы горящих

свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: “Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со мною”. Я не почувствовала как встала. Царица Небесная изволила повторить: “Не убойся, мы пришли посетить вас”. Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею и она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я батюшку Серафима: где мы? Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: кто это? то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т.д.».

«Девы все говорили: “Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание и за поношение; и ты пострадаешь!” Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: “Не оставь дев моих Дивеевских!” Отец Серафим отвечал: “О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их упредить!” На это Царица Небесная ответила: “Я тебе, любимиче мой, во всем помогу! Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!” Потом, обратясь ко мне, сказала: “Вот посмотри на сих дев Моих и на венцы их; иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав царства вечного и небесного, возлюбиши нищету самоизвольную, возлюбиши Единого Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние — тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же”. Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала отцу Серафиму: “Скоро, любимиче мой, будешь с нами!” и благословила его. Простились с ним и все святые: девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: “Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия. Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: “Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас убогих. Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога и тебя Господь сподобил;

вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!”» и т.д.

В сентябре 1831 года прибыл в Саров некий помещик Симбирской и Нижегородской губерний коллежский советник Николай Александрович Мотовилов, совершенно больной, о котором неоднократно упоминалось в предыдущих главах Летописи. Родившись в 1803 году в симбирском имении, он воспитывался в Казанском университете по филологическому факультету и затем был совестным судьей и почетным смотрителем уездных училищ в Корсунском уезде. В записке своей, под заглавием: «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» он пишет и о своем исцелении по молитвам отца Серафима.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители, великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и невероятных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трех лет. 1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя тяжело больного из сельца Бритвина, нижегородского лукояновского имения моего, к батюшке отцу Серафиму. 5-го сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7-го сентября и 8-го, на день Рождества Божией Матери, удостоился иметь я две беседы первые с батюшкой отцом Серафимом, до обеда и после обеда, в монастырской келии его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день, 9-го сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустынку, близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом, во множестве приходившем к нему, тогда возле большой и очень толстой сосны, и до сего времени на берегу реки Саровки существующей, на его сенокосной пажитке меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня, он сказал: “Да ведь я не доктор, к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь”. Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главных способа лечений испытал, а именно:

аллопатией лечился у знаменитых в Казани докторов — Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Федоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга, гидропатией на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губ., взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана, чрез ученика его пензенского доктора Питерсона, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатью Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтоб Господь исцелил меня. И он сделал мне вопрос: “А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?” Я отвечал: “Верую!” — “А веруешь ли, продолжал он меня спрашивать, что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом своим или прикосновением своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи, одним же словом своим и что ходатайство к нему Божией Матери за нас всемогуще и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне так же мгновенно и одним словом может всецело исцелить вас?” Я отвечал, что “истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую, и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам!” — “А если веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!” — “Как здоров? — спросил я, — когда люди мои и вы держите меня на руках!” — “Нет! — сказал он мне, — вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы в конец!” И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне: “Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь”. И потом прибавил, радостно смотря на меня: “Вот видите ли, как вы теперь хорошо стоите”. Я отвечал: “Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня”. И он, отняв руки свои от меня, сказал: “Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите; идите

же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места”. Взяв меня за руку одной рукой своей, а другой в плечи мои немного наталкивая, повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: “Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!” Я отвечал: “Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!” “Нет, — сказал он мне, отняв от меня руку свою, — сам Господь совершенно исцелить вас изволил и Сама Божия Матерь о том Его упросила, вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же...” и стал толкать меня, чтобы я шел. “Да эдак упаду я и ушибусь...” — сказал я. “Нет, — противоречил он мне, — не ушибетесь, а твердо пойдете...” И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: “довольно уже”, и спросил: “Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне; веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашею и всегда крепко надейтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжело изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий...” И довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустынки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их. а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо, без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем извещая о великом чуде этом. Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия, с 24 старцами иеромонахами Саровскими, встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, чрез великого старца Серафима мне во дни их дарованною. И сим благодатным здоровьем пользовался я

восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом, и в одну из бесед его, в конце ноября 1831 года, имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии и слышать тогда беседу эту его, а потом и многие тайны о будущем состоянии России открыл он мне».

Смерть Елены Васильевны Мантуровой за послушание. Болезнь ее, видения, кончина и похороны. Участь Елены Васильевны по словам отца Серафима. Пророчество его о нетлении тел Марии Семеновны и Елены Васильевны.

Отцу Серафиму было суждено еще при своей жизни потерять любимую Дивеевскую послушницу свою Елену Васильевну Мантурову, которую он горько оплакивал. Кончина и последние дни жизни этой великой рабы Божией поистине замечательны! (Записки протоиер. Садовского, Н.А. Мотовилова, показания сестры Ксении).

Елена Васильевна незадолго до своей смерти начала как бы предчувствовать, что батюшке отцу Серафиму не долго осталось жить. Поэтому она часто говорила со скорбью окружающим: «Наш батюшка ослабевает; скоро, скоро останемся без него! Навещайте сколь возможно чаще батюшку, не долго уже быть нам с ним! Я уже не могу жить без него и не спасусь; как ему угодно, не переживу я его; пусть меня раньше отправят!» Однажды она высказала это и отцу Серафиму. «Радость моя! — ответил батюшка. — А ведь служанка-то твоя ранее тебя войдет в Царствие-то, да скоро и тебя с собой возьмет!» Действительно, любившая ее и не желавшая расстаться с нею крепостная девушка Устинья заболела чахоткой. Ее мучило, что она по болезни занимает место в маленькой и тесной келии Елены Васильевны, и постоянно повторяла: «Нет, матушка, я уйду от тебя, нет тебе от меня покоя!» Но Елена Васильевна уложила Устинью на лучшее место, никого не допускала ходить за нею и сама служила ей от всего сердца. Перед смертью Устинья сказала Елене Васильевне: «Я видела чудный сад, с необыкновенными плодами... Мне кто-то и гово-

рит: этот сад общий твой с Еленю Васильевною и за тобой скоро и она придет в этот сад!» Так и случилось.

Михаил Васильевич Мантуров заболел в имении генерала Куприянова злокачественной лихорадкой и, как говорилось уже, написал письмо сестре Елене Васильевне, поручая ей спросить батюшку отца Серафима, как ему спастись. Отец Серафим приказал разжевывать ему горячий мякиш хорошо испеченного ржаного хлеба и тем исцелил его. Но вскоре он призвал к себе Елену Васильевну, которая явилась в сопровождении своей послушницы и церковницы Ксении Васильевны, и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?» — «Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать!» — «Во, во, так, радость моя! — воскликнул старец и продолжал: — Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас и пришло время ему умирать... умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» — «Благословите, батюшка!» — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто покойно. Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! я боюсь смерти!» — «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя!» — ответил отец Серафим. — Для нас с тобою будет лишь вечная радость!»

Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порог келии, тут же упала... Ксения Васильевна подхватила ее, батюшка отец Серафим приказал положить ее на стоявший в сенях гроб, а сам принес святой воды, окропил Елену Васильевну, дал ей напиться и таким образом привел в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!»

По рассказам очевидцев, ее кончина была замечательная. В первую же ночь она видела знаменательный сон. На месте Казанской Дивеевской церкви была как бы площадь или торжище и на ней великое множество народа... Вдруг народ расступился перед двумя воинами, которые к ней подошли. «Иди с нами к

Царю! — сказали они Елене Васильевне, — Он тебя к себе призывает!» Она повиновалась и пошла за воинами. Ее привели к месту, на котором восседали необычайной красоты Царь и Царица, которые, приняв ее смиренный поклон, сказали: «Не забудь 25-го числа, мы тебя к себе возьмем!» Проснувшись, Елена Васильевна рассказала всем свой сон и приказала записать число... Только тремя днями пережила она его.

За эти несколько дней болезни Елена Васильевна особоровалась и насколько возможно часто приобщалась Святых Таин. Духовник ее, отец Василий Садовский, видя ее слабость, посоветовал было ей написать брату Михаилу Васильевичу, который ее сильно любил, но она ответила: «Нет, батюшка, не надо! Мне будет жаль их и это возмутит мою душу, которая уже не явится ко Господу такую чистою, как то подобает!»

Трое суток до смерти Елена Васильевна была постоянно окружена видениями и для непонимающих людей могло казаться, что она в забытии. «Ксения! Гости будут у нас!» — вдруг произнесла она. — Смотри же, чтобы у нас все было здесь чисто!» — «Да кто же будет-то, матушка?» — спросила ее послушница. «Кто?! Митрополиты, архиереи и весь духовный причт»... — ответила она удивленно. В день смерти Елена Васильевна опять повторила: «Ксения! Не накрыть ли стол-то? Ведь гости скоро будут!» Ксения Васильевна тотчас согласилась и исполнила желание умирающей, накрыв стол белой, чистой скатертью. «Смотри же, Ксения, — твердила Елена Васильевна, — чтобы все, все у тебя было чисто, как возможно чисто!» Когда же она увидела, что все исполнено ее послушницей, поблагодарила и произнесла: «Ты, Ксения, не ложись, а Агафье Петровне вели лечь... И ты не садись, смотри, Ксения, а так постой немного!» Умирающая была окружена образами. Но вдруг, вся изменившись в лице, радостно воскликнула она: «Святая игумения!.. Матушка, обитель-то нашу не оставь!..» Долго-долго со слезами молила умирающая все об обители и много, но несвязно говорила она, а затем совершенно затихла. Немного погодя, как бы опять очнувшись, она позвала Ксению, говоря: «Где же это ты? Смотри, еще гости ведь будут!..» Потом вдруг воскликнула: «Грядет! Грядет!.. Вот и Ангелы!.. Вот мне венец и всем сестрам венцы!..» Долго еще говорила, но опять непонятно. Видя и слыша все это, Ксения Васильевна в страхе

воскликнула: «Матушка! ведь вы отходите! Я пошлю за батюшкой!» — «Нет, Ксеньюшка, погодите еще, — сказала Елена Васильевна, — я тогда сама скажу вам!» Много времени спустя она послала за отцом Василием Садовским, чтобы еще в последний уже раз особороваться и приобщиться Св. Христовых Таин (Записки Н.А. Мотовилова и летописные сказания обители).

Во время исповеди, как собственноручно написал отец Василий, умирающая поведала, какого видения и откровения она была раз удостоена.

«Я не должна была ранее рассказывать это, — объяснила Елена Васильевна, — а теперь уже могу! В храме я увидела в раскрытых Царских дверях величественную Царицу, неизреченной красоты, которая, призывая меня ручкой, сказала: “Следуй за Мною и смотри, что покажу тебе!” Мы вошли во дворец; описать красоту его при полном желании не могу вам, батюшка! Весь он был из прозрачного хрусталя, и двери, замки, ручки и отделка — из чистейшего золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Только подошли мы к дверям, они сами собой отворились, и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были все запертые двери. Приблизясь к первым дверям, которые тоже при этом сами собой раскрылись, я увидела огромное зало; в нем были столы, кресла и все это горело от неизъяснимых украшений. Оно наполнялось сановниками и необыкновенной красоты юношами, которые сидели. Когда мы вошли, все молча встали и поклонились в пояс Царице. “Вот смотри, — сказала Она, указывая на всех рукою, — это Мои благочестивые купцы...” Предоставив мне время рассмотреть их хорошенько, Царица вышла, и двери за нами затворились сами собой. Следующая зала была еще большей красоты; вся она казалась залитою светом! Она была наполнена одними молодыми девушками, одна другой лучше, одетыми в платья необычайной светлости и с блестящими венцами на головах. Венцы эти различались видом, и на некоторых было надето по два и по три зараз. Девушки сидели, но при нашем появлении все встали молча, поклонились Царице в пояс. “Осмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе”, — сказала Она мне милостиво. Я стала рассматривать указанную мне одну сторону залы, и что же, вдруг вижу, что одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня! —

Говоря это, Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потом продолжала: — Эта девица, улыбнувшись, погрозилась на меня! Потом, по указанию Царицы, я начала рассматривать другую сторону залы, и увидала на одной из девушек такой красоты венец, такой красоты, что я даже позавидовала! — проговорила Елена Васильевна вздохнув. — И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшие в обители и теперь еще живые, и будущие! Но называть их не могу, ибо не велено мне говорить. Выйдя из этого зала, двери которого за нами сами же затворилось, подошли мы к третьему входу и очутились снова в зале, несравненно менее светлом, в котором также были все наши же сестры, как и во втором, бывшие, настоящие и будущие; тоже в венцах, но не столь блестящих и называть их мне не приказано. Затем мы перешли в четвертое зало, почти полумрачное, наполненное все также сестрами, но лишь настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали; иные были скорчены болезнью и без всяких венцов, с страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала как бы печать болезни и невыразимой скорби. “А это нерадивые!” — сказала мне Царица, указывая на них. “Видишь ли, — продолжала она, — как ужасно нерадение! Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда не могут уже радоваться!” Ведь тоже все наши сестры, батюшка, но мне запрещено называть их!» — объяснила Елена Васильевна и горько заплакала.

Как только ушел отец Василий из келии, причастив Елену Васильевну, она сказала Ксении: «Ксения! вынесите сейчас же от меня икону Страстной Божией Матери в церковь! Это икона чудотворная!» Она была на время перенесена в келию из церкви. Сестры молча выслушали приказание, но оно показалось им странным и они не исполнили его, полагая, что Елена Васильевна говорит в бреду или в забытии, но умирающая, быстро поднявшись и строго посмотрев на послушниц, сказала с упреком: «Ксения! всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь перед смертью это делаешь! Я вовсе не в бреду, как вы это думаете, а говорю вам дело! Если вы икону теперь не вынесете, то вам не дадут уже вынести ее и она упадет! Вот вы не слушаете, а после сами же будете жалеть!» И едва успели вынести икону, как ударили к обедне. «Сходи-ка, Ксения, к обедне, — проговорила Елена Васильевна, — да помолись за всех нас!» «Что это вы, ма-

тушка, — испуганно сказала Ксения Васильевна, — а вдруг...» (умрете вы! — хотела было сказать она). Но Елена Васильевна, не дав ей закончить, произнесла: «Ничего, я дождусь!» И когда Ксения вернулась после обедни, то Елена Васильевна встретила ее словами: «Вот видишь ли, я сказала, что дождусь, и дождалась тебя!» Потом, обращаясь ко всем, продолжала она: «За все, за все благодарю вас! И вы меня все Христа ради простите!» Ксения, видя, что Елена Васильевна вдруг вся просветлела и отходит, испуганно к ней бросилась и стала молить ее еще сказать: «Матушка... тогда... нынче ночью-то, я не посмела тревожить и спросить вас, а вот теперь вы отходите... скажите мне, матушка, Господа ради скажите, вы видели Господа?!»... «Бога невозможно человекам видети, на Него же... не смеют чины ангельские взирати!» — тихо и сладко запела Елена Васильевна, но Ксения продолжала молить, настаивать и плакать. Тогда Елена Васильевна сказала: «Видела, Ксения, — и лицо сделалось восторженное, чудное, ясное, — видела как неизреченный Огонь, а Царицу и Ангелов видела просто!» — «А что же, матушка, — спросила опять Ксения, — а вам-то что будет?» — «Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, — произнесла смиренная праведница, отходящая ко Господу. — Он не оставит!» Затем она начала говорить о церкви, как и что должно делать, чтобы она была всегда в порядке, и заторопила послушниц: «Собирайте меня скорее, скорее, не отворяя двери! Выносите сейчас же в церковь! А то сестры вам помешают и не дадут собрать!» — «Поздно, матушка, не успеем до вечерни», — ответила ей Ксения. «Нет, нет, успеете еще! — как бы торопясь, говорила Елена Васильевна. — Как я говорю, так и делайте! Слушайтесь, да скорее, а то Бог накажет! Спихватитесь после, да уж поздно будет, не воротите!» И сестры стали ее спешно убирать. «Ох! Ксения! Ксения! что это? — вдруг воскликнула она, испуганно прижавшись к послушнице. — Что это?! Какие два безобразные; это враги!.. Ну, да эти вражие наветы, уже ничего мне не могут теперь сделать!» Затем совершенно покойно она потянулась и скончалась.

Справедливо настаивала праведная, требуя запереть двери и чтобы ее живую уже совершенно приготовили в гроб, а затем немедленно по смерти вынесли в церковь, потому что едва лишь успели это все исполнить, как сестры, чрезвычайно любившие

ее, узнав о ее кончине, вломились с страшным воплем в двери крошечной келии, не позволяя положить ее в присланный за трое суток батюшкой отцом Серафимом гроб, выдолбленный из целого дуба. В эту минуту начали звонить к вечерни и поэтому ее вынесли в церковь. На нее одели рубашечку отца Серафима, платок и монашескую рясу. Обули в башмаки, в руки положили шерстяные четки и сверх всего покрыли черным коленкором. Волосы ее, всегда заплетенные в косе, были закрыты под платочком шапочкой из батюшкиных поручей, которую сам старец надел ей после пострижения. Она скончалась 27-ми лет от рождения, пробыв в Дивеевской обители всего семь лет. Елена Васильевна была чрезвычайно красивой и привлекательной наружности, круглолицая, с быстрыми черными глазами и черными же волосами, высокого роста.

В тот же час батюшка отец Серафим, провидев духом, поспешно и радостно посылал работавших у него в Сарове сестер в Дивеево, говоря: «Скорее, скорее грядите в обитель, там великая госпожа ваша отошла ко Господу!»

Все это произошло 28 мая 1832 года, накануне праздника Пятидесятницы, а на другой день, в самую Троицу, во время заупокойной литургии и пения Херувимской песни, воочию всех предстоящих во храме покойная Елена Васильевна, как живая, три раза радостно улыбнулась в гробу своем.

Ее похоронили рядом с могилою первоначальницы матушки Александры, с правой стороны Казанской церкви. В эту могилу не раз собирались похоронить многих мирских, но матушка Александра, как бы не желая этого, совершала каждый раз чудо; могила заливалась водой и хоронить делалось невозможным. Теперь же та же могила осталась сухой и в нее опустили гроб праведницы и молитвенницы Серафимовой обители.

На третий день по кончине Елены Васильевны Ксения Васильевна пошла вся в слезах к батюшке отцу Серафиму. Увидев ее, великий старец, любивший покойную праведницу не менее всех сестер, невольно встревожился и, сейчас же отсылая Ксению домой, сказал ей: «Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы все 40 дней ежедневно была бы обедня, и как хочешь, в ногах валяйся у батюшки отца Василия, а чтобы обедни были!» Захлебываясь

от слез, ушла Ксения Васильевна, а отец Павел, сосед по келии с отцом Серафимом, видел, как батюшка долго-долго ходил расстроенный по комнате своей и восклицал: «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела, как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились! Она удостоилась сидеть недалеко от Святыя Троицы, аки дева!»

Когда Ксения Васильевна пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны к батюшке отцу Серафиму по его приказанию, то старец, утешая свою любимую церковницу, сказал радостно: «Какие вы глупые, радости мои! Ну, что плакать-то! Ведь это грех! Мы должны радоваться; ее душа вспорхнула как голубица, вознеслась ко Святой Троице. Пред нею расступились Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Она прислужница Матери Божией, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться нам, а не плакать должно! Со временем ее мощи и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо обе они так угодили Господу, что удостоились нетления! Во, матушка, как важно послушание! Вот Мария-то на что молчалива была и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то при вскрытии мощей ее в будущем предадутся тлению одни только уста ее!» (Записки протоиерея Садовского и Н.А. Мотовилова, показание живой еще Ксении Васильевны).

Из образов Елены Васильевны осталось в обители: а) икона Елецкой Божией Матери 1773 года, в серебряно-золоченой ризе, родительское благословение ее, б) икона Успения Богоматери в фольге и в) икона Спасителя, несущего крест, по воску работана разноцветным бисером самой Еленой Васильевной.

Дарье Фоминой отец Серафим сказал (тетрадь № 6, рассказ 39): «Дивное Дивеево будет, матушка! Одна обитель будет лавра, а другая-то киновия! И есть там у меня церковь, матушка, а в церкви той четыре столба и у каждого-то столба будут все ноши! Четыре столба и четверо мощей! Во, радость-то какая нам, матушка!»

Своей избранице Евдокии Ефремовне (матери Евпраксии), которая присутствовала при явлении Божией Матери в день Благовещения, отец Серафим много говорил на прощанье. Так он сказал (тетрадь № 6, рассказ 17):

«Вот скажу тебе, — говорил мне батюшка Серафим, — будет у вас два собора; первый мой-то собор холодный; куда лучше будет Саровского-то и будут они нам завидовать! А второй-то собор, зимний Казанский, ведь церковь-то Казанскую нам отдадут! Вы и не хлопчите, придет время еще поклонятся да и отдадут ее нам. И скажу тебе, вельми хорош будет мой собор, но все-таки еще не тот этот дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор! Подойдет Антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется и не сможет он взять его. Достойные, которые взойдут в него, останутся в нем, а другие хотя и взойдут, но будут падать на землю. Так и не сможет достать вас Антихрист-то; все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух; достать-то они ее не могли. Так вот и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас и не сможет ничего вам сделать Антихрист! И при том соборе время придет такое у вас, матушка, что ангелы не будут поспевать принимать души, а вас всех Господь сохранит, только три из вас примут мученье, трех антихрист замучит! Ведь Дивеев-то диво будет, матушка, четверо мощей в Рождественской церкви у нас почивать будут! И будет тут не село, а город. Мы-то с тобой не доживем, а другие-то доживут и до этого!

Еще приказывал мне, — продолжает Ксения Васильевна, — если кто из рода твоего будет когда проситься в обитель и придет когда к тебе, матушка, не изжени вон, а непременно прими! Ведь у меня, убогого Серафима, в обители моей, Серафимовой-то пустыни, матушка, целыми родами жить будут, так целыми родами и лягут в Дивееве» (предсказание исполняется).

«Вот что завещал нам батюшка Серафим, — говорила Ксения Васильевна (тетрадь № 6, рассказ 34): непрестанно молиться, за все благодарить Господа и всегда бодрствовать и быть радостною, дабы никогда не допускать духа уныния! Помни всегда, что послушание превыше всего, превыше поста и молитвы, и не только не отказываться, но бегом бежать на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратии, ибо монах, говорит он, только тот и монах, когда как лапти будет всеми отбит и отрепан! Кушать, не возбраняя, благословил всегда вволю, но вина, “чтобы и запаха его у меня в обители не было!” Запрещал строго жить по одной в келии или куда уходить. Если кто-либо

окажется подпавшим греху-татъбы, таковых никогда не держать, немедленно высылать из обители. “Нет хуже вора! — говорил батюшка, — от такого тьма грехов! Лучше уж блудника держать, матушка, ибо тот свою губит душу и отвечает сам за нее, а тать — все, и себя, и ближнего губит, матушка!” Батюшка запретил кому-либо говорить вы. “Это все нынешние люди выдумали, матушка, должно всем ты говорить! — говорил отец Серафим. — И вы всем ты говорите. Сам Господь нам то указал, а кто умнее, святее и паче Бога! И если мы Господу глаголем Ты, Господи, то кольми же паче должны мы так говорить ближнему человеку!” Также строго воспретил батюшка благодарить кого из благодотворителей за благодеяния, как бы ни велик был дар его, приказывая лишь всегда за него молиться. “Молитесь, молитесь паче всего за творящего вам благо, — говорил отец Серафим, — но никогда словами его не благодарите, потому что, не благодаря, он полную и всю мзду и награду за добро свое получит; благодарением же вы за благо вам окрадываете его, лишая его большей части заслуженной добродетелью его награды. Кто приносит дар, приносит его не вам, а Богу; не вам его и благодарить, а да возблагодарит он Господа, что Господь примет его дар!” По отношению к обители батюшка Серафим запрещал брать что-либо и отдавать на сторону, хотя бы даже для родных. “Нет паче греха, матушка! Нет паче греха! — говорил отец Серафим. — Это как огонь, вносимый в дом; кому дадите, он поглотит все, и дом разорится и погибнет, и род весь пропадет оттого! Свое есть — дай, а нет, то приложи больше молитвы, сокрушенным сердцем, не переступая заповедь эту, молись Господу и услышит Он, если полезна молитва твоя, и утешит вас! Начальницу приказывал всегда избирать самим, — свою, а никак не чужую или из другой обители. Повиноваться им без прекословия и ропота и начальницу почитать, ибо она есть Наместница Матери Божией, которую Царица Небесная научает и чрез нее Сама управляет обителью! Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы; человек этот погибнет!” — сказал батюшка. Заповедывал еще батюшка никогда ни в какие дела и суды не входить обители и нам грешным. “Пусть обижают вас, но вы не обижайте! — говорил он. — Что вам пещися! Матерь Божия собрала вас, Сама нареклась вам Игумениею; Она все управит, защитит, разберет и заступит; все Ей

известно и все Ей возможно! Ее Святая воля! В Ней и живете и только молитесь Ей и просите Ее; велика скорбь, велико горе, велико искушение... усугубьте просить и молить вашу Владычицу, верую и любовью предоставив себя, все и всех... и Она даст все полезное, нужное и благое!” Строго приказывал батюшка не допускать ни под каким предлогом и видом, как бы благовидны ни были к тому причины, кого-либо стороннего, не обительского, и не позволять впутываться в дела и распоряжения обители ниже мужчин, ниже женского пола, ниже монахов, ниже монахинь, заповедуя так: “Матерь Божия Единая вам Госпожа и Владычица, Она Сама избрала место сие, взяв в удел его, как Афон, Она Сама собрала и собирает и избирает вас, Единая Она вам Игуменья ваша, вечно Верховная, игуменья же только наместница Владычицы, исполнительница воли Ее. Не подобает поэтому никому входить в наши дела! Вы достояние Самой Матери Божией и Царицы Небесной; Ей того не угодно!” Так, раз батюшка сказал одной нашей сестре: «Вот, матушка, Нижегородская-то игуменья была у меня да и говорит: “Отдайте мне ваших девушек, батюшка!” Слышишь, матушка? А ведь того не понимает, что только Матерь Божия вас знает и никому нет дела до вас! “Что ты, что ты, говорю, матушка, знай себя, Господь с тобой, того никому не можно!” — и отослал ее, матушка. В другой раз приказал батюшка, для порядка, ходить нам благословляться к матушке Ксении Михайловне; мы это исполняли, а она стала распоряжаться уже и делом; делай так, да вот эдак... Скажи батюшке, а он, родименький, как разгневался! “Нет, — говорит, — нет, матушка, этого никак нельзя, никак нельзя, матушка! Не должно это ей! — восклицал батюшка. — Ведь я только благословляться велел, но чтобы все шло, как велось, без дозволения распоряжаться. Если кто благорасположен к вам, помогает вам, и служит вам, чем может, и дары приносит, не воспрещайте и не мешайте ему; пусть делает, пусть служит; ведь это он Матери Божией Самой служит и делает; все его узрится и зачтется ему; но если зато он в дела ваши впутаться захочет, не позволяйте того, не гневите Пречистую, нарушая заповеданное мне, убогому Серафиму, Ею Самой, и отдайте ему все и жертву, и дары его!”».

В записках протоиерея отца Василия Садовского помещены последние посещения его батюшки отца Серафима. Так он пи-

шет (тетрадь № 6, рассказ 70): «Предсказывая мне будущие на обитель скорби и бури, убеждал меня батюшка ничего не бояться, говоря: “Убогий Серафим умолит за обитель, батюшка, а Царица Небесная Сама ей Игумения; тут же только наместницы по Царице-то Небесной, все и управит, батюшка!”».

«Подружье-то твое ранее тебя отойдет ко Господу! — сказал мне батюшка Серафим (рассказ 76), — чрез два года после нее уйдешь и ты, батюшка! (так и случилось!) Ты помни: двенадцать, а ты, батюшка, тринадцатый! (Когда 12-ть первых сестер скончались, умер и о. Василий тринадцатым). И вот что заповедаю тебе: как умирать-то будешь, то, чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька-то (Мантуров) ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут; вот хорошо и будет, батюшка; ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас посередке; вместе все и будем!»

Далее отец Василий перечисляет главные правила, которые заповедовал батюшка отец Серафим Дивееву. Объяснения отца Василия и великий смысл этих основных правил, на которых выросла дивная обитель Дивеевская, да проникнут в сердца всех входящих и живущих в святой обители, ибо заветы даны самой Царицей Небесной и Она же избирает Своих сестер.

«Правила следующие: дабы вечно, неугасимо горела свеча перед местною иконою Спасителя в верхней, Рождества Христова церкви, и вечно неугасимая же лампада у храмовой иконы Рождества Богоматери, в нижней, Рождества Богородицы церкви.

В этой же нижней Рождественской церкви, которую всегда батюшка называл усыпальницею мощей, предсказывая много раз и мне самому, что четверо мощей будут открыто почивать в ней, завещал на вечные времена читать денно и нощно неугасимую Псалтирь по усопшим, начиная с Царских родов, иерархов православной церкви, благотворителей обители и кончая всеми просящими молитв о себе и присных своих, говоря: “Она будет вечно питать обитель, батюшка!” Также завещал на вечные времена неопустительно, по воскресным дням, перед литургиею служить Параклис Божией Матери, весь нараспев, по ноте, оба канона попеременно, как в Саровской пустыни. “Если это исполнят, никакие беды обитель не постигнут, если же не исполнят, Царица Не-

бесная накажет и без беды беду наживут”, — строго заповедывал мне лично много раз угодник Божий.

Батюшка Серафим неоднократно пробовал убеждать матушку Ксению Михайловну, зная будущее слабое время, слабые силы и слабый народ, оставить непосильный для женской немощи устав Саровской пустыни. “Мужчине, батюшка, и то с трудом лишь вмоготу исполнить!” — сказал мне батюшка Серафим. Однако он не мог ее убедить. “Поэтому, объяснял он мне, я и дал, по приказанию мне, убогому Серафиму, Самой Царицы Небесной новый устав этой обители, более легкий: три раза в сутки прочесть: один раз Достойно, три раза Отче, три раза Богородице, Символ веры, два раза Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешную и один раз — Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас грешных, с поясными поклонами; два раза — Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею помилуй мя грешную и один раз: Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею помилуй нас грешных; тоже с поясными поклонами; двенадцать раз Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас! и двенадцать раз: Владычица моя Пресвятая Богородица спаси нас грешных! — тоже все с поясными поклонами. Да вечерние и утренние молитвы, да помянник с 12-ю избранными псалмами святых отец и сто земных поклонов Иисусу и сто земных же поклонов Владычице. Довлеет им, батюшка, сказал отец Серафим, если только исполнят — спасутся! О сборном акафисте сказываю тебе, по времени — попомни и разъясни; никоим образом не должен он быть у меня для всех обязательным, батюшка, а еще кто может, дабы тем самым не наложить лишней тяги греха на чью-либо душу. Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это и я всегда говорю и благословляю им, как от сна встают — тут же за работу, читая про себя, хотя бы и на ходу, мое правильце; если так сотворят — спасутся! Послушание паче молитвы и поста, батюшка! Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедываю им, батюшка, во все четыре поста и двенадесятые праздники, даже велю и в большие праздничные дни; чем чаще, тем и лучше. Ты, духовный отец их, не возбраняй — сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы недостойн и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании

всегреховности своей приступить к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, все более и более светлеет, совсем просветлеет и спасется! Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтобы ты знал”.

Приказывал батюшка, по освящении Рождественских церквей и поставив церковницами девицу из дворян Елену Васильевну Мантурову, а также послушницу ее, крестьянскую девицу же Ксению Васильевну Путкову, чтобы на вечные времена все ризничие и церковнические должности, а также клироса, чтения и пения исполнялись бы только сестрами обители, избранными на то начальницами и непременно лишь исключительно девицами. “Так-то Царице Небесной угодно, батюшка, говорил он, сама Матерь Божия мне то приказала и вот я тебе говорю; смотри же, и помни это всегда, и другим всем сказывай, и после себя накажи!”

Исключительно только девиц заповедовал батюшка Серафим принимать в обитель свою мельничную, почему и называлась она Мельнично-девическая община, в отличие от так называемой старой церковной обители матушки Александры, куда благословлял принимать всех, и вдов, и девиц. “Как мать Александра была вдовица, говорил о. Серафим, то у ней все и вдовы, и девицы будут жить в обители, батюшка, и будет там лавра, а у меня, убогого Серафима, как и сам я девственник, батюшка, будут жить в канавке-то одне лишь девы; тут будет у меня киновия, батюшка. Тогда будет у нас общая всем начальница наместница, а в киновии-то еще и игуменья! Царица-то Небесная все у нас управит, батюшка; Она ведь Сама Игуменья их настоящая, а здесь лишь наместница! Она все управит!” При этом, как духовного отца сестер обители, батюшка назидал меня, приказывая быть всегда сколь возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня и до сих пор еще судят, но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял. Угодник Божий говорил: “Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего, чего, каких только страшных грехов, аще и изрещи невозможно, прощал нам всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человеки! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка; всегда это помни, — одни лишь только свидетели, батюшка!” Затем батюшка объяснил мне,

как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику и тем более хуление начальников, ибо первое правило иноку, на этом все монашество зиждется, — послушание и полное отсечение своей воли, вследствие неисполнения которых возник первородный грех ветхого Адама, все погубивший, и чем только и спасен весь мир, чрез человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо: послушлив был даже до смерти! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так, непременно погибнет! Батюшка, ввиду этого, строго-настрого приказывал всегда говорить, всегда в том вразумлять согрешающих, с дерзновением остерегая их и напоминая даже: “Бойся оскорблять начальников; повинуйтесь начальнице, как самой Матери Божией! Не послушаетесь — Бог вас накажет!”

Все начальнические должности в обители, как настоятельницы, казначеи, благочинной и даже старших по послушаниям, не говоря уже о церковных и клиросных и псалтирных послушаниях, приказывал батюшка исключительно и всегда занимать лишь одним девицам. Заповедовал он в вечное правило для обители своей, в начальницу и ни в какие должности никогда никого не ставить чужого или из другого монастыря, а всегда из сестер же обители своей и строго-престрого грозя гневом Царицы Небесной, завещал навеки обители своей, не ради чего и не ради кого-либо, ни под каким видом, как бы благовидны ни казались предлоги и причины, к тому, некого не допускать распоряжаться обителью, никому не позволяя в нее вмешиваться. Не только из светских лиц, будь то мужского, либо женского пола, безразлично, но даже и духовных не своей общины лиц. “Сама Матерь Божия обителью управит, сказал батюшка, всему Она Сама научит, все устроит и укажет, кого нужно изберет и призовет, кого нет, ими же весть судьбами изженет из обители Своей; что полезное утвердит, не полезное разорит и все, все Сама совершит, как Ее токмо единой воле здесь то угодно! Вот на что я, батюшка, отцем называюсь им, гляди! Исповедую тебе и Богом свидетельствуюсь, что ни одного камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и не единую из них не принял я по желанию своему, против воли Царицы Небесной! А коли я убогий, которому Сама Матерь Божия поручила их, не соизволил своего и своему, выполняя лишь только Святейшие приказа-

ния Ее, кольми паче другим надлежит то, батюшка! Вот ты им духовный отец, Царица Небесная Сама тебя избрала им, тебе жить с ними, то и должен ты все знать; вот я тебе все и сказываю... Сняв при этом с своих ручек надетые поручи, сам угодник Божий надел их на меня и сказал: “Вот, батюшка, теперь все я сказал тебе и вот надеваю тебе свои поручи, возьми и блюди их! Блюди же обитель мою, тебе поручаю и молю: послужи ей всю жизнь твою, ради меня, убогого Серафима, и чем можешь не оставь!”».

«Если хочешь устроить дом души своей, — писал отец Серафим, согласно наставлению Великого и Преподобного Варсонофия, — то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такого здания суть твердая вера для устроения стен; деревянные окончены, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна ночью* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнев твоем*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгучим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лени. Наконец требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он придет с благословенным Отцом и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит и научит тебя, что такое мир души, просветит сердце твое радостью неизглаголанною (Откр. 171). Душу снабждать надобно словом Божиим: ибо Слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы можно читать *сидя*. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением божественным. Надобно так обучить себя,

чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своєю милостью, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания, и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирин, охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждою и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, — имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания, и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится чрез вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою (Исаак. Сир. Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала доселе сохраняется, и что терпела она в то и другое время, — знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утешения своего духа. Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный.

по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (118, 165)».

С отцом Серафимом находилась Псалтирь с воследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так около полунощи, вставши от сна, он совершал правило Пахомия великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы, третий, шестый, девятый, и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу святого Пахомия великого, а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем *келейного правила*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Келейное правило отца Серафима

Прежде начатия Псалтири читай сие:

Боже, очисти мя грешного, и помилуй мя. *Поклон.*

Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклон.*

Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.*

Боже, милостив буди мне грешному. *Поклон.*

Боже, прости мне беззакония и согрешения. *Поклон.*

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, аще словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя, и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть. Слава и ныне. Господи помилуй. *Трижды.* Благослови.

Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое:* По Отче наш:

На Славах:

Слава, и ныне. Аллилуйя, *трижды.* Господи помилуй, *трижды.* Посем: Спаси Господи и помилуй всех православных Христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущие: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня окаянного помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братьев наших, zde лежащих и повсюду православных Христиан преставльшихся, подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоя бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

По окончании кафисмы читай:*Тропари и кондаки*

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие Твое, зову: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, аз где явлюся грешный? Тяготы и зноя дневного не понесох; но ноне с наемниками единонадесятого часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взирай щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца*.

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: приими мя, Отче, кающегося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очисти мя, якоже оного, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас, Богородице; призри на люди согрешившия, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе, Радуйся, вопиим Ти, якоже Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя Богородице, таинства! Чистоте запечатанной и девству храниму, Мати позналася еси неложна, Бога рождши истинного: Того моли спастися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся. Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественных вашей славы, сохраняюще ны припадающие прилежно и вопиющие: от бед избавите ны, яко чинопроводители вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не остави милости Твоя от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едино Содетелю, упокой Господи души раб Твоих; на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой Христе души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Упование Христиан, Пресвятая Дево, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горними Силами, дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верую и любовью присно Тя чтущим.

Отседова

Господи помилуй. *Сорок.* И молитву Святого Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. *Поклон.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему. *Поклон.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков, аминь. *Поклон. Также малых дванадцать поклонов, глаголюще на кийждо поклон:* Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *И паки последи молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончании трех кафисм глаголи:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое Воскресение Твое славим.

Господи, аще словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть: Слава, и ныне. Господи помилуй, *трижды.* Благослови. Молитвами святых отец наших.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе: Царю небесный: Трисвятое: *По* Отче наш: Го-

споди помилуй, дванадесять. Приидите поклонимся, трижды.
И псалом пятидесятый; и: Верую во единого Бога Отца:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух
Святой: Троице Святая, слава Тебе.

Отче наш, *и проч.*

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводе победительная, *и проч.*

Преславная Присно-Дево, *и проч.*

Все упование мое, *и проч.*

Богородице Дево, не презри мене грешного *и проч.*

Упование мое Отец, *и проч.*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного;
и прости моя беззакония и согрешения.

Всемиловитая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дево, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешного.

Святии Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся
Силы небесныя, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне
грешном.

Святый Ангеле Господень, Хранителю мой Святый, помилуй
мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси Святии, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне
грешном.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Спаси Господи и помилуй отца нашего строителя иеромонаха
(имя рек), со всею о Христе братиею: подаждь им Господи ду-
шевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое
согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и
меня окаянного помилуй.

Спаси Господи и помилуй всех православных Христиан на
всяком месте владычества Твоего, и подаждь им, Господи, ду-
шевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое
согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами
меня окаянного помилуй.

Упокой Господи души усопших раб Твоих, праотец, отец и
братий наших, zde лежащих и повсюду православных Христиан
преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоея бес-

конечные и блаженные жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава и ныне. Аллилуйа *трижды*. Слава. Спаси Господи и помилуй всех православных.

И ныне. Упокой Господи души усопших, *и проч. Посем*. О Тебе радуется: Слава и ныне. Господи помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами Святых Отец наших:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша вольная и невольная, яже в слове и деле, яже в ведении и не в ведении, яже во дни и в ночи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец.

Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи, человеколюбче, *и проч. Молит.*

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Светися, светися новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе воссия: ликуй ныне и веселися Сионе. Ты же Чистая, красуйся Богородице о восстании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасеннии Тобою, Дево, чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся девственное похвало, радуйся Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песньми величает.

Предстательство Христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно Богородице чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетленная, *и проч.*

Молитва на повеч.

Слава; и ныне. Господи помилуй. *Трижды*.

Благослови. Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христс, Сыне Божий, помилуй мя грешного;* в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами*

Богородицы помилуй мя грешного; или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородица, спаси нас;* или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся!* Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанных молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Сл. 69, лист 142).

«Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симеон, новый Богослов (Добротол. часть I, лист 61. Слово о трех образех молитвы).

«Достоинство же молитвы ясно определил св. Златоуст: велие, — говорит он, — есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть» (Маргар. сл. 5 о непостижимом).

«В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу.

«Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами.

«Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратит (Сл. 2, гл. 15).

«Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

«О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению».

«Совершенная любовь к Богу — учил он — соединяет любящих с Богом, и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит.

«Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо.

«Истождая тело свое постом и бдением — и отразишь мучительный помысл сладострастия.

«Как дело Божие править миром; так дело души — управлять телом.

«Похоть истребляется страданием и скорбию, или произвольною, или посылаемою Промыслом.

«Какою мерою меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ.

«Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего.

«Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях.

«Хорошо бесстрастие: сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых.

«Не будь нерадив в деятельной жизни — и просветится ум твой; сам Бог обещает это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе* (Исаии, 45).

«Уединение и молитва — великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым.

«Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием.

«Кто переносит с молитвою удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным.

«Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен.

«Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укоренись, рождает терпение — навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ.

«Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*. «В этом да будет, — говорил он, — все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием, таким образом, имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Из частых наставлений отца Серафима было еще: «ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть жених ей, вводящий ю в свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к отцу Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие — по недосугу. Отец Серафим завещавал таким людям следующее молитвенное правило:

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: *Отче наш* трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: *Богородице Дево радуйся* — также трижды, и наконец символ веры: *Верую во единого Бога* — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома, или на пути куда-нибудь, пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного, или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи помилуй*, и продолжай до обеда.

«Пред самым же обедом пусть совершает вышешоказанное утреннее правило.

«После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: *Пресвятая Богородице, спаси мя грешного*, и это пусть продолжает до самого сна.

«Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: *Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного, или грешную*».

«Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т.е. трижды *Отче наш*, трижды *Богородице* и однажды *Символ веры*. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы — основание христианства: первая — как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв; вторая — принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы Христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, *спасется* (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило и, вдобавок, он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие душеполезные молитвословия и чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься наверх христианских добродетелей.

«Не должно, — говорил он, — без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил свою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?»

«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных.

«Исполненные духовною мудростью, люди рассуждают о духе какого-либо человека по священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею, и по тому делают о нем заключение.

«Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

«Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (о небесн. иерар. гл. 2): соделавшись сам божествен, божественных вещей познанием и в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни: не бо праведна есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов — чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими, и вращеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6).

«А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изречению св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел (Сл. 89).

«Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно, по глаголу: *Аз прославляющая Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30); потому что путь уже открылся».

Таковыми-то правилами духовного рассуждения руководствовался отец Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение отец Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями *Православной* веры Христовой; как-то: Клименту папе римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о православии, изъясняя, в чем

оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целости и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной церкви — Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, Преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьи Mineи, творения многих отцев Церкви, так твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, ослепленного благодатию, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчалиника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно-родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Письменные наставления отца Серафима

1. О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах коих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он пришел согреть наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным и правым; но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Исаак. Сир. Сл. 90, л. 171 на обор.).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потоплику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зеркало, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О вере

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. XI, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Бо-

жия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т.е. крестом, помощью вервия, т.е. благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого царствия Божия, и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), т.е. надейся на Меня, и утетишься от труда и страха.

В Евангелии святого Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым не видети смерим, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя миру и, с радостью приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня царство: ибо я увидел надежду мою — Христа Господня.

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для

видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божиим

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеву со страхом и радуйтесь ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (т.е. сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, им же несть числа*, т.е. в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, — порождения злых духов.

Бойся Бога, — говорит Премудрый, — и заповеди его храни (Екк. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа, и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

6. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от всего, что в мире, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам Преподобного Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земли чуждой? Мир сей есть область инаго, т.е. князя века сего (Сл. 15).

7. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море — корабль терпит беды и приращения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приращения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приращений мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершен-

ства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит Апостол, *еще с Ним страждем, с ним и прославимся*. Другого пути нет (Варс. Отв. 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, за чем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

8. О внимании к самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рискующий, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), и те, которые напрягают *лук свой состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению святых отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Ант. Сл. 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и, при непрестанном делании, имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, т.е. искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачем ко здравью внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей, и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и слад-

кие слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала поджигать и закрываться, т.е. страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились, и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, т.е. мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно, и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти или сложные и смешанные и проходят ли в памяти только как слабые, или сильно восстают на душу — и как восстают — властительно, или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступают вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостью, или и видя не видит их и вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах, или в чувстве — без живых образов и в памяти — без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Исаак. Сир. сл. 45, лист. 76 на обор.).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приращения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем святая Церковь воспевает так: *«богатство видево добродетелей Иовлих, украсти козньствовавшие праведных враг, и растерзав столб телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооруженну непорочнаго душу»* (Тропарь мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не возглашают уста мои дел человеческих* (16, 4); а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13, 14).

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), т.е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщить-ся и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макар. Велик. Сл. о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога!

10. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *приидохом сквозь огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая — с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть, с совестью благою; в премирном же, когда его ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды — Христа? Тогда воистину радуется он радостью Ангельскою. О сем-то и Апостол сказал: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам своим пред смертью Своею, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Иоан. 14, 27). О нем

также говорит и Апостол: *и мир Божий превосходяй всяк ум да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26, 12).

11. О хранении мира душевного

Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева, и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни святого Григория Чудотворца, от которого некая жена блудница всенародно требовала mzды, акибы за грех с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: *даждь скоро ей цену, колико требует*. Жена, только что прияла неправедную mzду, подверглась нападению беса: Святитель же изгнал из нее и беса молитвою (Чет. мин. Ноябрь. 17).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно удерживать язык по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах* (76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе святого Спиридона Тримифунтского и Преподобного Ефрема Сирина. Первый (Чет. мин. Декаб. 12) так перенес оскорбление: когда, по требованию греческого царя, входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату, и даже ударил его в ланиту. Святой Спиридон, будучи незлобив, обратил ему по слову Господню и другую (Мф. 5, 39) — Преподобный Ефрем (Чет. мин. Янв. 28), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев

ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате; аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы пойдем к ней». Итак, преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снесь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Чет. мин. Июня 19), который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *аще хоцещи победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние, и стараться иметь дух радостный; по слову премудрого Сираха, *многи печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждения ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку, и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

12. О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите Кесарево Кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки

ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *еще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по воскресении дочери Иаировой от смерти, *повелел дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем святой Василий Великий свидетельствует (Бесед. на начал. Притч., стр. 305): многие много собрали в юности, но посреде жития бывши, воставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения, и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению святого Исаака Сирина: *якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое* (Сл. 40).

13. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит

услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога святой пророк Малахия: *и воссияет вам, боящимся имени Моего солнце правды* (4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

14. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачущии яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфириносного Пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: *омочи ланите твои плачем очию твоєю, да почиет на тебе Святый Дух, и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилистави Господа твоего слезами, да приидет к тебе* (Сл. 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это — от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды — Христа Бога.

15. О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуда убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни врагии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире, сказано, место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит святой мученик Вонифатий (Чет. мин. Дек. 19): страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие; а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли благодатствованному человеку по падении востать чрез покаяние?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти и Господь приям* (Пс. 117, 13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но возвратившись в келию, он сознал свое согрешение, и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу, и велел брата падшего в грех ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему

Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т.е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро, и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16, Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, говорит Варсонофий, то имаши почудитися и прославити Бога как Он применяет тя от еже небыти воеже быти (т.е. из грешника в праведника, отв. 114).

Покаяние во грехе между прочим состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву Преподобного Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Св. Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепки в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обьимут мя, и душе бесстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждых. Приятелище Святого Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Свя-*

тый, созижди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя да не уклонюся в шуйя. Лице Твое, Господи, видети возжелех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не иссохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, и прими мя в вечные Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да обьимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единокордным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Ант. Сл. 77).

16. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущии, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге — поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою

скудную пищу. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако же не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем, или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели: иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцев, употребляй один раз в день, — и Ангел Господень прилепится к тебе.

17. О хранении сердца

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходяще живота* (4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывая тайны сердца твоего.

18. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел поврещи на землю сердец человеческих: ибо ничтоже тако устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообщение и многословие и собеседование, кроме оногo, еже со чады таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению (Ис. Сир. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, — о чем и святой Исидор Пелусиот говорит так: аще (глаголющу Писанию) кия беседы злые тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлiti внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды смягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, подвигается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умалается: то как воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена (Исидор Пелус. письм. 284, и Чет. мин. в жит. его. Февр. 4 дня).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удерживать язык от многоглаголанiя: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12); *и иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (13, 3); и помнит слова Иова: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (31, 1); и слова Господа Иисуса Христа: *всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвецает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

19. О распознавании действий сердечных

Когда человек примет что-либо божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце Христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное; ибо ощущает в себе плоды духовные: *любь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 42).

А диавол хотя бы преобразился и в Ангела светла (2 Кор. 11, 14), или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, святой Макарий Египетский говорит: «хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Сл. 4, гл. 13).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет святой Григорий Синаит: «от действия убо возможешь познать возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть, или сатанин» (Доброт. ч. I, л. 96 на обор. О безмолвии).

20. О болезнях

Тело есть раб души, а душа — царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя: да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святой Василий Великий: «откуда недуги? откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех? Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла, стр. 213).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога

о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нея; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет, потолику внутренний обновляется*» (2 Кор. 4, 16).

21. О милостыни

Должно быть милостиву к убогим и страннам; о сем много пеклись великие светильники и Отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будете милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), также: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет неодинакова, как сказано: *сеюущии скудостию скудостию и пожнут; сеюущии же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Чет. мин. Сент. 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, — да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина: «*аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его*» (Сл. 89).

22. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между срамом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, т.е. движения и помыслы злые еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит; *не ори юнцем и ослиатем* (Втор. 22, 10), т.е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающая беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей — мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящия брачем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благодати Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешне.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

23. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны по Апостолу страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающего твоя, не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничивать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: «уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Сл., 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Несушу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжывает и прочие совершенства. Почему святой Преподобный Исаия говорит: *терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут, и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди мужу беззаконный*, — он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?*, он запретил ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинает мя*, ибо Господь увидит и воздаст мне благое (2 Цар. 16, 7—12). Почему после и воспел: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает печь: и искушение человеческое в помышлениях его (Сир. 27, 5). Но горе вам погубльшим терпение! и что сотворите, егда посетит Господь (2, 14)?

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять его и сделать царем: а когда Он сказал им: *делайте не брашно гнилющее, но брашно пребывающее в живот вечный*, тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему* — и таковой даже до века не узрит света (Пс. 48, 19, 20).

Посему Апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение ваша веры соделывает терпение: терпение же дело совершенно да имать*, и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни* (Иак. 1, 2—4, 12).

24. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека, или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешашу, покрой его, как советует святой Исаак Сирин (Сл. 89): «прости ризу твою над согрешающим и покрой его».

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: *аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы!*

Мы в отношении к ближним должны быть, как словом, так и мыслию, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т.е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает святой Димитрий Ростовский (Част. 2, поуч. 2, лист. 165): «там видна неправдивая к Богу в Христианском человеке любовь, где тварь с Творцем сравнивается: а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любит и предпочитается».

25. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим, или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии Апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех в обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но напротив, прощать обидчика от сердца хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *аще не отпущае-те человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15); *молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему — враждующему, но должно любить его, и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших возсияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои*. Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит Преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Ант. сл. 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, т.е. против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая — против человекоубийцы — дьявола. Повелено нам враждовать и против Маданитян, т.е. против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только дьявола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли осуждающий или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит Преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь.

Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судие, ведущему сердца наша и сокровенные страсти естества (Ант. Сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечести, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.

26. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде царствия Божия, и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т.е. временное и преходящее, и желать нашего, т.е. нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно Апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклесиаст, его же видех под солнцем, богатство храним от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавие: вси днии его во тме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недуге, и в гневe (Екк. 5, 12, 16).

27. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и иступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни

кратко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Ант. сл. 25).

28. Об отчаянии

Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуетсЯ воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего (Лест. лист. 102, степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастиях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться: но Петр — твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит Преподобный Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «что

нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змииную главу» (Ант. сл. 27). И с умилением будем молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и прими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому неизвестные, которые знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя — врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия, дающего время покаянию. Возсияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжело падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И твоим благоутробием прости мне руку и восставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о гибели грешников и не отвращающий*

лица Своего от молящегося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретнице и препояшь мене веселием (Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежала болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

29. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа Сына Божия суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *так о возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodного дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевают Святая Церковь (1-й канон на Рожд. Госп. песнь 1-я): *истлевша преступлением, по образу Божию бывшего, всего тления суца, лучшиа отпадиша Божественныа жизни, наки обновляет мудрый Содетель*.

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мiрови, но да спасетсЯ Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

30. О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов святого Григория Богослова (в слове на Святую Пасху): к созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности.

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси (Акаф. св. Николаю. Конд. 10).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: дерзый бо и прозорливый, по словам Григория Синаита (О прелести и о иных многих предлогах (Доброт. Част. I, лист. 951, и на обор.), паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени dospети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам святого Григория Богослова (Слово на Святую Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигнем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем оснащаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспевание и пришел бы уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее вызывает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять одного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению Учителей Церковных (Блаж. Феодорита толков. на Песнь песней, лист. 84 на обор.), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12, 13).

Беседы отца Серафима с монашествующими и мирянами

К отцу Серафиму лично обращались монашествующие из мужских и женских обителей; в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал пред ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, — говорил он, — должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучена долгим учением в рассуждении добра и зла (Евр. 5, 16).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и ночь должен поучаться в законе Господнем; чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому требующему его наставления; ибо, как говорит Петр Дамаскин (в Добротол. о назидании души добродетельми. Часть III, лист 52), несть всякий человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен.

Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущия, и проразумевать козни врагии.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря» (в книге к Пастырю, гл. 5, лист. 178 на обор.).

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братий, спрашивали отца Серафима о том, как управлять братиею. На такой вопрос одного из них отец Серафим дал следующее наставление:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумною матерью.

Чадолюбивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовию; в нечистоту впадших очищает, оmyвает тихо, мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не

слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благо-расположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но во угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовию, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостию, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омыwać возложением на них поста и молитв, сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерною жизнью своею в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота — и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

Давая наставления начальствующим из монастырской братии, отец Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение, послушание, повиновение — и спасеши-ся, говорил он словами преподобного Варсонофия. И отнюдь не говори вопреки: что это? и для чего это? Но будь благопокорлив, наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя (Варс. Отв. 242).

Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, говорит тот же учитель. Ибо, что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?

Повинующийся повинуетсѧ во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинился и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек.

Кто хочет узнать путь совершенно и нейдет с знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (соверш. безмолвия).

Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоём — и тогда спасеши-ся. Смирение и послушание суть иско-

ренителие всех страстей и насадителие всех добродетелей (Варс. Отв. 309, 357, 551, 618, 68, 226).

Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. Он должен быть как сукно на сукновальне, по словам преподобного Антиоха. Ибо как сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет и оно делается бело, подобно снегу; так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, очищается и делается, как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное (Ант. Сл. 113).

Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; *ибо несть власть, аще не от Бога, суция же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *противляйся власти, Божью повелению противляется: противляющийся же себе грех приемлют* (Рим. 13, 2).

Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали отца Серафима советов и наставления насчет того, как им спасти себя и присных своих. Отец Серафим отвечал на это следующее:

«По совету ли, или по власти других или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель, — не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе скажу — спасеши сам и присные твои, о которых заботишься: *не видех*, глаголет Пророк, *праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, т.е. вечерню, повечерие и полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие — занимайся оным; если зовут на послушание — иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании твои беспрестанно молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,

помилуй мя грешного. В молитве внемли себе, т.е. ум собери и соединяй с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своея и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т.е. беседу с самим Господом, то зачем ходить по келиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассудить о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих, или смеющихся; будь в сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Чет. мин. 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноческое; послушание безроптивно, повинование тщательное, делание терпеливо и труд усерден.

Седя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест; но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й, и час за полночь; аще изнеможешь, можешь в добавок днем спать. Сие держи несумненно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел.

Скажу тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то necessarily пребудешь в обители до скончания своего. Смиряйся, и Господь поможет тебе, и *изведет яко свет правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 6), и *просветится свет твой пред человеки* (Мф. 5, 16)».

Одному из Саровских иноков отец Серафим открыл великую тайну, как он сподобился быть восхищенным в небесные обители. (Жизнь и подвиги о. Серафима. СПб. изд. 1849—1856 гг.) Когда другой узнал это, то тоже пожелал выслушать старца и пришел к нему. Но только он хотел открыть уста, как старец загородил их своею рукою и сказал: «огради себя молчанием». Тут же он начал раскрывать пред ним историю пророков, апостолов, святых отцев и мучеников, с свойственной ему простотою. Он описывал их подвиги и страдания, твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся каждый крест свой для получения спасения; вспоминал и разные их чудотворения, которые они производили благодатию Божиею, к славе Господа. Описывал также многих подвижников, в иночества прославившихся своими подвигами в терпении и непрестанном бдении. Он говорил, что все святые, которых прославляет церковь Христова, оставили нам, по своему успеху, жизнь свою, как пример для подражания; но исполнением в точности, от всей души, заповедей Христовых, достигли совершенства и спасения, обрели благодать и сподобились разнообразных даров Духа Святаго. Исполнение же заповедей Христовых для каждого христианина есть бремя легкое, как сказал сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти; а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестныя. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Тела и Крови Христовой.

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» — сказал отец Серафим иноку и тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а перед Ним вся слава мира сего, как ничто; все наслаждения мирские

и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях; там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрерывным бдением, молитвою и памятованием Господа.

«Вот, я, убогий Серафим, сказал старец, для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца; во вторник от Марка; в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские; и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и Святому. Чрез это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, от того, что я беседую с Господом, содержи в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

Вслед за этим, в неизобразимой радости, он произнес: «вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в доме Отца Моего обители мнози суть (т.е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился, и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно». И с этими словами отец Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением. Потом отец Серафим снова заговорил:

«Ах, если бы ты знал, — сказал старец инок, — какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, го-

нения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша (при этом он показал на свою келию) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую угодовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанная; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел (2 Кор. 12, 2—4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения, в котором водворятся души праведных!?»

Особенно замечательна, по содержанию своему, беседа старца Серафима с г. Богд—вым. В день Рождества Христова 1832 года он удостоился видеть отца Серафима в Саровской пустыни.

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись — упадешь и враг посмеется тебе; аще юн сын, удержишься. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи: хулят — хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это, люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу, и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти, или и далее, кого Бог позовет». Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? Он отвечал: «Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа».

Еще спросил я: должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волею Божиею, например, празднично проводить время и т.п.? На это отец Серафим возразил: «За эту любовь многие погибли: еще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога».

Я попросил его помолиться обо мне, он отвечал: «За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться; тогда Бог даст слезы раскаяния», и опять подтвердил: «укоряют — не укоряй и т.д.».

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? — он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай; еще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя».

Спрашивал я также отца Серафима насчет опасности нынешних советов и можно ли ввериться учению других. Он отвечал: «это вам необновленным», и улыбнулся. «Довольно одного Ангела-хранителя, от святой купели нам данного. Если ярость в коем есть — не слушай; если девство кто хранит — Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей, и Евангелие читай».

Я попросил отца Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. Отец Серафим сказал мне: «Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В терпении нашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся».

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: «В Евангелии сказано: молящиеся не лишше глаголите: вестъ бо Отец наш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сие убо молитесь вы: Отче наш и

проч., тут благодать Господня; а что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает».

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал:

«Царство Божие не брашно и питье; но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь. Только враг смущает все».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть. Три рубля стоит».

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек; но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему, или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть: да мы сами не хотим».

Чем, спросил я, истребить гордость и приобрести смирение? Он отвечал: «Молчанием. Бог сказал Исаии: на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих». Касательно духовной гордости он прибавил еще: «Проси Бога, чтобы он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются».

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Беседа*
Преподобного Серафима Саровского
с Мотовиловым
(О цели жизни нашей христианской)

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порешила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что, с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством и говорили вам: высших

* Настоящая брошюра взята из беседы Преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. Она за последнее время получила широкую известность и, по справедливости, считается драгоценнейшей жемчужиной Православного учения о спасении.

Найдена была эта рукопись в 1903 году С.А. Нилусом в Дивеевском монастыре в бумагах покойного Мотовилова.

Н.А. Мотовилов, богатый помещик, исцеленный Святым Серафимом от неизлечимой болезни ног, всю свою жизнь провел близ великого старца. Этому «службе Серафимову», как он сам называл себя, обязаны мы многими сведениями о жизни Преподобного, и он же оказался единственным свидетелем великого торжества Православия, явленного Святому Серафиму в 1831 году в дремучих лесах Сарова и ставшего теперь достоянием всей церкви. — Прим. изд

себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. *Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьяго.* Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «всяк иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «во всяком языке бояйся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть».

И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию, сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни паки-бытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель дает средства на их осуществление. За человеком остается осуществить их или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию,

приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не в праве жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так и в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьяго.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он. — Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек, Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею и говорит всем нам: «купите дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», т.е. выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано: «шедше купите на торжище». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильное. Какой же это

у них недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, но все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одне добродетели делать. Сделали мы, де, добродетель и тем де, и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодать Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: «ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий, в письмах своих к монахам, говорит про таких дев: «многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: 1-я Божия, всесовершенная и всеспасительная; 2-я собственная своя, человеческая, т.е. если не пагубная, то и не спасительная, и 3-я бесовская, — вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша научает нас делать все в услужении нашим похотям, а то и я, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно сцепиться немогущего. Оно то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого не доставало у юродивых дев. За то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим

Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «вселюся в них и похожду и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего в полунощи и войти с ним в чертог радости. Юродивые же, видевшие, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские, елей — не дела; но получаемая через них благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т.е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т.е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «се стою при дверях и толку»... разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью! О, как желал бы я, Ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием. «В чем застану, в том и сужу», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет. Вот почему сказано; «бдите и молитесь, да не внидите в напасть», т.е. да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как оружие для стяжания благодати Духа. Захотели бы Вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла: захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить

по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостать не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она ото всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «не меня ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея»... и воскресил его Господь. Так-то, Ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. «Блаженны будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Его Святаго Духа». Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех, в сретение Господа на воздухе, грядущего со славою и силою многую судили живым и мертвым и воздали коемуждо по делу его.

Вот, Ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать устаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «прииди и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, т.е. с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин,

душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот, хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости, де, просим, пожалуйста, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума что ли выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет. Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому-то и сказано: «упраздните-ся и разумеите, яко Аз есть Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», т.е. явлюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т.е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молит душа и в молве находится, когда молитву творит: а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядая все нечистое» и в общении с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

— Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне о молитве только говорить извольте?

— Стягивайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прирост дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий, из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже

еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божьего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемое Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. — Родом я из курских купцов. Так, когда я не был еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысячи языком». И Господь говорит: «не всяк глаголай Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», т.е. делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «да веруйте в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т.е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божиим вы обретаетесь или нет; и если — в Духе, то благословен Бог. Не о чем горевать: хоть сейчас на страшный суд Христов. Ибо, в чем застану, в том и сужу». «Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возьмется, как сказал пророк Давид: «пожену враги моя и постигну я и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святого требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятого Духа Божия? Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати, чем более раздается; тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать Самарянке: «пияй от воды сей воз жаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого, как о цели христианской жизни: но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными свидетельства Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «и виде Адам Господа, ходящего в раи» или когда читаем у апостола Павла: «идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеку.

Вот некоторые и говорят — «эти места непонятны. Неужели люди так очевидно могли видеть Бога?». А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья

его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?», т.е. как, де, я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столб облачный и огненный или что то же — явная благодать Духа Святого, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели и не в мечтаниях, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Многие толкуют, что, когда в Библии говорится — «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной», — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «да будет все-совершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что, если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т.е. благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего, и ради Сына в Мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святого, возводящего его

в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутрь себя неимущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и бысть «Адам в душу живу», т.е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того неподлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многозначительнее его. Когда Господь повелел ему нареши имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу и всемогущество и все прочия благия и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раи, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог насадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего Дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил

и плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла, — преждевременно и противно заповеди Божией, — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа, Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божьяго вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а появлялось только извне и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая извне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьяго или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силою, как в народе Божием, но проявление Духа Божьяго действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы, — пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Мировправителя, каковым Его и язычники признавали. Также и философы языческие, которые хотя и во теме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому

Боголюбезному исканию непричастными Духу Божиему, ибо сказано «языки неведующие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает «истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском народе священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведующих Бога, а все-таки сохранилось ведение Божие, т.е. батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческого ощутительно о действиях Духа Святого понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот, Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божьяго 300 лет, потом, на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый: Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божиим и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем, дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им

эту же самую адамовскую благодать Всесвятого Духа Божияго. Но мало сего, — ведь говорил же Он им: «уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мир, аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголаше им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот, в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на комемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ее силе и действиям. И вот, эту-то самую, огневдохновительную благодать Духа Святаго, когда подается она нам всем верным Христовым в таинстве святого крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святаго». На что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти. т.е. до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что, де, он будет годен и что, де, он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятными от всякие скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот, в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятого Духа Божияго и делаемся в многообразных мерах грешными и многोगрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради

нее на утренневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, и через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутри нас действующего и внутри нас царствие Божие устраивающего. Слово Божие не даром говорит: «внутри вас есть царствие Божие и нужно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть, — те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и недопускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, придти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите, говорит Господь, и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их».

Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых, т.е. одеждах оправдания и «финицы в руках их», как знамение победы и пели они Богу дивную песнь «Аллилуия». «Красоте пения их никто же подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «сии суть приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира; присно и доныне закалаемого и разробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше, в напутие живота вечного, во ответ благоприятен на страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода дерева жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе денница. Хотя враг и диавол и обольстил Еву и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых

отчаянных грешников. Поэтому самому Божия Мать и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки»: имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «в Том живот бе и живот бе свет человеком» и прибавлено: «свет во тьме светится и тьма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценным заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче! Не до конца прогневайся на нераскаянность эту», а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею и как распознать ее и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Свята-

го Духа есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: «светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть, — благодать Духа Святого, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святого, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих. И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освещал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него, так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был излиться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и — «быша ризы Его, блещущие яко снег и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «вся проста суть обретающим разум»... Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кричит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, создает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сия не разумеете ли»... Опять же про этот разум в Евангелии говорится

про апостолов, что «отверзь им тогда Господь разум и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них, или нет и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что их дело свято и вполне угодно Господу Богу». Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным, — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божияго... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуместь Его явление в нас... это же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько.

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

— Не уstraшайтеcя, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, преклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем, мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то

сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей. И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынноикам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убойтесь: Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо, — сказал я.

— Да, как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам своим: «мир мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил бы свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким

словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим?

— Необыкновенную сладость, — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «от тука дому твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным улаждением. От этой-то сладости наши сердца, как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце.

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он не прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорить в Евангелии Своем: «жена егда рождает скорбь имать, яко прииде год ее; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радостью, яко человек родился в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашей никтоже возьмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и, смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к трудам прилагая, восходить нам от

силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрулятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений»... Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вmale и вкратце, явится во всей полноте своей и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снега, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, еще при жизни матушки моей, я любил танцевать, и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя sprysнет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

И батюшка отец Серафим, приятно улыгнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, — так ли вы это чувствуете. Сущая правда, ваше Боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «теплотою Духа Святаго согрей мя». Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так

ведь должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиевает и согревает нас, и преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретьных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь «суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силу»... Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «я сам был в полноте Духа Святаго»... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас убогих преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго... Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь может вам навсегда удержатъ это в памяти вашей, благость Его не преклонила бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а, через вас, для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим и другим могли быть полезным. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскует правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, —

вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое, — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, т.е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично даст нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много», говорит Господь, «делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная власы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды, — ово тридевять, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему, один — вместо двух — четыре, а

другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас «Несмы Аз Бог издалуче, но Бог вблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехвалюсь я, говоря это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет. «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха и мирянина — простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горюшно» и оба двинут горы. «Един движет тысячи, два же — тьмы». Сам Господь говорит: «вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «веруй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больша сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесо же во Имя Мое, ныне же просите и приимите...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы не попросили у Господа Бога, все восприимите, лишь бы только то было во славу Божию, или на пользу ближнего, потому что и на пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но, если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его и щедроты

Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их, услышит, и весь совет исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать сообразовали. Грядите же с миром, Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром...

И во время всей беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

На этом месте заканчивается Мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но, если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого старца. Пыль, галочки и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма посторонних лиц — все в одной куче, впере мешку одно с другим и всего весу 4 п. 5 ф. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться.

Разбирая этот хаос, натываясь на всевозможные препятствия, — особенно почерк был для меня камнем преткновения, — я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры, нет, нет и блеснет искоркой во тьме с трудом

разобранная фраза: «батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда, я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего “служки” из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?»

От души, должно быть, было мое восклицание. На утро, взявшись за разбор бумаг, я сразу нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать Мотовиловский почерк. Не трудно представить себе мою радость, и как знаменательны мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас — для целого мира»...

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках, среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда: перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас».

Конец и Богу нашему слава и благодарение.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА И ПРЕДСКАЗАНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ (<i>Протодиакон Никита Чакиров</i>)	3
ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА (<i>С.А. Нилус</i>)	5
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ (<i>Е. Поселянин</i>)	8
Весть о прославлении старца Серафима Саровского	8
Жизненный подвиг старца Серафима Саровского	16
Кончина праведных и последние дни земной жизни старца Серафима (2 января 1833—1903 гг.)	67
Что оставил по себе старец Серафим	85
Легенда о старце Серафиме Саровском, Императоре Александре I и Императрице Елизавете Алексеевне	88
Из последних чудес старца Серафима Саровского	95
Птенцы старца Серафима Саровского	99
Прославление Преподобного Серафима	132
ИЗ КНИГИ «ДИВЕЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»	137
ПРИЛОЖЕНИЯ	243
Келейное правило отца Серафима	243
Письменные наставления отца Серафима	254
Беседы отца Серафима с монашествующими и мирянами	283
Беседа Преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым (О цели жизни нашей христианской)	293

Научно-популярное издание

Великие тайны истории

**ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА
И ПРЕДСКАЗАНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ РОССИИ**

Преподобный Серафим Саровский Чудотворец

Координатор проекта *Н.С. Дмитриева*

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *Н.К. Киселева*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.09.2010. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная

Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 10.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2039.

ООО «Имидж Принт»

300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Родной и близкий каждому русскому православному человеку святой, самый сердечный и добрый помощник из всего благодатного сонма святых, в Земле Российской просиявших, — вот кто такой Преподобный Серафим Саровский. В эту книгу о нем вошло пространное жизнеописание Преподобного, составленное замечательным церковным публицистом Евгением Николаевичем Погожевым (1870—1931), который публиковался под псевдонимом Евгений Поселянин и чьи статьи и книги во многом открыли широкому кругу читателей мир русского старчества. В книгу вошли также и фрагменты из «Дивеевской летописи». Это удивительно искренние свидетельства о Преподобном Серафиме и о том непостижимо прекрасном явлении православной русской культуры, которую называют «Дивеевской святостью».

ISBN 978-5-9533-5305-2

9 785953 353052

